

Институт Татарской энциклопедии
и регионоведения АН РТ
ФИЦ «Казанский научный центр РАН»

Сергей Белов
Булат Хамидуллин

ВОЛЖСКИЕ БУЛГАРЫ. ПУТЬ К ИСЛАМУ

этнополитическая и культурно-конфессиональная история
праболгар с древнейших времен
до официального принятия булгарами ислама

*Издание посвящено 1400-летию Мединской общины –
первого государственного образования мусульман,
созданного в 622 году пророком Мухаммадом
после переселения из Мекки в Медину,
и 1100-летию официального принятия ислама
 народами Волжской Булгарии*

Казань
2022

УДК 94(470.4):297
ББК 63.3(2)41
Б 43

Издание рекомендовано Ученым советом
Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ

Научный редактор:

Рафик Мухаметшович Мухаметшин,
доктор политических наук, действительный член Академии наук РТ,
ректор Российского исламского института.

Научные рецензенты:

Питер Бенджамин Голден,
почетный профессор Ратгерского университета,
почетный член Венгерской академии наук и Турецкого лингвистического общества,

Радик Римович Салихов,
доктор исторических наук, действительный член Академии наук РТ,
директор Института истории им. Ш.Марджани,

Айрат Габитович Ситдилов,
доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук РТ,
директор Института археологии им. А.Халикова.

Белов С.Г., Хамидуллин Б.Л.

Волжские булгары. Путь к исламу: Этнополитическая и культурно-конфессиональная история праболгар с древнейших времен до официального принятия булгарами ислама. – Казань: Институт Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, 2022. – 136 с.

Издание посвящено 1400-летию Мединской общины – первого государственного образования мусульман, созданного в 622 году пророком Мухаммадом после переселения из Мекки в Медину, и 1100-летию официального принятия ислама народами Волжской Булгарии в 922 году.

Belov Sergei, Khamidullin Bulat.

Volga Bulgars. The road to Islam: Ethno-political, cultural, and religious history of the Proto-Bulgarians from ancient times to the official adoption of Islam by the Bulgars. – Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2022. – 136 p.

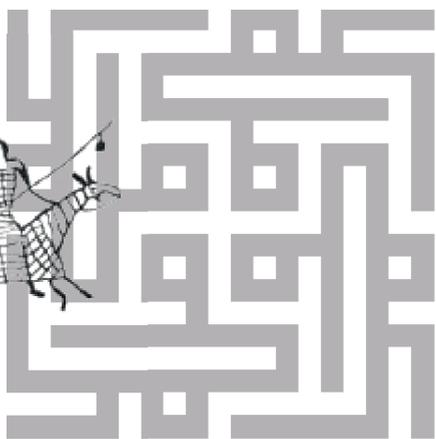
The current book is dedicated to the 1400th anniversary of the Medina community – the first Muslim state created by the Prophet Muhammad after he moved from Mecca to Medina in 622, and the 1100th anniversary of the official adoption of Islam by the peoples of the Volga Bulgaria in 922.

ISBN 978-5-902375-63-0

© Белов С.Г., Хамидуллин Б.Л. (авторы), 2022
© Академия наук Республики Татарстан, 2022
© Ибрагимова Ф.А. (верстка, дизайн), 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Возникновение и распространение ислама	10
Предыстория болгар. Праболгары.....	33
Рождение и гибель Великой Болгарии	53
Булгары на Волге	76
Официальное принятие ислама Волжской Булгарией и его значение	103
Заключение	123
Список основных использованных источников и литературы.....	127

ВВЕДЕНИЕ

«Принятие в 922 году Волжской Булгарией ислама в качестве государственной религии во многом предопределило формирование уникальной российской цивилизации, соединяющей традиции Запада и Востока...»

*Президент Республики Татарстан
Р.Н. Минниханов, 12.01.2022.*

Ислам – вторая по количеству приверженцев мировая религия, распространенная среди представителей многих народов нашей планеты. В настоящее время его исповедуют около 2 миллиардов человек, мусульманская умма охватывает более 120 государств. Наибольшая численность мусульман – около 1 миллиарда человек – проживает в Азии, из которых более 600 миллионов – в Индонезии, Пакистане и Индии.

В Российской Федерации ислам одна из основных исповедуемых религий, наряду с христианством, буддизмом, иудаизмом, различными «языческими» верованиями. Он объединяет порядка 20 миллионов представителей различных народов, которые вносили и вносят огромный вклад в развитие всех сфер жизни нашего государства – политики, экономики, культуры, образо-

вания, науки, спорта. Этнические мусульмане, то есть народы, традиционно исповедующие ислам, согласно Всероссийским переписям и исследовательским опросам, составляют в разной степени большинство населения в 7 субъектах Российской Федерации: в Ингушетии, Чечне, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Башкортостане и Татарстане. По мнению многих экспертов, численность мусульман в стране продолжает неуклонно расти за счет естественного прироста, особенно среди народов Северного Кавказа, а также за счет мигрантов, главным образом из стран Центральной Азии и Азербайджана, что приводит к значительному увеличению доли мусульман в населении современной России.

Последователи пророка Мухаммада на территории нашей страны появились практически уже в первые десятилетия после возникновения его вероучения вместе с отрядами арабов на Северном Кавказе. Однако статус официальной, государственной религии ислам впервые на территории современной России получил в 922 году в Волжско-Камской Булгарии. Поэтому эта дата имеет наиважнейшее значение не только для истории татар и других народов – потомков булгар, и истории современной Республики Татарстан, на землях которой находилось этнополитическое «ядро» Булгарии, но и для всех российских мусульман, а значит и для истории страны в целом.

Тысячелетие принятия ислама волжскими булгарами пришлось на время, когда в стране под лозунгами воинствующего атеизма шло установление новой антирелигиозной идеологии, и поэтому, по объективным причинам, не могло широко отмечаться. Это придает особо важное значение и обуславливает необходимость официального празднования, как на республиканском, так и на общегосударственном федеральном уровне, 1100-летия принятия ислама в Волжско-Камской Булгарии в 2022 году.

Отрадно, что вопрос о проведении юбилейных мероприятий в честь 1100-летия официального принятия ислама населением Волжской Булгарии был поднят 4 ноября 2020 года в ходе онлайн-встречи Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина с лидерами крупнейших религиозных

объединений России, и уже 28 апреля 2021 года он лично подписал распоряжение о подготовке и проведении празднования в 2022 году, поддержанное распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 июля 2021 года...

Принятие ислама населением Среднего Поволжья в 922 году стало итогом длительного, многовекового исторического пути, пройденного праболгарами и булгарами до достижения ими нового политического, социально-экономического и культурного уровня. Оно символизировало собой не просто переход тюрков-булгар от близкой к монотеизму веры, которую можно обозначить термином-неологизмом «тенгризм» или «тенгрианство», к единобожию, к вере в Аллаха, но и в целом качественное преобразование общества из «варварства» в цивилизацию. Не рассмотрев этот путь, нельзя полностью понять значение и исторический смысл официального принятия ислама в 922 году. А поиск начала этого пути уводит нас как минимум на полторы тысячи лет назад, к истокам праболгарской (протобулгарской) истории, что и определяет хронологические рамки нашей книги.

Российская Федерация, как в ее современных границах, так и в более широких предшествующих рубежах Российской империи (1721–1917), возникла в результате встречи и слияния на границе «Леса» и «Степи» в Центральной Евразии двух двигавшихся навстречу друг другу масштабных волн «собирания народов»: тюркской с востока, из «Степи», и восточнославянской с запада, из «Леса». Восточные славяне во главе с Рюриковичами создавали Древнерусское государство (862/882–1240), а затем Великое княжество Московское (1263–1478) и Русское централизованное государство (1478–1721), со времени венчания Ивана IV на царство в 1547 году именуемое также «Русским царством», тюрки – целый ряд государственных образований: Хуннскую (220 до н.э. – 46 до н.э.) и Гуннскую (374–450-е) державы, Тюркский (552–650-е) и Аварский (568–822) каганаты, Великую Болгарию (632–671), Хазарский (650–990-е), Тюркешский (704–756), Уйгурский (744–840), Кимакский (750–1035), Кыргызский (840–1207) каганаты, Волжско-Камскую Болгарию (900-е–1236), Золотую Орду (1269–1430-е), Империю Тиму-

ридов (1370–1507), постзолотоордынские татарские ханства (с 1430–1440-х) и др., а также иные объединения тюркоязычных степных кочевников (например, половецкий Дешт-и Кыпчак). С определенного этапа средневековья эти волны двигались соответственно под знаменами христианства и ислама. В результате бурного соединения этих встречных волн и возникла Российская империя, предтеча современной Российской Федерации с территорией более чем 17 миллионов квадратных километров...

Волжско-Камская Булгария стала одним из важных этапов этого «собираения» земель и народов, объединив под политическим лидерством болгар/булгар самые различные тюркские (бажняк, баранджар, бахдула, берсула/барсил, билер, бургас, гуз, кыпчак, суваз/сувар/савир, темтюзи, эсегель/ишкил и др.), финские, угорские и иные племена, в том числе, например, потомков носителей раннесредневековой археологической именьковской культуры IV–VII веков (так называемых «именьковцев», чья этническая атрибуция до сих пор до конца не выяснена; существуют иранская, тюркская, угорская, славянская и балто-славянская гипотезы). Параллельно в то же самое время Древнерусское государство также объединило восточнославянские (волыняне, вятичи, древляне, дреговичи, кривичи, поляне, радимичи, северяне, словене, тиверцы, уличи и др.), балтские (голядь, летты и др.), финские (весь, меря, мешера, мурома, чудь и др.), тюркские (берендеи, торки, черные клобуки и др.) и иные народы (например, русь; их этническая атрибуция является спорной; существуют иранская, скандинавская и славянская гипотезы). Именно в болгаро-древнерусский период стали закладываться первые основы совместного проживания славянских, тюркских, финских и других народов Центральной Евразии в едином государстве. Вообще, все государства, ранее существовавшие на пространстве современной России и, в той или иной степени, предшествовавшие ей, носили ярко выраженный полиэтничный характер, причем объединяли они не только близкородственные народы.

Как следует из выше изложенного, абсолютно не случайно, что этногенез, политогенез и культуругенез волжско-камских болгар (булгар), как большого по численности и игравшего в средние века огромную роль в истории Восточной Европы народа, создавшего

выдающуюся по многим параметрам так называемую «Булгарскую цивилизацию на Волге», издавна вызывали неподдельный интерес ученых и широких масс людей, интересующихся историей. К этому необходимо добавить, что праболгары, древние болгары и волжско-камские болгары внесли существенный вклад в этногенез, политогенез и культурогенез целого ряда современных российских народов (в первую очередь татар и чувашей, а также балкарцев, башкир, карачаевцев, марийцев, мордвы, ногайцев, удмуртов) и некоторых современных народов, живущих за пределами Российской Федерации (в первую очередь дунайских болгар и гагаузов, греков, македонцев, украинцев и др.)...

Исторически сложилось, что народы Центральной Евразии довольно долго находились на окраинах ойкумены и поздно соприкоснулись с цивилизациями, обладавшими письменной культурой, и поэтому столь же поздно попали на страницы письменных источников. Как следствие, сведения о ранних этапах истории этих народов очень малочисленны, кратки, расплывчаты и часто противоречивы, вследствие чего трудны для адекватной, объективной интерпретации. Ученым приходится строить концепции, сопоставляя одно-два предложения разных письменных источников с данными археологов, палеолингвистов, палеоэтнографов, генетиков и иных исследователей, что часто приводит к самым разным, иногда противоположным трактовкам исторических событий. Авторы данной книги не ставили перед собой задачу их полного скрупулезного рассмотрения и цель какого-либо научного открытия, придерживаясь наиболее устоявшихся, проверенных временем точек зрения и теорий, лишь изредка указывая на некоторые, наиболее интересные, на наш взгляд, возможные альтернативы.

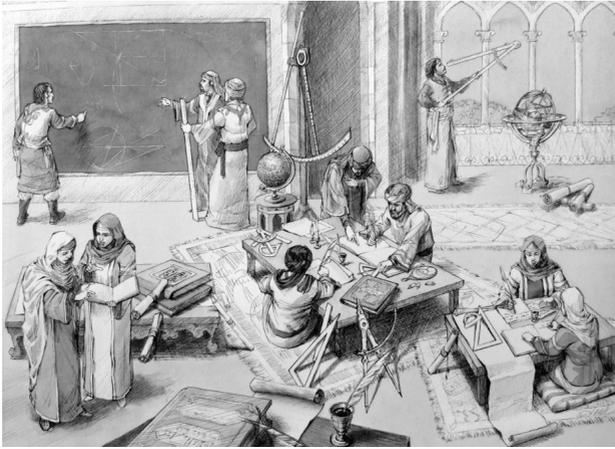
Мы обращались к научным исследованиям многих специалистов (историков, археологов, филологов и других) прошлого и современности, однако формат нашей книги не предполагает потекстовых ссылок на них, и поэтому все они указаны в списке использованной литературы. Из российских ученых нужно особо отметить таких, как М.И. Артамонов, Р.С. Багаутдинов, Г.В. Вернадский, А.В. Гадло, Г.Ф. Генинг, Л.Н. Гумилев, С.Г. Кляш-

торный, А.П. Ковалевский, Г.И. Матвеева, М.Я. Мерперт, Ш.Р. Мингазов, А.П. Новосельцев, С.А. Плетнева, А.П. Смирнов, С.А. Янина; татарстанских – Р.М. Валеев, Г.М. Давлетшин, И.Л. Измайлов, Д.М. Исхаков, Е.П. Казаков, Р.М. Мухаметшин, К.А. Руденко, А.Г. Ситдинов, Р.Г. Фархутдинов, А.Х. Халиков, Е.А. Халикова, Ф.Ш. Хузин; зарубежных – П. Голден, Д. Димитров, В. Златарски, А.В. Комар, О.И. Прицак, Р. Рашев, А.А. Тортика.

В источниковом плане эта научно-популярная книга базируется во многом на наработках одного из авторов – Б.Л. Хамидуллина – осуществившего в свое время комментированную публикацию обширного круга письменных источников по древнетюркской и болгарской истории в журналах «Идель» и «Аргатак» (1990-е), в книгах «Из глубины столетий» (2000; 2004), «История "скифов" глазами современников» (2001), «Хазары и их вассалы глазами современников» (2014), в приложениях к первым томам 7-томной «Истории татар с древнейших времен» (2002, 2006).

Для тематики нашей книги особенно важна история религиозных взглядов болгар, предшествовавших официальному принятию ислама. Поэтому мы постарались уделить особое внимание конфессиональным вопросам, рассмотреть языческое мировоззрение и древние культы болгар, а также то, как происходило их знакомство с мировыми монотеистическими религиями, последствия этого и т.д.

Повествование мы начнем с зарождения мусульманской религии, присущих ей особых черт, ее стремительного шествия по миру, значения в истории и культуре человечества...

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА

الله أكبر الله أكبر
Аллах велик!

لا إله إلا الله
Нет Бога, кроме Аллаха!

Ислам на сегодняшний день – самая «молодая» из мировых религий. Его родиной является Аравийский полуостров, который с древнейших времен населяли арабские племена, относящиеся к семитской языковой группе. В силу природно-климатической специфики, а почти 90 процентов территории Аравии – это полупустыни и пустыни, традиционно большую часть местных жителей составляли кочевые и полукочевые скотоводы – бедуины. Только на южной оконечности полуострова обильные муссонные осадки давали возможность вести интенсивное и продуктивное земледелие. С древности здесь концентрировалось около половины всего населения Аравии, сложились развитая земледельческая цивилизация, появились процветающие города и несколько небольших царств. Ряд древних арабских княжеств также возник на севере полуострова. В VI веке и северные, и южные

арабские государства попали в зависимость от государства иранских шахов Сасанидов. Крайний северо-запад в пределах полосы римских пограничных укреплений находился под влиянием Византии. Однако, 80 процентов территории внутренней, малокомфортной для проживания Аравии оставалось вне пределов крупных государственных образований. При этом кочевые сообщества внутренней Аравии не были периферийными по отношению к развитым обществам, как, например, кочевой мир степей Евразии, а жили в окружении древних земледельческих цивилизаций Северной Африки, Передней Азии, Средиземноморья и Месопотамии. Караванные пути, связывавшие эти развитые страны, в разных направлениях пересекали Аравию, постепенно втягивая в торгово-денежные отношения кочевое население. Области, прибрежные вдоль Персидского залива, Красного моря и те, через которые проходили торговые пути из Южной Аравии (в основном в Западной Аравии), специализировались на посреднической и транзитной торговле, здесь существовало множество городов и торговых факторий, в частности Мекка и Медина. Когда в VI веке цивилизации и государства северных и южных арабов пришли в упадок, политическое первенство здесь постепенно переходит к бедуинским племенам, с севера давившим на Южную Аравию. Все более углубляясь в ее территорию, они захватывали пограничные оазисы и тесно сближались с оседлыми жителями.

В итоге в VI столетии во всей Аравии быстро шло разложение первобытно-общинного строя, усиливалось социальное расслоение, выделялась племенная аристократия, контролировавшая земли, стада, рабов. В наиболее развитых районах возникали рабовладельческие и даже раннефеодальные отношения.

Кроме того, ограниченные с трех сторон водой, а с суши территориями Византии и Ирана арабы не могли увеличить пространства пастбищ, чего требовал рост численности населения и необходимого для его питания поголовья скота. Осуществление возникшей перед арабами необходимости выхода за пределы Аравийского полуострова в борьбе с могущественными соседями было возможно только при условии объединения сил всех арабских племен.

В историческом контексте появление и распространение ислама, как религии, призванной заменить языческое многобожие на

монотеизм, стало отражением духовно-религиозных, культурно-цивилизационных, социально-политических и экономических процессов в эпоху завершения перехода от первобытной древности к средневековью. Условия его возникновения соответствуют традиционным предпосылкам возникновения монотеизма. Постепенное разрушение родоплеменного патриархального строя, разделение общества на классы, обогащение племенной верхушки усилили имущественное неравенство, ослабили узы внутриплеменного коллективизма, вызвали острые социальные конфликты и ответные поиски путей восстановления социальной гармонии в обществе, той гармонии, которая в новых условиях вновь смогла бы объединить людей духовно.

В религиозно-духовной сфере появление ислама стало следствием общих тенденций религиозной жизни, кризиса языческого мировоззрения кочевых и земледельческо-торговых социумов Аравии. Локальные языческие культы приходили в упадок, одновременно некоторые племенные божества приобрели общеравийское значение. Особую роль стали играть «заповедные территории» (харам), сочетавшие функции святилищ и мест проведения ярмарок с правом убежища. Вокруг наиболее почитаемых объектов складывалась сложная система обрядов паломничества и поклонения с жертвоприношениями, на время паломничества к ним объявлялось священное перемирие. Одним из таких центров была Мекка, где находилось древнее святилище Каабы (с арабского «куб») – 4-угольной постройки, в углы которой были вмурованы 2 священных камня, а внутри стоял наиболее почитаемый идол, у которого в трудных ситуациях испрашивали совет. Кроме того, в Мекке находились идолы-хранители целого ряда племен и семей. В окрестностях Каабы присутствовал еще целый ряд объектов поклонения. В Мекке, как и во всей языческой Аравии, наряду с верховным божеством Илахом, или Аллахом, и триадой женских божеств: ал-Лат, ал-Уzza и Манат – почитались также Солнце, Луна и звезды, деревья, скалы, камни как воплощение упомянутых богинь или обиталище духов. Мекка как целый комплекс святынь пользовалась особым почетом, имела положение неприкосновенного священного центра обширного круга родственных племен. В сезоны паломничества

(хадж) сюда стекались десятки тысяч арабов из разных регионов Западной Аравии. Обойдя Каабу и прикоснувшись к ее священным камням, они посещали затем священные холмы, и, возвратившись, совершали жертвоприношение.

Некоторая часть жителей Аравийского полуострова в этот период приняла иудаизм и христианство разных сект, в подконтрольных Сасанидам частях проповедовался зороастризм. Параллельно на северо-западе в VI веке сформировались автохтонные монотеистические традиции ханифов и рахманитов, отрицавших поклонение идолам, противопоставлявших языческим племенным божествам единого бога. К началу VII столетия оба этих течения слились в единое пророческое движение, уходящее своими корнями к пророку Ибрагиму (Аврааму), считавшемуся общим предком всех арабов.

В этих условиях на исторической сцене арабского мира и появилась глобальная фигура пророка Мухаммада. Его учение существенно отличалось от предыдущих, как с политической, так и с идейной точек зрения, что предопределило его успех.

Мухаммад (Мухаммед, Магомед) родился в Мекке в 570 году. Сведениями о нем служат свидетельства очевидцев о его личной жизни и общественной деятельности, жизнеописания пророка (сира), предания о его словах и поступках (хадисы), комментарии к Корану (тафсир). Мухаммад происходил из небогатой семьи, принадлежавшей к знатному роду Хашимидов мекканского племени курайш, в котором по наследству передавался ряд почетных функций, связанных с отправлением культа Каабы. Он рано остался круглым сиротой: отец Абдаллах умер еще до его рождения, мать Амина – когда ему исполнилось 6 лет, и затем он воспитывался у родственников: деда и дяди. До начала своей миссии пророка Мухаммад вел обычную жизнь мекканца-курайшита, добывая себе пропитание с раннего возраста сначала в качестве пастуха, затем вместе с родственниками участвуя в караванной торговле в качестве погонщика верблюдов. Позднее он поступил на службу приказчиком к богатой мекканской вдове Хадидже бинт Хувайлид и в 25-летнем возрасте женился на ней. У них родились трое сыновей, умерших в младенчестве, и дочери Зайнаб, Рукайя, Умм Кульсум, Фатима. Удачный брак

существенно улучшил материальное и социальное положение Мухаммада, позволив ему перейти к занятию крупной караванной торговлей.

Во время своих торговых поездок по Аравии и Сирии будущий пророк близко познакомился с основами иудейско-христианского монотеизма, взглядами аравийских ханифов, проповедовавших единобожие и благочестие. Мухаммада с детства посещали видения, в которых к нему приходили люди в белых одеждах. Теперь, после знакомства с иудейско-христианской мифологией, он стал воспринимать их как ангелов – бесплотных существ, являющихся посланниками бога, посредниками между Аллахом и людьми. Мухаммад имел склонность к размышлениям в одиночестве, для чего часто удалялся в горы в окрестностях Мекки. Во время одного из таких уединений около 609 (или 610) года на горе Хира в месяц рамадан Мухаммаду стали являться видения ангела Джабраила (в Библии – Гавриил), сообщившего, что Мухаммад избран Аллахом в качестве его посланника, пророка, чтобы донести до людей повеления Всевышнего, и внушившего Мухаммаду текст Корана – священной книги («ал-куран» с арабского – «чтение вслух наизусть»). Сначала он принимал видения за наваждение злых духов-шайтанов, но под влиянием соплеменников, знакомых с христианством, расценил их как откровение, уверовал в истинность ниспосланного учения и вскоре стал вести проповеди, отвергая старые языческие верования, многобожие и т.д.

Воскрешение мертвых и Страшный суд, адские муки в огне, грозящие нераскаявшимся притеснителям-грешникам, которые вместо того, чтобы думать о спасении души, занимаются накоплением богатств, обирают сирот и бедняков, обманывают покупателей, берут огромные проценты за деньги, данные в долг, и щедрое райское вознаграждение богобоязненным – главные темы ранних проповедей Мухаммада, во многом заимствованные из иудаизма и христианства. Вселяя слушателям страх, он указывал и выход – через раскаяние, праведный образ жизни, помощь беднякам, сиротам и вдовам, веру в милосердие единственного и всемогущего бога, которого он называл эпитетом ар-Рахман («Милостивый»), как верховное божество во многих областях Аравии. Он провозгласил новую религию ислам, что в переводе

означает «покорность (воле Аллаха)». Мухаммад осуждал язычество и идолопоклонство, призывал уничтожать идолов и вернуться к древнему единобожию, которое проповедовал пророк Ибрагим/Авраам. Его учение ставило связь между верующими выше всех родоплеменных и прочих традиционных связей, было обращено ко всем людям, не различая племен и языков, социального положения (также как и в христианстве, где провозглашен принцип, что перед богом нет «ни эллина и ни иудея, ни раба и ни свободного, ни мужчины и ни женщины» – все люди равны).

Его первыми последователями стали члены семьи и иные близкие люди, собиравшиеся у него в доме на проповеди и совместные молитвы. Они стали называться «вручившими себя богу» – муслимун. Около 614 года, когда число мусульман достигло 40–50 человек, Мухаммад решил начать публичную проповедь. Это несколько увеличило число сторонников, но одновременно в еще большей степени – противников мусульман. Первые проповеди, провозглашавшие величие Аллаха, воскрешение мертвых и Страшный суд над грешниками, вызвали у мекканцев-язычников резкое отчуждение. В проповедях Мухаммад осуждал явные злоупотребления и жестокосердие, что также вызывало ненависть обличаемых к обличителю. Борьба с идолопоклонством грозила Мекке и курайшитской знати потерей привилегированного положения и экономических благ. Особенно сильное возмущение у чтивших культ предков арабов вызывало то, что их отцы, деды, прадеды и т.д. как язычники должны были гореть в огне ада.

За его взгляды Мухаммада всячески оскорбляли, подвергали насмешкам, требовали от него доказательств: демонстрации воскрешения, явления чудес и т.п. Его замужних дочерей изгнали мужа, родители лишали свободы своих детей, заставляя отречься от новой веры. Людей избивали, морили голодом, выставляли связанными на солнце. В конце 616 или начале 617 года главы курайшитских родов объявили бойкот всем Хашимитам. Сородичам Мухаммада пришлось жить на краю города в очень тяжелых условиях, иногда почти голодая. Но преследования не смогли заставить Мухаммада отказаться от пропаганды своих убеждений. Он оставался полностью уверенным в себе борцом, горел внутренней энергией, искренне верил, что создал великую

и единственно правильную религию, способную, говоря образно, перевернуть Вселенную, сохранял эту веру, даже когда ему с горсткой приверженцев приходилось противостоять многочисленным и могущественным преследователям и гонителям. Он обладал мощной харизмой и даром убеждения, воодушевляя своих сторонников в самых тяжелых обстоятельствах.

Из-за активных преследований значительная часть мусульман переселилась из Мекки в Эфиопию. Сам Мухаммад с частью верных последователей оставался в Мекке. В острых дискуссиях с противниками он постепенно выстраивал все более четкую систему вероучения: Аллах сотворил мир во благо людей, но неблагодарные люди в своей гордыне забывают об этом. Когда люди отклонялись от истинной веры, Аллаху приходилось их наказывать или посылать человечеству пророков (всего около тридцати). Аллах открыл истинную религию Ибрагиму (Аврааму), затем Мусе (Моисею) через Тору, Дауду (Давиду) через Псалтырь, Исе ибн Марйаму (Иисусу) через Евангелие. Наконец человечеству был послан Мухаммад, чтобы окончательно отвлечь людей от многобожия и идолопоклонства, и стать «Печатью пророков» – то есть последним из них.

Как говорится, «нет пророка в своем Отечестве»... И Мухаммад стал искать последователей среди пришлых паломников во время хаджа. На его проповедь активно откликнулись лишь паломники из полиэтничного оазиса Йасриб, издавна враждовавшего с Меккой. Также, возможно, уставшие от постоянных конфликтов между населявшими его арабскими и иудейскими племенами, они увидели в Мухаммаде того мессию, о скором явлении которого уже слышали от иудеев, вероятного третейского судью и объединителя народов. Во время очередного паломничества несколько десятков представителей от имени всех родов Йасриба признали духовный авторитет Мухаммада и гарантировали ему предоставление убежища.

Весной 622 года началось переселение (хиджра) мусульман из Мекки в Йасриб, завершившееся тайным бегством Мухаммада и его ближайшего единомышленника Абу Бакра в ночь на 16 июля 622 года. 24 сентября 622 года они прибыли на новое место жительства. Всего переехало примерно 70–80 взрослых мужчин –

мухаджиров (т.е. совершивших хиджру). Йасриб получил название «город Пророка» – Мадина ан-Набийй или просто Мадина (Медина – в русскоязычном варианте). А год переселения-хиджры впоследствии лег в основу отсчета нового мусульманского летоисчисления. Первые жители Медины, помогавшие Мухаммаду, стали именоваться ансарам (помощниками); их потомки сохранили это слово в своих фамилиях в качестве почетного титула.

С социально-исторической точки зрения, уход Мухаммада из Мекки в Медину, из своего племени в чужое, ярко символизировал разрыв родовых связей и отношений, показал верховенство новой религиозной идеологии над традиционными кровнородственными отношениями.

В Медине Мухаммад окончательно сформулировал положения и обрядность своего вероучения. Он заявил об особой роли ислама как истинной религии, как последнего и наиболее верного откровения Бога, не отрицающего откровений предыдущих пророков иудаизма и христианства, но исправляющего «искажения» в этих вероучениях. Иудаизм он осуждал за то, что тот признавал лишь ветхозаветных пророков, христианство – за обожествление сына человеческого Иисуса Христа и веру в Божественную Троицу, что считал отклонением в многобожие. Он по-своему интерпретировал многие библейские сюжеты, создавая концепцию истории человеческих заблуждений и искажения слова божьего. Именно в этот период важнейшим принципом ислама стало: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – пророк его».

Он построил первую мечеть, объявил Каабу главным святилищем ислама, сформировал ритуал: правила омовения, призыва к молитве, молитвы – намаза и т.д. Сочетая строгий монотеизм с традиционным культом Каабы, объявил ее храмом, основанным Ибрагимом. Древний священный Черный камень, вмурованный в его восточный угол, был введен в обряд поклонения Аллаху. Первоначальная ориентация при молитве и строительстве мечетей на Иерусалим (как город предшествующих Мухаммаду пророков Соломона, Дауда, Исы) была заменена ориентацией на Каабу, праздничным днем стала пятница, был установлен новый месяц поста, рамадан, во время которого при свете дня запрещалось есть и пить. Вместе с окончательным установлением

обряда молитвы, требований ритуальной чистоты, ограничений употребления некоторой пищи, запрещением вина вырабатывались основы мусульманского права (шариат): порядок раздела добычи, наследственное, семейное, уголовное право. Поэтому Мухаммад стал не просто духовным лидером-проповедником, но и политическим лидером, олицетворением власти в общине мусульман Медины и главой всех мединских племен.

По мере роста числа и тесного сплочения приверженцев Мухаммада на первый план выходят задачи борьбы с неверующими и расширения ареала ислама. Из Медины были изгнаны 2 иудейских племени, отказавшихся принять его. За сотрудничество с мекканцами еще одного местного иудейского племени – бану курайза – все его мужчины были казнены, а женщины и дети обращены в рабство.

Затем был провозглашен джихад (с арабского «усердие, рвение»), предписывающий защиту и утверждение ислама, «священную войну» (газават) за него, в первую очередь в Мекке – традиционном для арабов религиозном центре. С 623 года развернулись и шли с переменным успехом войны с мекканцами за влияние на оазисы между Меккой и Мединой, за контроль над культовой Каабой, мусульмане во главе с Мухаммадом нападали на идущие в Мекку караваны. Сначала Мухаммад потерпел ряд неудач. В 625 году его отряд из 750 человек был разбит превосходящими силами мекканцев в бою у горы Оход. Мухаммад, не будучи выдающимся полководцем, обладал огромным даром убеждения, организаторскими и дипломатическими способностями. В 628 году его армия нанесла мекканцам серьезное поражение. В том же году с мекканцами был заключен договор о праве мусульман совершать паломничество к Каабе. Победы мусульман поднимали авторитет Мухаммада и новой религии, выступали как своего рода зримое подтверждение могущества Аллаха, укрепляя веру людей в него. На соседей, в том числе мекканцев, производили сильное впечатление строгий организационный порядок и полное повиновение в войсках и сообществе мусульман. Некоторые знатные курайшиты стали переходить в ислам. Примерно в то же время правители соседних с Мединой и Меккой территорий, и даже Византии и Ирана получали послания пророка с

предложением принять ислам; подобные послания показывают, насколько велика была уверенность Мухаммада в своих идеях и силах. Нередко они сопровождались походами военных отрядов мусульман. В 629 году византийцы в битве при Муте разгромили 3-тысячную армию, которой командовал сподвижник пророка Мухаммада, его приемный сын и вольноотпущенник Зейд (Зайд).

В начале января 630 года в ответ на нарушение перемирия курайшитов с мусульманами Мухаммад собрал и двинул на Мекку огромную для тогдашней Аравии 10-тысячную армию. Поняв, что судьба Мекки решена, некоторые знатные мекканцы, в том числе родственники пророка, прибыли к нему в лагерь на переговоры об условиях сдачи и приняли ислам. 12 января мусульманская армия вступила в Мекку. Лишь небольшая группа курайшитов выступила против нее с оружием. Принесшие присягу мекканцы получили гарантии безопасности. Мухаммад лояльно обошелся с побежденными соплеменниками, казнив только нескольких участников вооруженного сопротивления, оставив все привилегии, связанные с обслуживанием Каабы, за теми же родами, которым они принадлежали прежде.

Мухаммад велел уничтожить всех идолов в Каабе и ее окрестностях, сохранив только священный Черный камень, и изложил мекканцам основные положения мусульманского права и этики. Одним из важнейших объявленных им положений стала идея превосходства веры над родовитостью: «Аллах покончил с родовой гордостью: вы все происходите от Адама, а Адама Аллах сотворил из праха. Кто из вас благочестивее, тот и благороднее».

Покорение Мекки способствовало быстрому распространению власти Мухаммада по всей Аравии. Возвратившись в Медину, Мухаммад продолжил усиливать и расширять свое влияние в Центральной и Северной Аравии, совершая походы на оазисы, жители которых при виде огромной армии часто сдавались без боя и заключали договоры о сохранении их собственности и веры при условии уплаты подушной подати – джизьи. Кроме военной силы и силы проповеди Мухаммада распространению ислама способствовали вполне рациональные факторы и обстоятельства: идеи справедливости, равенства и братства всех мусульман,

объединение арабов в единое государство, что способствовало миру между ними, безопасности жизни, улучшало условия торговли. Великий мыслитель XX века Джавархарлар Неру писал о Мухаммаде: «Уверенность в своих силах и вера, которые он сумел вселить в своих земляков, утешили и вдохновили народ, обитавший в пустыне и не игравший большой роли в истории. Благодаря этой вере этот народ сумел завоевать половину известного тогда мира».

631 год стал годом триумфального шествия ислама по Аравии. Мухаммад и проповедуемое им учение превращались в крупнейшую политическую силу. К нему прибыли послы различных племен Йемена, Центральной Аравии, Бахрейна. К мусульманскому государству постепенно присоединился Йемен, последовало принятие ислама сасанидским наместником Саны и рядом племен Северного Йемена. В итоге к концу года население почти всей Аравии, за исключением северо-восточной части между Йамамой и устьем Тигра и Евфрата, хотя бы формально приняло ислам. Чтобы укрепить связи с различными общинами, Мухаммад брал в жены представительниц разных племен, родов и сословий (по преданиям, к концу жизни у него было 9 или 11 жен).

В 631 году установились новые правила хаджа и отношений с немусульманами. Многобожники были допущены в Мекку в последний раз. Договоры, заключенные с ними, действовали оговоренный срок. Всем остальным язычникам давалось 4 месяца на размышление, после чего им объявлялась беспощадная война. Также предписывалось вести войну с «людьми Писания», то есть с иудеями и христианами, пока они не покорятся и не станут платить джизью, так как они «отступили от единобожия и сделали своими божествами раввинов, монахов и Мессию, сына Марии».

Подчинив своей власти значительную часть Аравии, Мухаммад стал не только религиозным лидером мусульман, но и главой нового государства. Таким образом, образование единого государства у арабов произошло на основе возникновения и распространения учения ислама, основной идеей которого стало единство всех мусульман. Именно мусульманская община во главе с Мухаммадом стала ядром политического объединения страны. Поэтому арабское государство изначально возникло как

теократическое, а ислам представляет собой не только культово-религиозное, морально-этическое, но и одновременно политико-юридическое учение, в котором религиозная власть преобладает над светской (в отличие, например, от христианства, где четко провозглашены принципы разделения духовного и светского начал: «Богу – богово, кесарю – кесарево» и верховенства светской власти: «всякая власть царя над подданными происходит от бога»). Среди главных причин успеха ислама можно назвать: во-первых, вакуум власти в 20-х годах VII века в Аравии: на севере Византия и Иран были заняты войной друг с другом, юг был разорван на множество мелких владений; во-вторых, в Западной Аравии курайшиты создали систему союзов, объединивших торговые интересы значительной группы племен; подчинив Мекку, Мухаммад стал наследником этой системы; в-третьих, и это, быть может, самое важное, власть пророка, вознесенного над остальными людьми богом, принималась свободолюбивыми бедуинами легче, чем покорение вождем другого племени или иноземным царем; принимая ислам, они покорялись не воле чужаков, а высшей, надплеменной и надчеловеческой власти.

Последним актом религиозной и политической деятельности Мухаммада в 632 году стали паломничество в Мекку, окончательно утвердившее новый, мусульманский обряд хаджа, и рассылка сборщиков благотворительного налога (закат или садака в виде фиксированной доли поголовья скота или продукции земледелия). Появление сборщиков садака во вновь присоединившихся районах было встречено с недовольством и, в ряде мест, открытыми восстаниями. В разгар этих событий Мухаммад после 2 недель тяжелой болезни скончался 8 июня 632 года и был похоронен в главной мечети Медины – Мечети пророка, ставшей второй после Каабы святыней и местом паломничества для мусульман.

Смерть пророка Мухаммада вызвала кризис созданного им молодого государства. Так, отсутствие у него наследников-сыновей, постоянных заместителей или помощников вызвало острые споры о приемнике. В конце концов, государство возглавил халиф («преемник и наместник посланника Аллаха – пророка Мухаммада»), избравшийся первоначально из узкого круга ближай-

ших соратников пророка: первыми халифами были Абу Бакр (632–634), Омар (634–644) и Осман (644–656).

После смерти пророка, мотивируя тем, что прежние договоры были заключены лично с ним и без него стали недействительны, многие племена начали отовсюду изгонять сборщиков садака, отвергая власть Медины, либо соглашались исповедовать ислам, но без уплаты садака. Только племена вокруг Медины, первые союзники Мухаммада, сохранили безусловную верность исламу; Мекка же заняла выжидательную позицию. В первый же месяц мусульманам пришлось отбивать наступление на Медину бедуинов Центральной Аравии. Затем потребовался ряд походов и сражений для довольно жестокого усмирения «огнем и мечом» вероотступников, восстановления порядка и борьбы с мятежниками. Только через год после смерти Мухаммада мусульманам удалось полностью восстановить и даже несколько расширить его государство.

Халиф сосредоточил в своих руках светскую и религиозную власть над обширными территориями и многими племенами. Но эта власть была еще достаточно аморфной. Чтобы наполнить существование нового государства смыслом, внутренне укрепить его, извлечь из его существования зримую пользу для всех арабов в первой половине 630-х годов было решено приступить к широкомасштабным военным походам, идеологически обоснованным необходимостью борьбы с язычниками и теми народами, которые исказили божественное вероучение (иудеи и христиане). В результате буквально в течение нескольких десятилетий были завоеваны огромные пространства от Атлантики до Индийского океана, в том числе весь Ближний и Средний Восток, Северная Африка и Юго-Западная Европа: в 30–70-е годы VII столетия – Сирия и Палестина, Месопотамия, Египет, Ливия и практически весь Магриб, Кипр, к 651 году – Персия, в начале VIII века – Закавказье, а также Северо-Восточный Кавказ (в 642 году арабы впервые захватили древний город Дербент в Дагестане, принадлежавший персам), междуречье Амударьи и Сырдарьи в Средней Азии, низовья Инда в Индии, большая часть Пиренейского полуострова, к началу IX века – Сицилия, Мальта, Крит. Причины ошеломляющего успеха во многом были те же, что и при объеди-

нении Аравии: политический вакуум на захваченных территориях из-за внутренних междоусобиц, ослабление двух главных сверхдержав того времени Ирана и Византии в ходе длительного конфликта и постоянных войн между ними – в итоге первый был полностью поглощен арабами, вторая потеряла огромные территории. Победам не смог помешать даже произошедший на рубеже 650–660-х годов раскол мусульман на шиитов и суннитов.

В результате освоения новых территорий арабы получили колоссальную добычу, пленников-рабов, дань и налоги с покоренных земель, которые делились между всеми арабами в определенной пропорции: например, вдовы Мухаммада получали от 6 до 12 тысяч дирхемов в год, а рядовые воины – 300–500 дирхемов (для сравнения укажем, что баран стоил 5–10 дирхемов, а корова – 30–40 дирхемов). При этом в халифате провозглашенное первоначально равенство всех мусульман сменилось усилением классового и социального расслоения. Халиф из духовного вождя мусульманской общины (уммы) стал монархом, управляющим империей с помощью не столько религиозных постановлений, сколько разветвленного военно-бюрократического аппарата. Халифат был преимущественно военным государством, опиравшимся на всеобщее ополчение арабских племен, правящий слой складывался из военных предводителей. С 661 года халифат становится наследственной монархией.

Первоначально в захваченных странах сохранялись старые местные порядки, старый госаппарат, существовавшие система собственности, социально-экономических отношений и эксплуатации земледельцев. Халифат унаследовал систему поземельных податей, устройство городских общин и многое другое. Арабский язык (язык победителей) получает широкое распространение как язык богослужений (примерно в середине VII века была составлена священная книга Коран, где на основе воспоминаний первых последователей Мухаммада были записаны произнесенные им откровения, проповеди и пр.), изучение которого стало обязательным для мусульман. Также на него постепенно было переведено все официальное делопроизводство, он стал языком межнационального общения, торговли, науки. Началась арабизация покоренного населения, которая особенно активно и успеш-

но протекала в регионах, где уже задолго до завоеваний VII века проживали обширные арабские общины: в Палестине, Сирии, Месопотамии, Египте. В отличие от них Закавказье, Иран и Средняя Азия не были арабизированы.

На завоеванных территориях ислам распространялся быстро, активно росло число его приверженцев. По отношению к представителям других авраамических религий, имевших одни корни с исламом (иудаизма, христианства), а также зороастризма соблюдалась относительная веротерпимость. При этом иноверцы значительно ограничивались по сравнению с мусульманами в правах, принявшие же ислам наоборот получали всевозможные преференции, возможность продвижения по социальной лестнице, занятия должностей в госаппарате и т.п.

Но не только военной силой покорителей-арабов можно объяснить широкое распространение и прочное укоренение ислама, превращение его в одну из глобальных мировых религий. Ведь даже после серии мощных антиарабских восстаний, начавшегося в середине VIII века распада Арабского халифата, а также изгнания арабских войск и возрождения местной феодальной государственности и династий в Закавказье (Азербайджан), Средней Азии, Иране ислам смог сохранить статус господствующей религии, что говорит о его эффективности и высокой жизнеспособности как религиозно-культурной и политико-правовой системы.

Этому способствовало то, что объединение на основе ислама консолидировало как внутренние духовно-социальные силы отдельных народов, так и народы между собой. Большую роль сыграли введение общей правовой системы на основе норм шариата, единой денежной и упорядоченной налогово-податной систем, централизация государственного аппарата на подконтрольных халифату территориях, распространение арабского языка. Все это усилило межрегиональные связи и контакты, способствовало оживлению и углублению торговли, товарно-денежных отношений, ускорило социально-экономическое развитие.

Ислам, в отличие от большинства других мировых религий, являлся не просто духовным учением, но и содержал всеобъемлющий кодекс правил (шариат), охватывающий и регулирующий почти все сферы личной и общественной жизни – от семейно-

брачных до экономических и государственно-политических отношений. При этом исламизированные народы в большей или меньшей степени адаптировали эти правила к своему менталитету, традициям и обычному праву, что в той или иной мере допус­кается исламом (адат).

Другим, возможно даже более ярким и значимым результатом распространения ислама стало достижение нового, более высокого уровня культуры. Взаимодействие арабов с завоеванными народами привело к взаимопроникновению и взаимообогащению элементов их культурного богатства. Исламская культура, кроме собственно арабских элементов, впитала и соединила в себе обширное наследие древнейших великих цивилизаций Востока (персидской, вавилонской, египетской, финикийской, иудейской, индийской и др.) с античным наследием. Она стала синтезом домусульманской традиции и достижений античной и древневосточной культур. Разные новшества (компас, бумага, порох, косой парус и др.) были заимствованы арабами из Китая и позже, благодаря им, попали в Европу. На этом фундаменте возникла богатейшая средневековая мусульманская культура.

Постепенно, в условиях централизации государства, упрочения торговых связей, массовых паломничеств к мусульманским святыням, распространения единой религии и языка, исламская культура и искусство все более приобретают черты единства. В рамках халифата складывается общее культурное пространство, которое продолжало существовать и после его распада.

Оформившиеся классический арабский литературный язык и письменность на основе арабского алфавита стали своего рода «восточной латынью» – языком международного научного и литературного взаимодействия. На него были переведены и благодаря этому до наших дней многие научные и литературные памятники античной, персидской, индийской древности (ученым халифата принадлежит также заслуга передачи научных знаний античности средневековой Европе): уже к IX веку были переведены сочинения Платона, Аристотеля, Архимеда, Эвклида, Птолемея, Галена и др. Ученые снаряжали экспедиции в поисках греческих книг, согласовывали научную терминологию, обогащая ее новой лексикой. Достигли высочай-

шего уровня литература и поэзия, изобразительное искусство, архитектура. Накапливались и обогащались научные знания в математике, астрономии, химии, медицине, географии, философии, истории. Наряду с художественной литературой местными и приезжими авторами в городах создавались научные трактаты по риторике, теософии, шариатскому правоведению, прикладному и теоретическому естествознанию, медицине; расцветает культура арабских звездочетов, мусульманской духовной учености, толкователей Корана, математиков и астрономов. Известны сочинения о путешествиях, словари, официальная историографическая и генеалогическая традиция, историко-географические сочинения, охватывающие практически весь известный на тот момент мир.

В IX столетии в столице халифата Багдаде возникло особое научное учреждение – «Байт ал-Хикма» (Дом мудрости), по сути своей – академия с богатейшей библиотекой и обсерваторией, приютом для ученых из всех областей халифата. Передовая научная элита Среднеазиатского Востока формировалась в аналогичной академии хорезмшаха Мамуна в Ургенче в XI веке. Три старейших высших учебных заведения мира, которые сегодня называются «университетами», были основаны как медресе арабами-мусульманами: университет аз-Зайтуна в 732 году в Тунисе; университет ал-Карауин в 859 году в городе Фес (Марокко); самый престижный мусульманский духовный университет ал-Азхар в 970–980-х годах в Каире.

Багдад и Басра, Дамаск и Иерусалим, Мекка и Медина, Куфа и Нишапур, Бухара и Самарканд, а также многие другие мусульманские города стали крупнейшими центрами ремесла, науки и искусства, куда стекались и где творили выдающиеся умы и мастера с разных сторон света. Во времена расцвета арабской культуры (VIII–XII века) люди науки пользовались в обществе большим уважением. Ученый был окружен почетом, даже если происходил из беднейших слоев общества, считался образцом для всех мусульман. Необходимо также отметить, что в Арабском халифате, помимо мусульман, среди ученых были иудеи, христиане и иногда даже язычники. Образованность в халифате во многом превосходила европейский уровень. Различные отрас-

ли науки дали ряд достижений, которыми и ныне пользуется человечество.

Ярких успехов достигла арабская средневековая медицина. Существенный вклад в нее внесла сирийско-христианская семья Бохтишо (IX век, около 800 года врач Джабраил из этой семьи открыл в Багдаде первую больницу – «бимаристан»). Иранец Абу Бакр ар-Рази (Разес; умер в 925 году) на основе личных наблюдений и трудов греческих, сирийских и индийских ученых создал описание всех известных на то время болезней. Андалузский врач Абуль-Касим ал-Захрави – он же Альбукасис (936–1013) – первым внедрил в хирургическую практику швы из кетгута (овечьих кишок), описал и проиллюстрировал хирургические инструменты и процедуры хирургических операций, классифицировал 325 болезней и объяснил их симптоматологию и лечение.

Ярчайшим и типичным представителем средневековой арабо-персидской мусульманской культуры был один из величайших ученых той эпохи, уроженец селения близ Бухары Абу Али Хусейн Абдаллах ибн Хасан ибн Али ибн Сина (980–1037), в Европе получивший известность под именем Авиценна. Философ и медик, естествоиспытатель и математик, поэт и литературовед, астроном и теоретик музыки, изобретатель смычкового музыкального инструмента гиджака, он был подлинным энциклопедистом. До нас дошло 270 из 450 написанных им трактатов: по логике, физике, математике, философии, астрономии, а также ряд стихотворных и прозаических сочинений на арабском и персидском языках. Он был знатоком законов и служил визирем нескольких персидских эмиров. Всемирную, непреходящую известность ему принес 5-томный труд по медицине «Канон врачебной науки», с XII столетия ставший одним из основных практических и теоретических руководств для врачей всего мира (до XVII века по нему обучались во всех европейских университетах).

Велик вклад арабов в развитие химической науки. Они активно экспериментировали с лекарствами, солями, драгоценными металлами. Благодаря им появились термины «алхимия», «алнушадир» (нашатырь), «алкоголь», «элексир». Выдающимся алхимиком-экспериментатором считается Джабир ибн Хайян (721–815). Для процесса очистки химических веществ этот уче-

ный-алхимик использовал кристаллизацию и фильтрование, описал получение серной и азотной кислот, «царской водки», указал на способность последней растворять золото, сам изготовил нитрат серебра, сулему, нашатырь и белый мышьяк (мышьяковистую кислоту). Арабские алхимики значительно расширили круг химических сведений, ввели в практику и лабораторный обиход много новых веществ, подробно описали и классифицировали их в своих произведениях.

Традиции как греческих, так и индийских ученых унаследовали арабские математики. В Багдаде прославился уроженец Хорезма Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми (Алгорисмус; умер в середине IX века), автор трудов по алгебре, арифметике, познакомивший арабов и Европу с индийским обозначением чисел (также из индийской научной традиции арабские математики переняли и распространили на запад десятичную позиционную систему счисления, включая ноль), и работ по математической географии, которые считались в Европе основополагающими до XVI столетия. В своих трактатах он разработал классификацию квадратных уравнений и приемы их решения. Его имя сохранилось в термине «алгоритм», а термин «алгебра» («ал-джабр») обязан своим происхождением его «Краткому трактату по расчету восстановления и противоположения» («Китаб ал-мухтасар фи хисаб ал-джабр ва-л-мукабала»). Другой хорезмийский ученый-энциклопедист Абу-р-Рейхан ал-Бируни (973 – около 1050) создал фундаментальные работы по математике, астрономии, ботанике, географии, общей геологии, минералогии и другим наукам, широко применял математический анализ, решил задачи деления угла на 3 части, удвоения куба и другие, составил таблицы тангенса, котангенса, секанса и других функций угла с шагом в 1 градус. Математик, механик, физик и астроном Абу Али ибн ал-Хайсам (Альгазен, 965–1039), живший в Басре и Каире, считается «отцом оптики». Именно ал-Хайсам, ал-Бируни и другие арабские ученые впервые в истории разработали основы научного метода исследований. Сочинения Омара Хайяма (1048–1122) содержали теорию и классификацию кубических уравнений. Среди прочих достижений мусульманских математиков: введение и первое применение десятичных дробей, разработка численных методов

извлечения корней, суммирование рядов и т.д. Такие понятия, как «цифра», «тариф» и многие другие пришли в Европу именно из арабского языка.

К самым значимым памятникам науки IX–XI веков относятся труды арабских географов, подробно описывавших разные регионы известного им мира, в том числе их народы, города, флору, фауну, климат и т.д. Они содержали ценные географические сведения и обширный этнографический материал. Первым важнейшим географическим трудом считается «Книга путешествий и государств» перса Ибн Хордадбега (около 820 – около 912). В XI–XIV веках накопление богатейшего историко-географического материала привело к возникновению жанра географической энциклопедии и космографии Вселенной, объединявших и систематизировавших достижения предшественников. Эти труды особенно ценны для современных историков тем, что сохранили уникальную информацию не только об арабском мире, но и других известных арабам землях, в частности сведения о политической, хозяйственной, культурной жизни Хазарского каганата, Руси, Волжской Булгарии, печенежско-половецких степей и прочих стран Евразии.

Весьма важную роль в развитии средневековой науки и культуры сыграла арабская историография, носившая, во многом, назидательный характер: записи преданий – как древнеарабских племенных, так и раннемусульманских (хадисов), сочинения о жизни и деятельности пророка, исторические сочинения об арабских походах, многотомные труды по всемирной истории, местные и династические исторические хроники и тому подобное.

Составляя карты халифата, прокладывая маршруты, мусульманские ученые производили сложнейшие астрономические вычисления. Также они были нужны в связи с введением при халифе Омаре около середины VII века мусульманского летоисчисления по хиджре и разработкой особого лунного календаря, необходимостью точно определять время молитвы в разное время суток, направление на Мекку (кибла) для ориентации при молитве, расположения мечетей и погребений в конкретной географической точке. Для совершения точно в срок религиозных обрядов составлялись необходимые астрономические таблицы.

Несмотря на критику астрономии и естествознания ортодоксальными богословами, объяснявшими все природные явления исключительно волей Аллаха, прикладные исследования дали толчок развитию фундаментальной астрономии. В IX столетии были основаны обсерватории в Багдаде и Дамаске, позднее близ Тебриза и в Самарканде. С XI века при крупных мечетях была введена должность «хранитель времени», которую занимали образованные астрономы. Позднее при обсерваториях возникли школы, а астрономия стала преподаваться в ведущих медресе. Уровень астрономического образования в этих учебных заведениях не был превзойден в Европе вплоть до Нового времени, а первые специальные труды по астрономии в средневековье являлись лишь переводами с арабского языка. На уровень мусульманской европейской астрономии вышла только в XV веке.

Астрономы мусульманских стран изобрели новые разновидности астрономических приборов – астролябии, секстанта, экваториума и других, что многократно повысило точность астрономических вычислений. Они усовершенствовали математический аппарат астрономии, в частности, сильно продвинули развитие тригонометрии: ими были введены современные тригонометрические функции косинус, тангенс, котангенс, доказан ряд теорем, составлен ряд высокоточных таблиц тригонометрических функций. С именем выходца из Харрана, математика и астронома ал-Баттани (Альбатегниус; умер в 929 году) связано создание теории тригонометрических функций; его астрономические таблицы с разделами по географии по точности, достоверности и охвату материала существенно превосходили расчеты греческих и латинских ученых.

Труды среднеазиатского ученого ал-Фергани (798–861), открывшего пятна на Солнце, на протяжении 7 столетий использовались в Европе в качестве учебного пособия. Уже упоминавшийся ал-Бируни рассмотрел гипотезу о движении Земли вокруг Солнца, обозначил одинаковую огненную природу Солнца и звезд, в отличие от темных тел – планет, подвижность звезд, их огромные размеры по сравнению с Землей, идею тяготения, измерил площадь поверхности Земли. Позже руководитель Самаркандской обсерватории ал-Каши (1380–1429) прославился

вычислением числа Π («пи») с точностью до 18 знаков после запятой.

Важным направлением деятельности восточных астрономов стала каталогизация свыше тысячи звезд. Один из наиболее известных звездных каталогов – «Книга созвездий неподвижных звезд» Абд ар-Рахмана ас-Суфи (903–986), кроме всего прочего, содержит первое известное описание галактик Туманность Андромеды и Магеллановы Облака. Арабское происхождение имеет ряд современных астрономических терминов (например, «зенит», «азимут»), названия многих звезд (Альдебаран, Альтаир, Бетельгейзе, Мицар, Нихал, Ригель и другие).

Среди существенных достижений средневековых мусульманских астрономов следует указать уточнение наклона эклиптики к экватору, движения апогея солнечной орбиты относительно звезд и точек равноденствий, начало теоретического осмысления движения небесных светил, появление и обоснование первых сомнений в неподвижности Земли и геоцентричности Солнечной системы.

Отметим, однако, что основные достижения арабских ученых относятся ко времени раннего средневековья. Именно поэтому период с середины VIII до середины XIII века часто называют Исламским/Мусульманским Ренессансом. К сожалению, примерно с XVI века в науке мусульманских стран наблюдается застой и кризис, связанный с тем, что, в отличие от Европы, наука здесь не смогла выйти за рамки собственно религии и превратиться в светский общественный институт...

Наряду с наукой, большим вкладом в мировое наследие стало классическое мусульманское искусство, в первую очередь литература, а именно поэзия. Рубаи Омара Хайяма, эпические поэмы Фирдоуси, Низами, сказки «Тысячи и одной ночи» и многие другие произведения стали величайшими памятниками сокровищницы мировой литературы.

После окончания эпохи арабских завоеваний и распада Арабского халифата закончился первый, «силовой» период распространения ислама и начался второй, качественно новый, этап «мирного шествия» – через посредство торговых и культурных связей, миграций. Именно так в ареал традиционного распростра-

нения ислама в средневековую эпоху вошли степи Центральной Евразии вплоть до Северо-Западного Китая, а севернее – Среднее Поволжье и Прикамье вплоть до Урала. Уже в эпоху Нового времени, в XVII–XVIII веках, завершилась исламизация Северного Кавказа, Казахской степи и ряда пограничных областей Западной Сибири.

Ислам первоначально возник среди кочевников-арабов и, по-видимому, отражал некоторые социокультурные особенности, присущие именно кочевым скотоводческим социумам. Вероятно, отчасти именно поэтому он оказался гораздо ближе, чем другие религии, многим тюркским кочевым народам, среди которых были и волжско-камские булгары. Обратимся к их истории...

ПРЕДЫСТОРИЯ БУЛГАР. ПРАБОЛГАРЫ

«Это – племя, которому... принадлежало все, чего оно хотело, в котором приобретал почет тот, кто покупал достоинство кровью противника, у которого поле битвы прославляет род, ибо тот, чье оружие больше покраснело от крови в бою, считается безусловно высшим, которому... не случалось встречать сопротивления, которое долгое время кончало войны одним набегом. Их не сдерживали... ни горные массивы, ни реки, ни недостаток продовольствия, так как они считают достаточным для наслаждения пить кобылье молоко... Раньше верили, что им открыт весь мир...».

*Остготский епископ Эннодий
о болгарях, 507 год.*

...Раскинувшиеся на тысячи километров бескрайние степи Восточной Евразии с глубокой древности выплескивали на запад цунами многочисленных номадов: киммерийцев, скифов, сарматов, гуннов, авар... В начале второй половины V века в очередной раз пришла в действие обычная для открытых пространств цепная реакция, когда, как эффект домино или падающих кеглей, одни, согнанные более сильными соседями со своих земель племена занимали кочевья и становища других,

которые, в свою очередь, прогоняли третьих и т.д.... Такие цепочки военных столкновений всегда приводили в Европу новых кочевников.

Очередное переселение степных народов на запад началось после того, как возникшее в IV столетии в Центральной Азии могущественное кочевое государство жуань-жуаней (жужаней, потомков разноплеменного объединения дунху) обрушило свои мощные удары на соседей, пошатнув неустойчивое равновесие степного мира Евразии и приведя в движение весь конгломерат местных тюркских и монгольских племен (стоит отметить, что в результате правления в 414–429 годах в жужаньском государстве кагана Татара (Датаня) параллельным названием жуань-жуаней с первой трети V века стало слово «татары», аналогично тому, как в период распада Золотой Орды из личного имени Узбек возник этноним «узбеки»). Позднее уход части жуань-жуаней, известных в Византии и Европе как «авары», на запад привел к появлению в Центральной Европе Аварского каганата (568–822). Оказавшиеся первыми под давлением движения аваров с востока на запад их соседи сабиры (савиры, савары, сувары), в свою очередь, потеснили жившие в восточных прикаспийских степях различные праболгарские племена, родиной которых армянский энциклопедист VII века, автор географического атласа «Ашхарацуйц» Ананий Ширакаци считал Бактрию (Балх), что подтверждается древними экзоэтнонимами праболгарских племен: армянским «булхи» и индийским «балхики». Праболгарам пришлось в середине V века уйти за Волгу в Приазовье и Причерноморье, где после смерти великого Аттилы в 452 году (правил с 434 года) и гибели его сына Эллака в битве с готами в 454 году агонизировала европейская Гуннская империя (374–450-е годы). Позднее и сами савиры, уходя от авар, также последовали за болгарами за Волгу и в Предкавказье.

После указанных событий болгарские племена стали широко известны многим народам, благодаря армянским, арабским, византийским, латинским и иным историческим сочинениям.

Сегодня историки, сопоставляя различные письменные свидетельства и синхронизируя события, кроме собственно болгар относят к болгарскому кругу следующие, упоминаемые касательно

V–VII веков, племена: огуров (встречающиеся варианты написания – уроги, аугары), оногуров (авнагуры, унугуры/гнугуры, уногундуры/гуногундуры), сарагуров (сиругуры, сиригуры), кутригуров (котригуры, кутургуры, кутрагары, котраги), утигуров (утригуры, утургуры) и др. Лингвистическим признаком для включения тех или иных племен в болгарский круг может служить окончание «-гур» (перевод: племя? рука? фланг? область?) в их названиях. Согласно наиболее распространенной этимологии «сарагуры» – это «сар огур», т.е. «белые/желтые огуры» (тюркское племя «белых угров» упоминается, например, и в русской «Повести временных лет»); «оногуры» – «он огур», т.е. «десять [племен] огуров»; «кутригуры» – либо «девять [племен] огуров», либо «огурь Котрага» (Кутрага, Котрагира, Кутрагира); «утигуры» – «тридцать [племен] огуров». Армянские же источники делят болгарские племена на Купи-блкар, Чдар-блкар, Огхондор-блкар и Дучи-блкар (или Кочо-блкар) по армянским названиям рек (Кубань? Днепр? и т.д.). Сам этноним/политоним «болгары» толкуется учеными принципиально по-разному и на базе совершенно разных языков: «племя/народ», «пять угров», «Балха люди», «горцы», «охотники на белок/соболей», «речные/болотные люди», «жители берегов Волги», «жители городов», «своячи/ублюдки/подстрекатели», «отщепенцы/отколовшиеся», «бунтовщики/мятежники», «смесь/смешанные/метисы», «белые», «блестящие/искрящие», «гордые, с изящной походкой», «ученые люди», «великие/могущественные» и т.д., что оставляет нам широкий простор для умозаключений и фантазий.

Согласно научной классификации, ныне мертвый древний язык болгар/булгар, включавший несколько родственных наречий и диалектов, наряду с хазарским и огузо-карлуко-кипчакскими языками относится к западнохуннской ветви тюркской группы алтайской языковой семьи.

Этногенез праболгар, которые представляли собой этнический массив азиатско-сибирского происхождения, шел с древнейших времен до I–III веков нашей эры. Древняя история праболгар, вероятно, была связана с огурскими племенами из конфедерации теле, первоначально занимавшими территорию от Центральной Монголии до Северного Казахстана. Возможно, место

их формирования находилось на юго-востоке Западной Сибири и в бассейне верхнего Иртыша. Об этом свидетельствует сходство расогенеза болгар VII–IX столетий и археологические параллели в погребениях и керамике волжско-камских болгар с населением Среднего Прииртышья раннего железного века и обитавшими к югу от Иртыша усунями – племенем индоиранского либо тюркского происхождения, кочевавшим изначально на севере современного Синьцзяна (Восточного Туркестана), а затем, в гуннскую эпоху, переселившимся на территорию Семиречья. Искали ученые, например выдающийся татарский историк Альфред Халиков, огуру-праболгарские племена и среди гунно-тюркских племен, вышедших во II веке нашей эры к северному побережью Каспийского моря. Ряд новых археологических открытий позволяет увязать основные этнические компоненты праболгар с племенами джегтысарской культуры в низовьях Сырдарьи в современном Казахстане и соседнего с ними тюрко-угорского населения Зауралья и Западной Сибири.

Наряду с преобладающим мнением о тюркском происхождении, есть гипотезы и о том, что первоначально болгары представляли собой тюркизированных угров, обитавших где-то в северной части современного Казахстана, об автохонтных причерноморско-кавказских сармато-аланских корнях болгар, тюркизированных лишь в эпоху гуннов и тюркских каганатов. Хотя последняя точка зрения не получила большого признания в науке, роль сарматов в складывании ранних болгар сегодня не отрицается: огуру-праболгарские племена и ираноязычные сарматы с древности соседствовали и оказывали друг на друга сильное культурное и антропологическое влияние, поэтому не исключено участие сарматов в формировании отдельных праболгарских групп на юго-востоке Западной Сибири, Казахстана и Алтая в раннем железном веке. Наконец, болгары могут рассматриваться как результат широкого симбиоза и иранских, и угорских, и тюркских языковых групп в степях и лесостепях между Уралом и Алтаем, о чем подробно писали в свое время ученые Болгарии Веселин Бешевлиев и Рашо Рашев.

Первым ясным и конкретным свидетельством появления болгар в Восточной Европе стало сообщение Приска Панийского о

посольстве представителей племен огуров, сарагуров и оногуров, в 463 году прибывших в Константинополь. Они поведали о причинах их вынужденного переселения из Азии и предложили византийскому императору дружбу. В свете этого свидетельства приведенная нами в начале этого раздела реконструкция появления болгар в Европе, в общем виде предложенная ученым-востоковедом Сергеем Кляшторным, представляется наиболее вероятной. Но нельзя не упомянуть и точки зрения об их более раннем приходе на европейский континент.

По мнению ряда известных исследователей, в числе которых Михаил Артамонов, Владимир Генинг, Анатолий Новосельцев, Светлана Плетнева, праболгары находились среди племен Северного Казахстана и Западной Сибири, уже в IV веке вовлеченных хуннами/гуннами в свое нашествие на запад. Либо даже, по мнению археологов Алексея Смирнова, Николая Мерперта и Альфреда Халикова, они пришли из Азии через Северный Прикаспий задолго до основной массы гуннов. Последняя гипотеза во многом опирается на данные позднейших армянских хроник, которые, однако, могут быть анахронизмами. Также ведет историю болгар от гуннов, а генеалогию болгарских ханов от Аттилы (Авитохол) и его сына Эрнаха (Ирника) «Именник болгарских ханов», обнаруженный в 1861 году русским ученым Андреем Поповым.

Поэтому вполне вероятно, что в действительности могло быть 2 разные волны переселения праболгар в Европу. Некоторая их часть действительно могла оказаться в Европе ранее их основной массы вместе с хуннами/гуннами и до середины V века входить в гуннскую державу Аттилы. После же прихода с востока остального и основного массива «родственников» в начале второй половины V столетия именно болгары, скорее всего, наиболее возвысились среди племен восточноевропейских степей, ранее находившихся под главенством гуннов. А часть входивших в империю Аттилы племен (в том числе праболгар) возвратилась из Центральной Европы в Причерноморье и соединилась там с огурскими племенами, пришедшими с востока. Болгаро-огурский союз племен окончательно покончил с господством гуннов, став главенствующей силой степей Европы и заполнив полити-

ческий вакуум, возникший в результате агонии государства Аттилы, а также унаследовав от Аттилы причерноморские степи. В частности, в 466 году болгары-сарагуры победили племена гуннов-акациров, подчинив их и другие народы прежнего гуннского объединения. Во второй половине V века остатки гуннских племен ассимилировались и растворились в болгарских, на которые византийские и латинские писатели в результате зачастую стали переносить и само имя «гунны». Это новое кочевое образование могло получить в дальнейшем собирательное название «болгар» («смешанные» или «могущественные»), причем отдельные племена в нем еще долго сохраняли и свои прежние родо-племенные названия.

Вместе с территорией и именем болгары унаследовали и сохранили репутацию гуннов, как сильного, воинственного и опасного союза племен, внушающего страх и карающего за грехи «бича божьего», став желанными союзниками либо опасными противниками для соседних стран, в том числе таких могущественных, как Византия и Персия.

В 466 году болгары-сарагуры (вероятно, по договору с Византией) вторглись во владения Персии в Закавказье и разорили армянские поселения в Иберии. В 475 году болгары впервые вышли к берегам Дуная. Это позволило, в славных традициях использования одних «варваров» против других, обратиться византийскому императору Зенону в 479 году к ним за помощью в противостоянии с германцами-остготами, угрожавшими дунайским провинциям Восточной Римской империи Фракии и Эпиру. Таким образом, болгары попали в сферу первоочередных внешнеполитических интересов Византии, что демонстрирует их геополитическую значимость. Болгары сражались с остготами в 480 (в Паннонии) и в 487 годах. В 488 году совместно с германоязычными гепидами они пытались преградить остготам путь в Северную Италию, но на реке Саве были разбиты, при этом погиб вождь болгар Бузан. Однако боевые качества болгар удостоились высокой оценки победителей.

Уход остготов на север Пиренейского полуострова открыл Балканы для вторжений других задунайских племен. Первыми этим воспользовались сами болгары. В начале 490-х годов союзные от-

ношения между ними и Византией сменились враждой (возможно, из-за смерти императора Зенона в 491 году и прихода к власти его политических противников). Болгары становятся грозой империи, вступив в длительный период регулярных вторжений в византийские области на Балканском полуострове. Они опустошили Фракию в 493 году, в 499 году нанесли сокрушительное поражение византийской армии у реки Тцурты. В начале VI века болгары продолжили опустошать Балканский полуостров, часто объединяясь с другими «варварами», среди которых появляются и славяне. Для защиты Константинополя от их набегов императору Анастасию пришлось даже возвести к 512 году 50-километровую «Долгую стену» от Мраморного до Черного моря.

Частым набегам болгар-оногуров подвергалось Закавказье. В 515 году они пересекли Армению и опустошили провинцию Каппадокию, дошли до Ликаонии в восточной Малой Азии. О болгарской активности в Закавказье свидетельствует крепость Оногурис, названная так после победы колхов над оногурами. Широта размаха боевых действий, которые вели болгары, демонстрирует, что территория их проживания простиралась от Дуная до Северного Кавказа.

Болгары продолжали угрожать Византии, наряду с антами и склафинами, герулами и гепидами, и в правление императора Юстиниана (483–565, правил с 527), почти ежегодно атакуя провинции Малая Скифия, Мезия и Фракия. В 530 году под предводительством 2-х ханов они переправились через Дунай и вторглись в Малую Скифию (Добруджу) и Мезию, грабя которые, дошли до Фракии. Здесь их окружили и разбили византийские войска, убив обоих вождей и отняв добычу и пленников. Однако при возвращении войско византийцев встретил и обратил в бегство другой отряд болгар. При этом в плен попали 2 военных магистра, в том числе крещеный болгар-гунн Аскум, и если одного магистра болгары отпустили за выкуп, то Аскума, как изменника, увели с собой в числе других невольников. Но в том же году болгар разбил гепид (по другой версии болгар) Мунд, служивший Византии военачальником Иллирии. Пленных болгар после этого показывали на ипподроме Константинополя, а затем отослали в византийскую армию в Армении и Лазике.

В 535 году болгары вновь вторглись в Мезию, но возле Янтры были снова разбиты. Во время следующего масштабного нашествия 539–540 годов они, не встречая сопротивления, прошли по Фракии и Иллирии от Адриатического и Эгейского морей до Константинополя, проникли в Грецию, а один из отрядов даже смог переправиться в Малую Азию. Они вернулись назад, захватив и разрушив ряд крепостей и городов, с огромным количеством пленных (в источниках указывается число в 120 тысяч). Во время похода 539–540 годов болгары взяли 32 византийские крепости в провинции Иллирия, что показывает высокий уровень их военных инженерных навыков, оснащение передовым для своего времени вооружением и осадным снаряжением. При Юстиниане был построен ряд укреплений на Дунае, принимались меры к тому, чтобы уничтожать налетчиков и отнимать захваченную добычу. Византийская дипломатия, подкупая и задаривая вождей, также стремилась возбуждать вражду среди опасных соседей, стравливая одно племя с другим.

Кроме тех болгарских племен, что совершали набеги на Балканский полуостров, некоторая часть из них в качестве союзников-федератов поступила на службу Византии, получив земли по правому берегу Дуная. В 504 году эти болгары неудачно пытались помочь гепидам (также федератам Византии) защитить от остготов город Сирмий на территории нынешней Сербии. В 505 году император Анастасий I послал против остготов на Средний Дунай большое 10-тысячное войско, включавшее вспомогательные отряды болгар, но оно также было разбито. Жившие в северной части Балканского полуострова болгары в 514–515 годах составили главную силу мятежного византийского военачальника Виталиана, который под лозунгами защиты православия от монофизитской ереси пытался захватить византийский престол. Также болгары участвовали в походе полководца Велизария на Карфаген в 533–534 годах. В 537 году отряды федератов из болгар и славян помогли осажденному византийскому гарнизону изгнать остготов из Рима. В 548 году состоящий на службе Византии болгарский отряд участвовал в войне против остготов в южно-итальянской области Кампания, но перешел на сторону последних. Таким образом, болгары легко и часто всту-

пали в военные союзы с различными народами: склавинами и антами, гепидами, лангобардами, византийцами, что отчасти подтверждает толкование этимологии их названия как «смешанные» или «могущественные».

Постоянные войны и набеги повлияли на устройство болгарского социума, приведя к выделению и возвышению надродовой военной знати, формированию особой структуры общества – военной демократии. Тесные политические и экономические взаимоотношения с цивилизованными государствами стимулировали эти процессы. Таким образом, болгарские племена в V–VI веках достигли уровня предгосударственной ступени общественного развития.

Отдельные племена подчинялись своим правителям или старейшинам. Но возникли военные союзы, сначала на время боевых действий, затем как более постоянные, возглавляемые верховными вождями, выдвинувшимися благодаря собственной отваге, смелости, храбрости, полководческим способностям, опыту и знаниям. Родовая знать и военные предводители накапливали богатства, в виде скота и дорогих вещей, захваченных у врагов или полученных в качестве даров от союзников, большого количества рабов из пленников, что вело к имущественному и социальному расслоению.

Процессы консолидации болгарских племен под главенством верховных военных вождей и влиянием политики Византии – с одной стороны, и потребность самих этих племен в государственной организации – с другой привели к тому, что к середине VI века болгары образовали 2 основных союза племен. Это могло отражать традиционное для степных орд деление на 2 крыла: к западу от Дона между изгибом нижнего Днепра и Азовским морем кочевали кутригуры, восточнее него в Приазовье по берегам Азова в районе Таманского полуострова находились становища утигур. Некоторые письменные источники на севере Азовского моря и в Предкавказье указывают страну «Оногорию» и племена оногур, что позволяет отождествлять последних с утигурами. Они к середине VI столетия заняли в Восточном Приазовье господствующее положение, их имя стало общим для местных кочевников. Эти 2 крупных племенных союза вобрали

в себя различные племена болгарского круга, и после этого такие этнонимы, как «огуры» и «сарагуры» перестают упоминаться в источниках. Условно эти группы можно назвать западными и восточными болгарами.

Кутригуры и утигуры были близкородственными племенами с общим языком, одинаковыми образом жизни и обычаями. Не отличаясь этнографически, они, по сути, представляли собой один народ, разделенный по военно-политическому принципу и находящийся под властью разных вождей. Кровное родство этих народов подтверждает и легенда о братьях Кутригуре и Утигуре – сыновьях Аттилы, зафиксированная историком Прокопием Кесарийским.

Близкородственные связи не мешали болгарам конфликтовать друг с другом. Главное их различие заключалось в отношениях с Византией. Возможно, представлявшие собой западное крыло болгар кутригуры, не упоминаемые среди огурских племен, переселившиеся около 463 года из Азии в Европу, были именно той частью болгар, которая пришла сюда еще в IV веке совместно гуннами, а вероятно и раньше. Поэтому именно они в большей степени унаследовали агрессивную антивизантийскую политику гуннов. Утигуры, непосредственно не граничившие с Византией, всегда сохраняли лояльное отношение к империи, и считались «самыми лучшими друзьями ромеев». Господствуя в Приазовье, они были заинтересованы в хороших отношениях с империей и потому, что находившиеся в руках Византии Боспор (ныне Керчь) и другие приморские города представляли для них важный рынок. Даже само имя утигуров впервые появляется в поле зрения историков в связи с их мирными переговорами с Византией в 548 году.

Болгары-кутригуры, пересекая степную зону между Днестром и Дунаем, совершали частые походы на Византию. Они ежегодно получали от императоров большие дары и считались их союзниками, но регулярно переходили через Дунай и совершали набеги на земли греков. В 551 году 12 тысяч кутригуров во главе с «исключительно хорошо знающим военное дело» Хиниалонном в союзе со славянами и при содействии гепидов переправилось через Дунай; они ограбили и опустошили Фракию, убив

и захватив множество пленных. В ответ, не имея собственных сил для противостояния, византийская дипломатия спровоцировала междоусобную войну между кутригурами и утигурами. Император Юстиниан упрекал утигуров в неисполнении своих обязательств по защите земель союзников-греков. Он указывал, что кутригуры, получая ежегодно большие дары от Византии и постоянно грабя византийские области, не делятся добычей с утигурами. Эти упреки сопровождались ценными подарками и обещаниями им еще больших даров.

Утигуры в ответ собрали большую армию под командованием «очень разумного и опытного в военных делах, известного своей силой и храбростью» Сандилха, привлекли 2 тысячи союзных им крымских готов-тетракситов и, когда главные силы кутригуров находились в походе в Византии, перешли Дон, напали и разорили их становища, уведя в плен жен и детей. Тысячи византийских пленников, находившихся в рабстве у кутригуров, смогли тогда бежать на родину. Византийцы же сами уведомили Хиниалона о случившемся и, предложив ему отступные деньги, уговорили немедленно вернуться домой. При этом по заключенному мирному договору кутригуры оговорили себе право поселиться в пределах Византии, обязуясь защищать ее северо-западные границы от других «варваров». В результате 2 тысячи воинов вместе с семьями переселились во Фракию на специально выделенные земли. Предводителем этих переселенцев был Синний, в 530 году командовавший наемными конными стрелками Византии, сражавшимися против вандалов в Африке.

Предоставление кутригурам земель во Фракии, в свою очередь, вызвало сильное негодование Сандилха. Его послы упрекали императора Восточной Римской империи в том, что он поверил кутригурам и поручил «волкам охранять стадо», что побежденные враги империи в итоге получили больше привилегий, чем победители. Только богатыми дарами император смог успокоить утигуров, оставшихся верными союзниками Византии.

Самым крупным и тяжелым для Византии оказалось нашествие 557/558/559 года под предводительством хана Забергана – преемника Хиниалона. Огромное войско кутригуров, к ко-

торым по традиции присоединились и славяне, переправилось по льду через Дунай. Наступая 3-мя отрядами, опустошая и грабя, оно смогло дойти до столицы Восточной Римской империи. Только непосредственно у Константинополя византийский гарнизон смог остановить 7-тысячный конный отряд болгар и их союзников и отбросить их за периметр «Долгой стены». Второй отряд кутригуров, направившийся в Грецию, был задержан в Фермопилах и вернулся, третий безуспешно осаждал фракийский Херсонес. Опасаясь, что византийский флот отрежет им отступление через Дунай, кутригуры согласились уйти, получив от византийцев гарантии беспрепятственного возвращения с захваченной добычей, значительную сумму денег и выкуп за пленных. Одновременно император Юстиниан вновь обратился к утигурам с упреками в бездействии и угрозами прекратить регулярные выплаты, так как деньгами, предназначавшимися утигурам, ему приходилось откупаться от кутригуров, шантажировал утигуров заключением союза с кутригурами, как более смелыми и сильными воинами. После этого Сандилх, собрав войско, вторгся в земли кутригуров, устроил засаду при их возвращении из-за Дуная, разгромил и отнял всю добычу.

В дальнейшем Юстиниан, дабы предотвратить новые нападения кутригуров, продолжал всячески сталкивать ханов Сандилха и Забергана. Он обещал Сандилху дары, которые Византия ежегодно давала кутригурам, если он уничтожит последних. Но Сандилх отказался истреблять своих сородичей кутригуров. Чтобы успокоить Юстиниана и сохранить дружбу с Византией он пообещал отнять у них коней, чтобы лишить возможности передвижения и нападения на империю.

Длительная ожесточенная война, приведшая почти к полному взаимному уничтожению, подорвала силы обоих родственных болгарских племен. В результате их довольно быстро и легко подчинили новые кочевники, пришедшие с востока...

В середине VI века в среде степных народов Центральной Азии произошли очередные тектонические подвижки. Жужаням/аварам, ранее изгнавшим на запад савир и болгар, после разгрома их государства в 551 году тюрками-тюркютами («кок тюрками», «небесными тюрками») пришлось самим бежать в Европу. Не

позднее 555 года авары перешли Волгу и появились в Предкавказье и на Северном Кавказе.

Территория Северного Предкавказья в этот период отличалась этнической пестротой: племена болгарского круга, савиры, хазары, аланы и другие (хронист Захарий Ритор называет 13 кочевых народов) активно взаимодействовали, культурно (материально и духовно) влияли друг на друга. Жившие здесь оногуры/уннугуры/утигуры, а также барсилы, савиры и другие племена сразу ощутили превосходство и мощь авар, и, чтобы обезопасить себя, прислали к ним посольства с богатыми дарами. Авары заняли на этой территории главенствующее положение. Данных о столкновениях авар с болгарами нет, поэтому можно говорить о добровольном подчинении последних.

В 558 году послы авар, прибыв в Константинополь ко двору императора Юстиниана, предложили союз и защиту границ Византии в обмен на ежегодные выплаты и подарки, возможность проживания на ее территории. В последнем Юстиниан отказал, но союзный договор был заключен. Византия стала ежегодно отсылать аварам до 330 килограмм золота, чтобы те противостояли болгарам-кутригурам и славянам. Однако такая «идиллия» продолжалась недолго – вскоре авары поменяли внешнеполитический вектор на противоположный и встали на антивизантийский курс. Заключив союз с кутригурами, они напали на славян-антов, покорили их и отправили в армию кутригурского хана Забергана, штурмовавшую столицу Восточной Римской империи. Позднее авары вступили также в антивизантийский альянс с персами.

Авары начали совместную с кутригурами экспансию на запад, завершившуюся через 10 лет на Дунае. Они подчинили многие обитавшие в регионе племена, в том числе славян и гепидов. Здесь, в Среднедунайской низменности, захватив византийскую провинцию Паннония, около 568 года они создали свое государство – Аварский каганат во главе с ханом Баяном. Болгары-кутригуры вместе с аварами составили тюркскую верхушку этого многоплеменного государственного образования и, возможно, даже численно преобладали над последними, о чем, в частности, писала венгерский ученый Терезия Олайош. Аварский каганат

(568–822) в период пика своего могущества занимал территории современных Австрии, Болгарии, Венгрии, Германии, Македонии, Польши, Румынии, Сербии, Словакии, Украины, Хорватии и Швейцарии.

Под натиском аваров в 568 году из Паннонии ушли лангобарды во главе с королем Альбоином, а также вместе с ними и болгары, поселившиеся здесь ранее. Они вместе переселились на новую родину в Северную Италию, где создали Лангобардское королевство (сегодня – область Ломбардия).

В 570–580-е годы авары со своими союзниками и сателлитами в ходе набегов на Византию нередко добирались до ее столицы. После появления авар в Подунавье и почти до конца VI века письменные источники не упоминают о болгарях/кутригурах, что свидетельствует об утрате ими самостоятельной политической роли в результате подчинения аварам. Они входили в состав аварского войска, как, например, в конфликте с византийской армией в 590-х годах. По сообщению византийского писателя и историка Феофилакта Симокатты, в 601 году византийская армия в 2-х сражениях на реке Тисе разгромила войско авар. Сами авары составляли в нем лишь одну пятую часть, а остальными воинами были кутригуры и славяне. Кстати, большая часть кутригуров осталась в Северном Причерноморье, но также входила в сферу влияния Аварского каганата, признавала сюзеренитет аварского кагана, отправляя ему свои воинские подкрепления.

На восточных рубежах обитания племен болгарского круга – утигур и других – также разворачивались масштабные события. Тюрки, которые ранее разгромили жужаней/авар в Азии и вынудили их бежать в Европу, в 552 году основали Тюркский каганат во главе с каганом Бумыном (с титулом Иль-хан) из рода Ашина. Вскоре под властью этого мощного государства оказались все народы Центральной Азии, включая союзы племен «отуз-татар» (тридцать татар) и «токуз-татар» (девять татар). Тюркский каганат разгромил государство эфталитов в Средней Азии, подчинил северокитайские государства, начал войну с Ираном за контроль над Великим шелковым путем, вступив в союз с Византией. В 571 году правивший после Бумына каган Истеми (Истеми Багадур) перенес военные действия за Волгу и со 110-тысячным вой-

ском вышел к «Каспийским воротам» – Дербентскому проходу, но не решился на штурм из-за наличия серьезных укреплений. В результате этого продвижения кок-тюрок на запад под их властью оказались земли Северного Кавказа, Прикубанье, территория современного Азербайджана. «Небесные тюрки» также вышли к берегам Азовского моря, подчинив и включив в состав Тюркского каганата многие местные племена, в том числе утигуров.

После смерти кагана Истеми один из его сыновей – Тухсан (Турксанф), владевший крайним западным уделом Тюркского каганата, обвинив византийцев в нарушении союза и переговорах с аварами, в 576 году захватил Боспор и вторгся в Крым. В 581 году тюрки осадили Херсонес, но когда из-за междоусобиц и политического кризиса в 582 году Тюркский каганат распался на Западный и Восточный, они сняли осаду и ушли из Крыма. Западно-Тюркский каганат, в котором стал править другой сын Истеми – Кара-Чурин-Тюрк (Тарду, Биягу), охватил земли от Восточного Туркестана до Черного моря.

Таким образом, во второй половине VI – начале VII веков главными игроками на политической сцене степей Восточной Европы стали Тюркский (Западно-Тюркский) и Аварский каганаты. В закулисных интригах активно участвовала Византийская империя, сохранявшая здесь как свои стратегические интересы, так и территориальные владения в Крыму. Болгарские племена к концу VI столетия попали в зависимость от авар и кок-тюрок. Вполне возможно, территория между Кубанью и Доном, населенная оногурами/утигурами, стала крайней западной провинцией Западно-Тюркского каганата, а земли между Днестром, Бугом и Доном населяли вассалы Аварского каганата – кутригуры. Однако вскоре, уже в первой половине VII века, оба каганата оказались в состоянии политического кризиса и междоусобиц, их влияние в регионе обитания болгар заметно снизилось, создав политический вакуум и условия для возникновения нового государства.

В завершение раздела следует подробно остановиться и на образе жизни болгарских племен. В этой связи интересна привязка периодов политической активности болгар к колебаниям

степного климата. По мнению некоторых ученых (Лев Гумилев и др.), к военно-политической активности кочевников подталкивали засухи. По мнению других (Омельян Прицак, Алексей Комар и др.) – наоборот, в засушливые годы кочевников полностью поглощала охота за кормом и водой для выживания, а их миграции, завоевания и другие активные действия начинались только в благополучные времена. Кочевники во влажные сезоны имели больше скота, достаточное количество лошадей и больше материальных возможностей обзавестись оружием; им не нужно было совершать дальние сезонные кормовые перекочевки. В соответствии с последней точкой зрения история болгар V–VI веков достаточно определенно синхронизируется с «влажными» фазами колебаний климата в Северном Причерноморье: 475–485 годы – болгары доходят до Дуная, становятся наемниками императора Зенона; 493–502 годы – вторгаются во Фракию; 525–534 годы – посольство вождя приазовских болгар-оногуров Грода в Константинополь (527 или 528 год), захват болгарами Боспора (528 год), очередные вторжения во Фракию (530, 535 годы); 547–564 годы – вторжения кутригуров в Византию и их разгром утигурами, миграция кутригуров на Нижний/Средний Дунай; 559–561 годы – войны аваров с утигурами, кутригурами и антами; 561 год – появление кок-тюрок, переход аваров через Дунай. Таким образом, в 475–561 годы почти все события болгарской истории, связанные с дальними переходами через засушливые степи, происходили только в многоводные годы, удовлетворявшие потребность в корме и воде для скота.

Исходя из плодородности степных почв, вероятное население Северного Причерноморья и Восточного Приазовья V–VII веков историки, в частности Александр Тортика, определяют в 140–200 тысяч кочевников. Но археология пока еще не нашла надежные свидетельства присутствия здесь таких больших масс людей. По числу обнаруженных погребений заселенность в этот период видится многим ученым одной из самых низких за всю историю причерноморских степей.

Болгары представляли собой типичный кочевой социум, «живущий в палатках и существующий мясом скота и рыб, дикими зверями и оружием» (цитата из текста раннехристианского пи-

сателя Захария Ритора) и «считающий достаточным для наслаждения пить кобылье молоко» (Эндоний). Однако они имели также и города (Феофилакт Симокатта), торговали с Византией мехами (Иордан). Торговля носила преимущественно меновой характер, деньги и драгоценные металлы не играли большой роли и не представляли экономической ценности в хозяйстве болгар – из них отливали языческих идолов, их закапывали в так называемые «престижные клады», могилы. Скот, кожи, сало, меха и другие продукты хозяйства обменивались на соль, вино, ткани и предметы роскоши в Боспоре и других приморских греческих городах и факториях. Для «варваров», аскетично существовавших в малоплодородной степи, наесться вдоволь хлебом, употреблять приправы, пить вино, одеваться в яркие тонкие одежды, носить золотые украшения было основными ценностями жизни.

Набеги, получение «откупа» от Восточной Римской империи, выкупа за пленников представляли собой важнейшую «отрасль народного хозяйства» древних болгар. Кутригуры обращали в рабство и уводили в свои земли большое количество византийцев – греков, италийцев, фракийцев, иллирийцев, даков, южных славян и т.д. Однако рабство оставалось патриархальным: рабы находились в положении слуг и младших, бедных родственников, через какое-то время могли получить равные со свободными общинниками права.

В свете основной тематики нашей книги важно рассмотреть религиозное мировоззрение древних болгар. Однако средневековые письменные источники умалчивают об этом, упоминая лишь серебряных идолов, которым они поклонялись, и жрецов. Очевидно, что самой распространенной религией у болгар было традиционное для многих тюрко- и монголоязычных народов тенгрианство (тенгризм). Об этой религии древних тюрков нас информируют рунические орхоно-енисейские, древнеуйгурские памятники, отрывочные данные письменных источников соседних народов.

Тенгри в древнетюркской мифологии являлся верховным божеством, «Духом Неба», демиургом (творцом) и властителем Вселенной, обитающим на небе и возглавляющим пантеон

«малых богов». Он представлялся абстрактным мужским божественным началом, распоряжающимся судьбами отдельного человека, родов, народов, государств. Древними тюрками обоже- ствлялась и подчеркивалась небесная природа возникновения государства («божественного иля»), божественный, сакральный характер власти каганов, получивших ее от Тенгри (тюркский каган априори был «небоподобным» и «неборожженным»). Как покровитель кагана, который также наделялся божественной сущностью, Тенгри даровал мудрость и власть правителю. Каган считался наместником божества на земле, был носителем небесного благословения, животворящей жизненной силы. Личность кагана была сакральной.

Имя Тенгри, относящееся к древнейшему мифологическому пласту Азии и фиксирующееся у хунну еще в I веке до нашей эры, поныне широко распространено у тюрко-алтайских народов. Его аналогиями являются: в монгольском языке – «Тенгери», в якутском – «Тангара», в хакасском – «Тигир», в чувашском – «Танкар», в турецком – «Танри», в татарском – «Тэнгре».

Для Тенгри в конце весны в сакральных местах люди приносили в жертву овец, жеребят, моля его об обильном приплоде, здоровье, удаче. Культ Тенгри соотносился также с культом «древа жизни» («мировое дерево», «небесное дерево», которое связывало Небо и Землю, Тенгри и поклоняющихся ему людей). На каждой ветке священного дерева обитали божества. Вселенная делилась на верхний (небесный), средний (земной) и нижний (подземный, потусторонний) миры. Рождением людей и плодородием ведала богиня Умай, смертью – Эркинг. Кроме «главных», в пантеон входили «второстепенные» божества. Сохранялись культы степного волка (тотема тюрков), коня, Солнца и Луны. Тюрки превыше всего почитали огонь, затем воздух и воду, пели гимны земле, поклонялись и называли богом того единственного, кто все это создал, принося ему в жертву лошадей, быков и мелкий скот. Их жрецы предсказывали будущее.

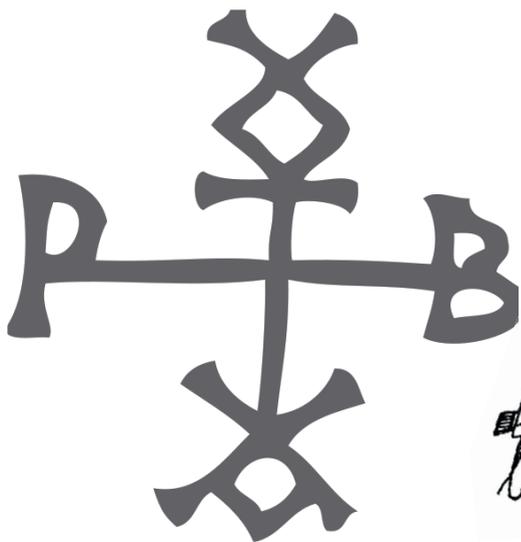
Поселившись в Восточной Европе, болгары в определенной степени подверглись религиозному влиянию Византии, которая всегда стремилась использовать крещение «варваров» для укрепления связей и дружественных отношений с ними, пре-

вращения их в вассалов и федератов. Щедро одаряя их вождей подарками и наделяя имперскими титулами, направляя епископов и священников, Восточная Римская империя таким образом расширяла сферу своего влияния. Поэтому христианизация преследовала не только религиозные, но и не в меньшей степени политические цели. Благодаря тесным взаимоотношениям с Византией, именно христианство стало первой монотеистической религией, с которой близко познакомились болгары.

Известно, что в 527/528 году предводитель болгар-оногуров Грод прибыл в Константинополь и принял крещение; его восприемником (крестным отцом) стал сам император. Получив богатые дары, Грод обещал охранять границы Византии, добиться возвращения ей города Боспор и защищать его от других «варваров», по сути став вассалом византийского императора, признав не только переход Боспора в руки империи, но и ее гегемонию над болгарам. Он привел в Боспор византийского трибуна с отрядом, пытался распространить христианство среди подвластного населения, начал уничтожать серебряных идолов, переливая их в слитки, которые продавались на рынке Боспора. Но возмущенные и внутренней религиозной, и внешней политикой Грода жрецы убедили болгар убить его, заменив братом Мугелем (Муилом). Затем болгары захватили Боспор, убили византийского трибуна и его воинов, разрушили подвластные Боспору города Кепу и Фанагорию на берегу Керченского пролива. С большим трудом позднее византийцы смогли вернуть себе Боспор и города на Таманском полуострове.

Крещение Грода не являлось каким-то уникальным событием, так как христианские проповедники могли появляться в кочевьях болгар и ранее. В начале VI века 7 священнослужителей во главе с епископом Аррана (современный Азербайджан) армянином Кардостом перешли через Кавказ в «страну гуннов» севернее Дербента. Официально их целью была духовная поддержка множества находившихся здесь в плену христиан. Однако они не только окормляли пленников, но и стремились обучить христианской вере кочевников, для чего перевели на «гуннский» (болгарский?) язык Священное Писание и другие церковные книги.

Там, где Кардост проповедовал христианство к северу от Дербента, жили болгары, савиры, барсилы. Также епископ посещал Боспор в Крыму, поэтому география его проповедей, вероятно, охватывала в том числе приазовских болгар. Кардост миссионерствовал около 10 лет. Его деятельность хронологически совпадает с поездкой Грода в Константинополь, поэтому, возможно, крещение вождя было подготовлено именно этим епископом, на что указал историк Михаил Артамонов. Сменивший Кардоста армянский епископ Макар построил где-то в этих краях кирпичную церковь. Известно, что в VIII веке в составе Готской епархии с центром в Крыму существовало Оногурское епископство, которое могло быть основано значительно раньше в связи с деятельностью Кардоста и Макара...

РОЖДЕНИЕ И ГИБЕЛЬ ВЕЛИКОЙ БОЛГАРИИ

«Но пора уже рассказать о начале так называемых... болгар и их положении. У Меотидского озера, по реке Кофис (Кубань), располагаются называвшаяся в древности Великой Болгария и так называемые котраги, их соплеменники...».

*Патриарх Константинопольский Никифор
о событиях VII века.*

В первой половине VII столетия, почти одновременно с тем, когда среди бедуинов в песках, оазисах и городах Аравии начал свое стремительное шествие ислам и возник Арабский халифат, примерно четырьмя тысячами километров северо-западнее, в степях Восточной Европы также развернулись исключительные по насыщенности исторические события, приведшие к возникновению первого государственного образования болгар, в источниках и литературе известного под названиями «Великая Болгария», «Большая Болгария», «Старая Болгария», «Причерноморская Болгария» (в отличие от «Дунайской Болгарии») и т.д. Отметим, что «Великая Болгария» – название во многом условное, характеризующее ее как объединение «всех болгар»

Западной Евразии, позднее распавшееся на несколько «малых» Болгарий.

Образование Великой Болгарии подвело итог длительному процессу, начавшемуся с распада Гуннской империи, после которого в степной полосе от Нижней Волги до Дуная более полутора веков господствовали племена болгарского круга. Поэтому новое болгарское государство можно считать наследником Гуннской империи. Недаром в «Именнике болгарских ханов» основатель Великой Болгарии Курт/Кубрат показан как прямой потомок хана Авитохоло (Аттилы), принадлежавшего к тюркскому роду Дуло.

Из-за крайне малых сведений письменных источников, незавершенных атрибуции и систематизации археологических памятников на территории проживания болгар в Северном Причерноморье, отсутствия среди ученых общего взгляда, какие памятники относить к болгарским, история Великой Болгарии остается дискуссионной и не до конца раскрытой темой в историографии. В современной исторической науке она представляется и как огромная степная империя от Кубани до Днепра, и как небольшой племенной союз в Восточном Приазовье или Западном Предкавказье, и как зона вторичной болгарской колонизации (по аналогии с термином «Великая Греция»).

Появление Великой Болгарии, как и других раннесредневековых государств кочевников, было связано с конкретной выдающейся политической личностью, которой стал хан Кубрат (варианты написания его имени в письменных источниках: Курт, Коурт, Куврат, Коврат, Кроват, Кробатос, Кробатус, Кубратос, Курбат, Хубраат, Худбаат, Худбадр и т.д.), упоминаемый как значительный политический деятель Восточной Европы VII века.

Сегодня известен только краткий фрагмент, повествующий об образовании Великой Болгарии, содержащийся в «Краткой истории» патриарха константинопольского Никифора, умершего в первой трети IX века. В этом фрагменте описывается, как Кубрат, «родственник Органы, государь гунно-гундуров», восстал против кагана аваров и, оскорбив, изгнал из своих земель его представителей либо воинский контингент. Продемон-

стрировав тем самым политическую самостоятельность и силу, Кубрат затем отправил посольство к византийскому императору Ираклию и заключил с ним мир и союз, который они соблюдали до конца жизни. Ираклий в ответ выслал богатые дары и удостоил Кубрата сана патриция, который являлся наивысшим среди возможных для правителей союзных Византии «варварских» государств. Примечательно, что другой используемый в источниках титул Кубрата «*күрюс*» (господин) – такой же, как обращение к византийскому императору, хронисты ранее не применяли к «варварским» правителям, за исключением лишь аварского кагана. Это подчеркивает высокий вес и авторитет Кубрата на международной политической арене того времени. Посольство в Византию и его итоги стали показателем международного признания нового суверенного государства и его политической самостоятельности.

С биографией Кубрата историки часто связывают ряд сюжетов VII века из разных письменных источников, иногда противоречащих друг другу. Есть мнение, что Кубрат родился примерно в 605 году, с детства воспитывался при императорском дворе в Константинополе и дружил с будущим императором Ираклием, после смерти которого (641 год) поддерживал его супругу и детей в борьбе за престол. Возможно, что в 619 году со своими приближенными он прибыл в Константинополь, прося императора посвятить их в христианство. Они были крещены, получили дары и титулы, в том числе сам Кубрат – сан патриция. Однако все эти источники не позволяют с абсолютной точностью восстановить биографию Кубрата, так как в первом случае речь идет о некоем Кетрадесе, а во втором имя вождя вообще не указано.

Как бы то ни было, Византия с радостью приняла союз в противостоянии с общим врагом (аварами). Политический союз Кубрата с Ираклием можно объяснить и как возобновление традиционной дружбы Византии с утигурами. Византийская дипломатия, заинтересованная в изоляции авар, сделала все возможное и необходимое, чтобы направить болгар против них, оказала моральную и материальную поддержку новому союзнику. Вероятно, союз был скреплен личной дружбой Кубрата и

императора Ираклия. Дальнейшая внешняя политика Великой Болгарии достоверно неизвестна, но, наверняка, заключенный болгаро-византийский альянс должен был быть наполнен реальным содержанием. Как союзник Византии она могла принимать участие в различных войнах, в т.ч. против аваров и арабов, появившихся на Кавказе.

Активность Византии по поиску нового союзника в Восточном Причерноморье и на Северном Кавказе могла стимулироваться началом кризиса и распада союзного ей Западно-Тюркского каганата в 630–650-х годах, параллельно с которыми шло образование Великой Болгарии, по всей вероятности, являвшееся частью этого процесса. На это намекает и указание в «Именнике болгарских ханов» о принадлежности Кубрата (в оригинале текста – Курта) к одному из правящих кланов Западно-Тюркского каганата – Дуло, демонстрируя его династические связи с тюркскими каганатами.

Следует пояснить, что Дуло – это одна из основных, наряду с Ашина и Нушиби, династий Западно-Тюркского каганата, восходящих к древнетюркским государственным традициям и древнетюркским (гуннским) родоплеменным кланам. Роды Дуло и Ашина, тесно связанные между собой и борющиеся за главенство в Западно-Тюркском каганате, в дальнейшем сохранили дихотомию во власти, став центральными актерами (действующими субъектами) формирования новых тюркских государств Восточной Европы – наследников каганата.

В 630 году в Западно-Тюркском каганате началась кровавая, сопровождавшаяся убийствами каганов война за власть между соперничающими кланами Дуло (Дулу) с одной и Нушиби/Ашина с другой стороны. Это привело к распаду державы и обособлению ее провинций (о начале ослабления центральной власти Западно-Тюркского каганата и попытках проведения его частями собственной внешней политики может свидетельствовать посольство болгар в Византию в 619 году). Возможно, в это время получили политическую независимость две западные области каганата. К 632 году представители правившего тогда в Западно-Тюркском каганате рода Ашина, утратив контроль над его остальной территорией, закрепились в его быв-

шей хазарской провинции. Она стала ядром Хазарского каганата, объявившего себя правопреемником Тюркского каганата и его правящей династии. Хазарское государство образовалось эволюционным путем объединения части тюркских племен во круг претендента на каганский престол из рода Ашина.

Вполне допустимо, что и Великая Болгария возникла аналогичным образом. Есть версия, что упоминавшийся родственник Кубрата Органа (брат матери, по мнению историков Михаила Артамонова и Льва Гумилева) был удельным правителем самой западной области каганата (то есть страны утигуров и оногуров), известным по китайским источникам как «Моходухэу» (Черный богатырь) из рода Дуло. В 630–631 годах в ходе борьбы против клана Нушиби (сторонников каганского рода Ашина) Органа убил кагана Туншеху и взошел на престол Западно-Тюркского каганата под именем «Кюйли Сыби-хан», но вскоре и сам был убит. В этой ситуации его племянник Кубрат, который мог быть наместником либо удельным правителем самой западной провинции каганата после своего дяди, оказался перед выбором: бороться за власть во всем каганате в составе коалиции Дуло или обособиться от центра, как это уже сделали хазарские представители рода Ашина в Восточном Прикаспии. Кубрат пошел по второму пути, предпочтя объявить суверенитет и стать правителем самостоятельного государства во главе с родом Дуло (что предопределило его дальнейшую враждебность к ашинской Хазарии). Он консолидировал болгарские племена, обособился от каганата, воспользовавшись ослаблением метрополии, и получил независимость. В результате такой «игры престолов» и зародилась Великая Болгария. Поскольку сведений о борьбе Кубрата с Западно-Тюркским каганатом в письменных источниках нет, можно предположить, что это обособление произошло мирно.

В тот же период переживал тяжелый внутривосточный кризис и Аварский каганат. В 623 году подчиненные ему западные и часть южных славян восстали под руководством князя Само и создали свое антиаварское государство. В 626 году авары организовали осаду Константинополя, в которой участвовали болгары и другие подчиненные им племена, но потерпели

крупную неудачу, что сильно поколебало авторитет центральной власти кагана, вызвав междоусобицы и попытки отдельных племен получить независимость. Ситуация усугубилась со смертью кагана Баяна в 630 году, после которой в каганате развернулась гражданская война между аварами и болгарами-кутригурами, выдвинувшими 2-х разных претендентов на трон. Это еще раз доказывает, что болгары наряду с аварами входили в правящую верхушку Аварского каганата и были достаточно многочисленны, чтобы вести борьбу за высшую власть в нем. В жестокой междоусобице в 631 году победу одержали авары. Уцелевшим болгарам пришлось из Паннонии бежать на запад в Баварское герцогство, находившееся в составе Франкского королевства, где король франков Дагоберт сначала разрешил принять их, но позднее приказал всех перебить. Лишь 700 воинов с женами и детьми во главе с вождем Альциокусом/Альциоком смогли переселиться в Венедскую (то есть славянскую) марку, в которой исследователи видят Карантанское княжество славян-хорутан в Восточных Альпах, входившее в государство Само и занимавшее, примерно, территорию современной австрийской Каринтии. Сведения «Хроники» Фредегара и «Деяний Дагоберта» об этих кровавых драматических событиях возможно имеют подтверждение в археологии и топонимике. Так, немецкий историк Хенрих Кунстманн считает, что неидентифицированные и незахороненные фрагменты скелетов около 6 тысяч человек, приблизительно того периода, обнаруженные под австрийским городом Линц (Баварское герцогство располагалось на территориях современных Баварии (Германия) и Австрии) принадлежат этим истребленным болгарам, и что с ними также связаны топонимы Pulgram/Bulhary в Моравии, Poigern в Саксонии и Pulgarn в Австрии.

Кризис Аварского каганата начала 630-х годов и поражение болгарской (кутригурской) партии в борьбе за власть в каганате ослабили влияние авар на болгар Северного Причерноморья, создав условия для переориентации их племен, населявших степи от Карпат до Дона, на новое приазовское болгарское государственное объединение Кубрата. Смуты в Западно-Тюркском каганате начались раньше междоусобицы в Аварии. Поэтому,

вероятно, Кубрат с утигурами сначала освободились от влияния кок-тюрьков, а затем присоединили западных болгар-кутригуров, ранее находившихся под влиянием Аварского каганата, изгнав его представителей. Полностью реконструировать ход образования Великой Болгарии представляется сложным, а все варианты развития этого процесса остаются только лишь гипотезами. Однако, так или иначе, почти одновременное ослабление Западно-Тюркского и Аварского каганатов в 630-х годах стало важнейшей внешней предпосылкой образования Великой Болгарии.

Источники не содержат указаний на точные даты образования Великой Болгарии, прихода к власти Кубрата, выступления против аваров, отправки посольства в Византию. Историки достаточно условно указывают 635 год. Однако, надежнее будет датировать эти события более широким промежутком времени – 631–640 годы.

Как было описано выше, возникновению Болгарской державы предшествовало образование 2-х крупных племенных союзов кутригуров и утигуров, вобравших в себя различные племена болгарского круга. Внутренними предпосылками, созревшими в болгарском социуме для перехода от родоплеменной к государственной стадии, стали: военно-политическая организация во главе с вождями, выделение надродовой и надплеменной военной знати, имущественное и социальное расслоение, рабовладение, торговля, города (указывающие также на постепенный переход к оседлому образу жизни), свидетельствующие о высоком уровне социально-политического и социально-экономического развития болгар.

Социальное расслоение болгарского общества подтверждается дифференциацией захоронений по социальным типам: бедные, не содержащие никакого инвентаря (рабы либо беднейшее население); богатые воинские, насыщенные инвентарем; богатейшие с погребальными комплексами (родоплеменная аристократия). Среди традиционного инвентаря болгарских могил – топоры, стрелы, сабли, сбруя, сосуды, а также поясные наборы, убранство которых определяло статус погребенного. По материалам могильников можно предположить, что воины-всадники составляли около половины мужского населения.

Культура Великой Болгарии – культура в основном кочевого населения, с весны до поздней осени передвигавшегося по степи, а зимой обитавшего в стойбищах у берегов Черного, Азовского (и Каспийского?) морей. Основой болгарского общества была многосемейная патриархальная кочевая община с общими стадами и пастбищами. Но согласно археологическим исследованиям, болгарское общество нельзя считать полностью кочевым. Основное население Великой Болгарии включало не только скотоводов, но и земледельцев с ремесленниками; археологи подтверждают высокий уровень земледелия у болгар. Подавляющее большинство населения, безусловно, было номадами, тем не менее, остатки стойбищ и даже следы оседлых поселений, принадлежавших собственно болгарам, обнаруживаются повсеместно, о чем ясно свидетельствуют, например, публикации известного археолога Светланы Плетневой. Кроме привилегированной болгарской элиты, ведшей преимущественно кочевую жизнь, существовало также податное население, объединенное в соседские общины, которое занималось оседлым земледелием и скотоводством. Кочевое и оседлое население осуществляло культурный обмен, перешедший, в конечном итоге, в симбиоз и складывание общей культуры.

Рабство у болгар не было широко распространено, захваченные в войнах люди оставались скорее в статусе заложников и военнопленных, чем классических рабов. Они отдавались за выкуп, использовались как пастухи, прислуга и рабочая сила. Через некоторый срок они могли обрести свободу, вступить в брак с болгарями, участвовать в военных кампаниях, то есть стать равными в правах.

Остается открытым вопрос о территории и рубежах Великой Болгарии. Границы степных государств, население которых кочевало, всегда были достаточно условными и размытыми, носили природно-географический, а не формально-административный характер. Пограничных столбов в степи никто не ставил, поэтому мобильный образ жизни населения делал гибкими и границы Великой Болгарии. Они могли расширяться и уменьшаться в периоды активности и расцвета либо упадка государства и потери части контролируемых земель, присоединения или отложения разных соседних народов.

Поскольку Великая Болгария объединила владения утигуров в Приазовье и задонские земли кутригуров, то она простиралась как минимум от Северного Кавказа до Придонья. Эта земля являлась ядром Великой Болгарии. Многие исследователи отодвигают западную границу подконтрольных ей территорий до Днепра и Буга, а иногда и до Днестра и Дуная. На северо-западе границей была лесостепь, заселенная славянскими племенами, на северо-востоке – возможно, Нижняя Волга. Также с болгарским кругом иногда связывают народ банаджар (баланджар) и одноименный город, часто упоминаемые в арабских источниках. Банаджары локализируются учеными в степях Прикаспия к северу от Дербента, из чего может следовать вхождение в состав Великой Болгарии территорий и Северного Кавказа, а ее восточная граница тогда отодвигается до Каспийского моря. Таким образом, получается, что Кубрат объединил и возглавил все основные племена причерноморско-приазовских степей VI–VII веков: кроме собственно племен болгарского круга, это были сувары, барсилы, баранджары, бурджаны и куманские племена, являвшиеся соседями болгар на Северном Кавказе и в Прикаспии. Забегая вперед, отметим, что многие из них вместе с болгарями позднее примут участие в массовом исходе на север, окажутся на Средней Волге и войдут в состав Волжско-Камской Булгарии.

Таким образом, население Великой Болгарии было этнически неоднородным, ведущим племенем были болгары. Большинство его жителей говорило на западных диалектах тюркского языка и имело схожий образ жизни, религию и обряды. Но на его территории также проживали племена иранского, угорского и иного происхождения. После объединения, с VII века, перестают употребляться этнонимы «огур», «оногур», «сарагур», «утигур», «кутригур», консолидированные под доминирующим именем «болгар», известным в Европе с V столетия, но почти вышедшим из употребления в VI веке. Несмотря на короткий временной отрезок существования Великой Болгарии, его население твердо усвоило этноним «болгар» и сохранило его на века вперед, в том числе и на новых землях обитания.

Издавна считалось, что столицей Великой Болгарии являлся древнегреческий город-колония Фанагория на Таманском по-

луострове. Однако археологическими данными активное присутствие здесь болгар пока не подтверждается. Функции «столиц» кочевых государств традиционно выполняли ставки их верховных правителей, менявшие свое местоположение сезонно либо по политическим обстоятельствам. Города, как центры оседлого торгово-ремесленного населения, также могли становиться ставками правителей кочевых объединений на одну или несколько зим. Греческие города-колонии Фанагория, Боспор, Томитуракан и другие служили центрами политических, экономических, культурных контактов византийцев с болгарами, которые создавали в их окрестностях лагерь-зимовища. Часто кочевые племена, в том числе и болгары, предпочитали острова в дельтах больших рек или в морских лагунах, как надежные места для убежищ и зимовий. Городами с собственно болгарским населением, пожалуй, можно считать лишь Банаджар/Баланджар и Бакаф, построенный оногурами (разрушен землетрясением).

Резиденция Кубрата, скорее всего, представляла собой традиционную для правителей государств кочевников мобильную ставку: зимой где-то у берегов моря (но вряд ли на окруженном болотами Таманском полуострове), летом – на северной границе степи и лесостепи. По мнению многих исследователей, ставка Кубрата находилась в Приазовье, хотя есть версии и ее более западной локализации в Северном Причерноморье.

Возможно, именно недалеко от летней ставки, где проводил большую часть времени Кубрат, был заложен клад, являющийся самым ярким и значимым материальным памятником и свидетельством могущества, богатства, статуса Великой Болгарии и лично хана Кубрата. Поэтому о нем нужно рассказать подробнее.

Остросюжетна история обретения этого клада. Весной 1912 года 2 подростка-пастушка из села Малая Перещепина Константиновградского уезда Полтавской губернии (ныне Украина) случайно наткнулись в песчаных дюнах на множество золотых и серебряных вещей, среди которых были сосуды, украшения, предметы вооружения и конского снаряжения, золотые монеты. Все это быстро разошлось по рукам местных

крестьян и в дальнейшем долго собиралось и выкупалось полицией, губернской администрацией, командированными на место находки археологами у жителей, перекупщиков, антикваров и коллекционеров. Подавляющее большинство предметов клада – около 800 по большей части золотых и серебряных предметов, в том числе 69 византийских монет, – попали в Санкт-Петербургский Эрмитаж. Золотые вещи (2 наконечника ремня, 2 бляшки, небольшая трубочка, пара серег, солид Ираклия, гвозди, несколько обрывков листов, 2 кучки обрывков нитей от парчи и золотой колпачок), переданные в Полтавский музей, были утрачены в годы Великой Отечественной войны. Во второй половине XX века на месте находки работали советские и болгарские археологи, но ничего нового обнаружить не смогли.

Перецепинское сокровище уникально по своему богатству: общий вес его золотых изделий составил около 25 килограмм, серебряных – около 50 килограмм. В состав клада входили золотая и серебряная посуда, сосуды, блюда, чаши, амфора, кувшины, кубки, кружки, ритоны (сосуды в виде рога), ковши, ложки; предметы поясного набора знатного кочевника – пряжки, бляшки, накладки, застежки, наконечники ремня; предметы конского снаряжения – обкладки лук седла, стремяна, бляшки конской сбруи; оружие – мечи, накладки и наконечники ножен, обкладка верха колчана; украшения – браслеты с инкрустацией, золотые перстни с цветными камнями, шейная гривна с изумрудами, серьги, ожерелье из 26 золотых византийских монет, отдельные монеты, облицовка набалдашника и древка посоха, украшения шкатулки в виде пластинок, гвозди и некоторые другие находки.

По описаниям местных жителей, раскопавших клад, находки лежали на глубине 1 метра. Между вещами находились куски сгнивших дубовых дощатых брусьев и коричневой, по-видимому, шелковой ткани, прошитой золотыми нитями. Сверху лежали кубки из золота, серебра и осколки сосудов из тончайшего зеленоватого стекла, ниже – блюда, вазочки и другие вещи. Вазы частью стояли, частью лежали в наклонном положении вокруг самого большого сосуда. Большое серебряное чеканное блюдо с хризмой и надписью будто бы стояло на ребре. В полуметре

от вещей в золе лежали фрагменты (глазницы) человеческого черепа, чашечки голени, 5–6 суставов ног крупных животных с дырочками. В золе были кусочки дерева.

Долгое время ученые решали вопрос о том, что же представляла собой находка из Перещепина: статусный клад, поминальный храм, погребение или жертвенное захоронение ценностей покойного знатного лица. Сегодня они почти единодушно считают, что это погребение с трупосожжением на стороне. Аналогичное захоронение было раскопано в Венгрии, где от человеческого скелета сохранились, как и в Перещепине, только отдельные обломки черепа и шейные позвонки, а также обнаружены остатки деревянного сооружения с золотой облицовкой, которое реконструировано как переносное ложе с крышкой для доставки умершего к месту погребения.

Большая часть исследователей изначально считала, что «клад» оставили тюрки. Догадка о принадлежности погребения именно правителю Великой Болгарии Кубрату базируется на расшифровке монограмм на 2-х золотых перстнях как «Куврата» и «Куврата патрикия». Это объясняет наличие в комплексе византийских вещей, в том числе монет и вещей с территории Аварского каганата VII века. Среди византийских монет подавляющее большинство – это солиды, отчеканенные в последние годы правления императора Ираклия с сыновьями (637/638 годы) и в начале правления Константа II (641–646 годы). Солиды из казны императора, как и византийские драгоценные вещи, попали в Причерноморье в составе нескольких даров первой половины VII века. Так, 7 полновесных солидов в 24 карата, отчеканенных в правление Маврикия (582–602 годы), Фоки (602–610 годы) и в совместное правление Ираклия и Константина (629–632 годы), а также 2 золотых медальона могли быть подарены Кубрату между 635 и 640 годами, когда ему было присвоено звание патриция. В составе дара могло быть и серебряное блюдо с крестом, датируемое по клейму не ранее 629 года.

В составе еще одного дара Ираклия Кубрату имеется 41 солид легкого веса в 20 карат. Размер каждой монетной выплаты «варварам» был обычно очень велик, но она и делилась между множеством воинов. Так что в захоронение попала лишь небольшая

часть полученного от византийцев. Некоторые вещи, например, блюдо епископа Патерна (конец V века) и серебряная золоченая амфора (около середины VI века), принадлежавшие церкви, вряд ли могли быть подарены светскому лицу и, скорее всего, попали к владельцу Перещепинского сокровища не из Византии, а от ее северных соседей, вероятнее всего, от аваров, неоднократно нападавших на балканские владения империи, как трофеи. Кубрат мог получить от аваров их византийскую добычу и какие-то собственно аварские вещи еще когда болгары были их вассалами, или когда он восстал против них и изгнал их отряд. В кладе из Малой Перещепины был дискос – сосуд для богослужений, золотые кресты с которого сначала были содраны, но затем снова напаяны.

Самыми ценными изделиями клада являются золотой кувшин и ложчатая чаша весом 4,4 килограмм. Эти золотые персидские сосуды не являлись предметами торговли, а могли принадлежать только царствующему дому Сасанидов. Скорее всего, они попали к владельцу Перещепинского сокровища либо благодаря его непосредственному участию в нападении на владения иранских шахиншахов, либо в качестве дара от Византии вскоре после ее совместной с западными тюрками победы над персами в Закавказье в 628 году. В последнем случае они могли входить в состав дара Ираклия своим союзникам, ведь те болгары, что были еще вассалами кок-тюрок (возможно и сам Кубрат), могли участвовать в этих войнах. Не исключено, что эти золотые сосуды у кок-тюрок отнял болгарский правитель, участвовавший в смуте после смерти кагана.

Место находки Перещепинского клада говорит о глубоком проникновении болгар на север в лесостепную полосу Поднепровья. В общей сложности к «перещепинской культуре» кочевых болгар Кубрата археологи относят около 90 погребальных памятников и кладов VII века.

Памятники перещепинского круга встречаются на большой территории от Северного Причерноморья и Приазовья до Нижней Волги. Они имеют схожие погребальный обряд и инвентарь, что свидетельствует о принадлежности оставившего их населения к одному этнокультурному и политическому образованию

тюркоязычных кочевников VII столетия – Великой Болгарии. Исчезновение памятников перещепинской культуры связано с массовым оттоком населения на Дунай и Среднюю Волгу во второй половине VII века после разгрома Великой Болгарии хазарами.

О государственном и военно-административном устройстве Великой Болгарии данных мало. Ее систему власти и управления исследователи (в частности, Шамиль Мингазов) реконструируют через аналогии, параллели и сравнения с другими государствами тюркоязычных кочевников, чьи традиции Великая Болгария продолжала (в первую очередь, Гуннской державы и Тюркского каганата), и государств, ведущих государственность от нее (Дунайской Болгарии и Волжско-Камской Булгарии). Их административно-политическое устройство имеет определенное сходство и явную преемственность между собой. Общими чертами могут быть верховный правитель (каган, хан), военно-административная и территориальная организация (деление войска на правое и левое крылья по 5 «стрел» каждое с соответствующей иерархией должностей и титулов). Традиционная для раннефеодальных формирований система децимального военно-административного деления восходит еще к гуннским временам, и позднее воспроизводилась в Тюркском, Западно-Тюркском каганатах и Дунайской Болгарии. О делении на 10 частей может указывать, в частности, и этноним «он-огур/ун-огундур», который по одному из вариантов переводится как «десять огур».

В построении Великой Болгарии, как объединения племенных территорий, племенной принцип постепенно должен был меняться на территориально-административный. Возможно, хан Кубрат провел глубокую реформу системы государственно-территориального управления, показателем которой может служить, исчезновение различных болгарских субэтнонимов и утверждение единого этнополитонима «болгар», свидетельствующее о ликвидации отдельных племенных союзов. В раннесредневековых, раннефеодальных государствах, как кочевых, так и оседло-земледельческих, для управления частями государства традиционно назначались сыновья или братья прави-

теля. Хан Кубрат также разделил Великую Болгарию на административные единицы под управлением 5 сыновей. При такой удельной форме правления каждый сын становился полуавтономным владельцем своей территории, что подрывало прочность государства. Во многом это предопределило дальнейшую судьбу Великой Болгарии, которая после смерти волевого, авторитетного и харизматичного лидера Кубрата во второй половине VI века практически сразу ушла с исторической сцены.

Точные данные о религиозных верованиях, бытовавших в Великой Болгарии до нас не дошли. Скорее всего, как и их предшественники и их наследники болгары поклонялись традиционному для степных тюрков культу Бога Неба – Тенгри. Многие черты тенгризма при характеристике религии жителей «страны гуннов» севернее Кавказа и Дербента в 882 году описал армянский епископ и миссионер Исраэль, а археологические остатки тенгрианских святилищ обнаружены как на Северном Кавказе в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии и Дагестане, так и в Дунайской Болгарии.

Довольно широко распространено мнение о воспитании Кубрата при византийском дворе и его крещении в Константинополе. Однако оно, возможно, появилось из-за неточного перевода и вольной интерпретации данных письменных источников. Вероятная могила Кубрата у Малого Перещепина также не содержит признаков христианского обряда, за исключением нескольких предметов церковного обихода. Как бы то ни было, даже возможное крещение Кубрата и ряда его приближенных явно не привело к массовой христианизации болгар – объективные условия для отказа их от тенгризма (очень близкого к единобожию) и перехода к авраамическому монотеизму еще не созрели. Также, вероятно, Кубрат мог знать и помнить о трагической судьбе вождя Грода, боровшегося с язычеством болгар в первой трети VI века.

Информацию о распаде Причерноморской Болгарии Кубрата содержат те же единичные источники, что повествуют и о ее возникновении, следовательно, эти сведения также малочисленны и лаконичны. Они не содержат конкретной даты смерти хана Кубрата, но, благодаря их описательным данным и соотнесению

с датировкой монет Перещепинского клада, время его ухода из жизни можно определить 650-ми годами.

Оба источника – «Хронография» Феофана Исповедника и «Краткая история» патриарха Никифора – свидетельствуют, что распад Великой Болгарии произошел вследствие противоречий (возможно, переросших в конфликт и междоусобицу) между сыновьями Кубрата, которые, несмотря на строгое завещание и предупреждения отца о необходимости «жить дружно», вскоре после его смерти разделились и расселились в разных направлениях, каждый с подвластной им ордой.

Старший сын и главный наследник Батбаян остался на земле предков – так называемой «первой Болгарии». Оставшиеся на месте прежнего проживания болгары попали в зависимость от хазар и вошли в состав Хазарского каганата, в котором составляли, по сравнению с хазарами, большинство. Отметим, что в общем массиве археологических материалов Хазарии очень трудно отделить болгарские памятники от хазарских, выделить собственно болгар или хазар среди иных народов каганата. В дальнейшем эти болгары отдельно не упоминаются, скрываясь под общим названием «хазары», что говорит об их полном подчинении. И лишь около середины X века они вновь появляются на страницах византийских и древнерусских сочинений как самостоятельное формирование «черные болгары», ведущее борьбу в Северном Причерноморье, Восточном Приазовье и Нижнем Подонье с стремящим силу и распадающимся Хазарским каганатом.

Тюрки-хазары в большинстве своем, как и их предки (алтайские пратюркские племена? огууро-огузские племена? гунны-акациры? эфталиты?), оставались кочевниками, но некоторые другие племена каганата были уже полуоседлыми и оседлыми, возделывали землю, растили виноград, ремесленничали, торговали, имели города и крепости, что отражено в материалах салтово-маяцкой археологической культуры, датируемой VIII–X веками и вобравшей в себя признаки полиэтничности жителей (при ведущей роли ираноязычных аланов и тюркоязычных болгар). Поэтому вполне вероятно, что с Батбаяном осталась именно та часть болгар, которая уже перешла к полуоседлому и оседлому образу жизни.

Сохранявшие кочевой образ жизни болгары предпочли переселиться в новые места. Вторым сыном Кубрата Котраг переправился через Дон и обосновался «напротив» Батбаяна. Земли западнее Дона, как мы писали выше, исторически были местом обитания котрагов-кутригуров, о чем свидетельствует и эпоним Котраг. Дальнейшая судьба Котраговой орды в письменных источниках не отражена.

Наиболее подробно изучена история болгар, во главе с третьим сыном Кубрата Аспарухом ушедших на северные берега Дуная. Они не были первыми болгарскими племенами, появившимися здесь, но стали первыми, кто сформировал не очаговое, а сплошное болгарское население.

Пришедшие с Аспарухом, хотя и были более малочисленны по сравнению с местным населением, но уже имели опыт государственности и были более воинственны. В конце 670-х годов они покорили славянские (союз «Семь племен») и валашские (предки румын и молдаван) племена в Нижнем Подунавье и создали новое раннефеодальное государство, условно называемое «Болгарским первым царством», составив основу его правящего слоя. В 681 году Аспарух победил Византию, вынудив ее признать свое государство. После череды побед болгар над Византией в начале VIII века оно расширилось от Дуная до Старо-Планинских гор и от реки Искыр до берегов Черного моря. Впоследствии, в середине VIII столетия, междоусобицы среди правящих родов Дуло, Укил и Угаин ослабили Болгарское царство. Однако при хане Круме (803–814), разгромившем аваров и Византию, осаждавшем Константинополь в 811–814 годах, и хане Омуртаге (814–831), завоевавшем Паннонию и часть Македонии, болгарское государство вновь усилилось.

Возникнув как результат подчинения тюркам-болгарам местного нетюркского населения, Дунайская Болгария прошла длинный и непростой этнополитический путь. Первоначально население делилось на болгарскую (боилы, багаины и другие) и славянскую (жупаны) знать и свободных землепашцев, в основном славян и валахов. До 865 года, когда хан/царь Борис I (852–889) крестился и придал христианству государственный статус, основной религией был древнетюркский тенгризм и раз-

вивалась тюркская в своей основе культура, возникли письменность на тюркском языке и греческой графике (взамен рунической графики) и особенная историческая традиция («Именник болгарских ханов»). В результате междоусобиц и войн одна часть родовой болгарской элиты погибла, а другая растворилась среди намного более многочисленных славян. Все это привело к формированию современного болгарского народа.

Археологические данные свидетельствуют и о более поздних миграциях болгар из Хазарского каганата в Дунайскую Болгарию, когда в Подунавье появились новые болгарские поселения, относящиеся к X веку. Это отчетливо демонстрирует длительное сохранение этнополитических, культурных и социально-экономических связей между различными удаленными друг от друга группами болгар.

Четвертый и пятый сыновья Кубрата со своими людьми также переправились через Дунай и осели: один в Паннонии, заключив договор и подчинившись Аварскому каганату, другой – в окрестностях города Равенна в Северной Италии. Их имена в письменных источниках прямо не называются, однако, четвертого сына Кубрата большинство современных специалистов отождествляет с болгарским «архонтом» Кувером, который в 660–670-х годах восстал против аварского кагана и, победив его в нескольких битвах, перешел через Дунай со своей ордой в Византию. Примерно в 679–680 годах он овладел землями провинции Македония до города Фессалоники/Салоники/Солунь. Кувер хотел создать свое государство на юго-западе Балканского полуострова, наладил дружественные отношения с византийским императором, пытался покорить славянское племя драгувитов. Известна византийская печать конца VII – начала VIII веков одного из подданных Кувера Мавра с надписью «Патрикия и архонта... Болгар». Действия Кувера в Македонии могли быть спланированными и скоординированными с действиями Аспаруха в Мезии. Поэтому вполне справедливо мнение болгарского историка Димитра Ангелова и поддержавших его ученых, что в образовании болгарского (дунайского) народа участвовали не только болгары Аспаруха, но и болгары Кувера, составившие единое дунайское болгарское государство.

Пятого сына Кубрата исследователи часто отождествляют с известным по «Истории лангобардов» Павла Диакона вождем болгар Альзеконом/Альцеком/Альзеком (хотя, по другой версии, это уже упоминавшийся выше Альциокус из «Хроники» Фредегара, спасшийся от погрома болгар в Баварии). В 660–670-х годах он «по неизвестной причине оставил свой народ» и пришел с войском в Лангобардское королевство к королю Гримуальду, где уже жили болгары, переселившиеся, как рассказывалось в предыдущем разделе, сюда в конце 560-х годов при короле Альбоине. Гримуальд отправил Альзекона/Альцека к своему сыну Ромуальду в лангобардское герцогство Беневенто в Южной Италии, выделив ему для проживания Сепино (Sepino), Бойано (Bojano) и Изернии (Isernia) (существуют до нынешнего дня) и другие города, назначив правителем этой области. Недалеко от Бойано раскопаны 2 некрополя конца VII века (данные их нумизматического материала точно совпадают со временем переселения болгар Альзекона) с 350 захоронениями, из которых 20 содержат фрагменты скелетов коней, что соответствует погребальному обряду различных тюркских народов, а также находки стремян, которые появились в Западной Европе с аварами и болгарями в VI–VII веках. В одном из захоронений обнаружены перстень с печатью, являющийся символом власти, аналогичный перстню герцога лангобардов из некрополя недалеко от Милана, меч с ножами, другое оружие, железные и бронзовые кольца, пряжки, элементы пояса, конского снаряжения, что допускает принадлежность останков самому Альзекону или одному из его преемников. Таким образом, археологические данные подтверждают сведения «Истории лангобардов».

Исследователи допускают, что в Беневенто болгары основали несколько современных населенных пунктов, а ставка Альзекона находилась между Бойано и Изернией у селения Cantalupo. Это название раньше переводили как «Поющий волк», но затем первую часть названия Канталупо – Кан – стали трактовать как «хан». В обоих вариантах фигурирует волк – почитавшийся у тюркских народов зверь-тотем.

Переселение болгар в Италию началось в VI–VII веках. Поэтому европейские исследователи Эмил Херцак, Эмилио Серени,

Анна Влаевска отмечают сильное влияние этнонима «болгар» на топонимику и антропонимику в Италии. В Ломбардии известен полуразрушенный «Замок де Булгаро» (Castello Vulgaro) и церковь Булгари в провинции Пьемонт, селение Булгарограссо (в переводе – «большой болгар», упоминается также как «де Булгари», «де Булгаро Боргалло») вблизи города Новара, «Контадо де Булгария» – одна из 5 частей провинции Новара, селение Болгаре (Bolgare) у города Бергамо, loco (местечко) Vulgari вблизи города Кремона. Поскольку с севера Италии лангобарды с союзниками двинулись далее вниз по Апеннинам, южнее также встречаются множественные «болгарские следы». В области Тоскана это местечко Булгари в провинции Лукка, замок Castello di Bolgheri в провинции в Ливорно, небольшие селения Булгария (Bulgaria Vetus) и Булгарно (Bulgaria Nova) в Эмилие-Романье; в VIII веке эти места назывались «болгарским регионом» (regione bulgara) или «Булгарской землей» (terra Bulgarirum). В области Марке упоминались переулоч Булгарорум в городе Пезаро, церковное владение «Булгария» с замком и двором, замок Булгаретта, церковь «де Булгария», гора и побережье Булгаро. Болгарские топонимы остались в юго-восточной области Апулия, куда, видимо, также проникли отдельные группы лангобардов и болгар, а также в области Кампания: Vico (переулоч) Vulgari в Неаполе, гора Vulgheria в провинции Салерно. Даже на острове Сицилия в городе Таормина есть улица Булгари (Via Vulgari).

О болгарях в Италии свидетельствуют памятники археологии, а именно характерные для древних тюрков захоронениями воинов с частями скелета коня, обнаруженные около Турина, Вероны, Чивидале дель Фриули, Модены, Перуджы, Бузета, Сан Джуисто (здесь же найдены монголоидные черепа с искусственной деформацией, являвшейся важным обрядовым признаком знати у многих тюркских племен).

В Италии известно немало имен и фамилий с корнем «болгар»: Пьетро де Булгаро в Пьемонте, Гульельмо по прозвищу «Булгаро» из знатного лангобардского семейства Кадолингов в XI веке, гемузское семейство Де Булгари. Сегодня, преимущественно в Северной Италии, распространена фамилия Бул-

гарелли (статистика указывает около 1160 семей, носящих ее). Другие встречающиеся варианты – Булгарелло, Булгари, Булгарини, Булгарино, Булгаро, Булгарони, Булгери, Булгерини, Булгерони...

Но продолжим наше основное повествование. Кроме внутренних противоречий, ряд византийских, хазарско-иудейских, древнерусских письменных источников как еще одну причину исчезновения Великой Болгарии с исторической карты мира указывают военное давление Хазарского каганата. По-видимому, внутренние противоречия и внешний хазарский фактор сработали в комплексе. Раздел единого болгарского государства между наследниками Кубрата во второй половине VII века привел к поглощению его территории и населения набирающим мощь Хазарским каганатом, приведя болгарский этнический массив в движение. Пять орд, лишенных единоначалия, не смогли противостоять экспансии хазар и вынуждены были подчиниться им или мигрировать.

Имеющая место быть в историографии версия о падении Великой Болгарии в результате нашествия арабов абсолютно не убедительна, так как арабская армия в 652–653 годах была разгромлена на Северном Кавказе (под Баланджаром) и до начала VIII столетия больше здесь не появлялась. В то же время, эти события интересны как первое массовое появление мусульман на территории современной Российской Федерации. Здесь уместно отметить, что погибший арабский полководец (Салман ибн Раба, либо его брат Абд ар-Рахман) стал объектом религиозного почитания с обеих сторон – хазары поместили его тело в изготовленный из камыша саркофаг и стали использовать как магическое средство для вызова дождя (подробнее об этом можно прочитать в публикациях Людмилы Гмыря), а в исламском мире он был признан мучеником за веру...

Кроме прямо указанных в источниках направлений миграций болгар, по более поздним данным и археологическим материалам реконструируются и ряд других. Например, прослеживается движение болгарского населения Хазарского каганата вверх по реке Кубань до Приэльбрусья, где оно, наряду с кыпчаками (половцами), активно участвовало в этногенезе современных

балкарцев и карачаевцев, на что указывает и схожесть этнонимов болгар и балкарцев. В этой связи любопытен тот факт, что наиболее генетически близки балкарцам крымские татары, родина которых в том числе – бывшая территория Великой Болгарии.

Историки и археологи также фиксируют масштабную миграцию болгар на Тамань и вглубь Крыма, в города Фанагорию и Таматарху, отмечая сходство ряда крымских археологических памятников второй половины VII – VIII веков с памятниками дунайских болгар и волжско-камских булгар и даже приписывая болгарам основание города Сугдея/Сурож/Судак. Об этом, например, писал известный крымский археолог Игорь Баранов.

В свете темы нашей книги наиболее важной является еще одно направление масштабных миграций болгарских племен бывшей Великой Болгарии хана Кубрата, также первоначально фиксируемое, прежде всего, по археологическими материалам – на территорию Среднего Поволжья и в Прикамье. Но об этом мы расскажем подробнее в разделе «Булгары на Волге».

Подводя итоги, следует сказать, что исторической миссией Кубрата стало объединение гунно-болгарских племен Северо-Восточного Причерноморья, до этого входивших в Тюркский, Западно-Тюркский и Аварский каганаты, в суверенную Великую Болгарию. Главным и важнейшим итогом ее существования стало формирование единого болгарского самосознания и самоидентификации. Это проявилось в том, что этноним «болгар» стал общим, вытеснив прежние узкоплеменные названия, и сохранился даже после распада болгарского территориального единства. Возникновение первого самостоятельного государства болгар стало важным событием в истории полиэтничного населения Восточной Европы. Создание и распад Великой Болгарии («Старой Болгарии») явились одними из значительных политических событий раннесредневековой истории Восточной, Южной, Центральной Европы, глобальным образом повлиявшие на ее дальнейшую историю и предопределившие историческую судьбу, на столетия вперед сформировавшими ее этнополитическую карту. К Великой Болгарии напрямую восходит этнополитическая история булгар Среднего и Нижнего

Поволжья и их потомков (казанских и астраханских татар, чувашей и др.), тюркских народов Северного Кавказа и Крыма, гагаузов Бессарабии, южных славян Придунавья и восточных славян Поднепровья. И даже краткая реконструкция ее истории, отношений с другими раннесредневековыми государствами и народами, развития этнокультурной ситуации в Северном Причерноморье, позволяет нам глубже понять историю Центральной Евразии в целом...

БУЛГАРЫ НА ВОЛГЕ

«Живут болгары на берегу реки, которая впадает в море Хазарское и прозывается Итиль, протекая между землями хазар и славян. Царь болгар... исповедует ислам... Булгары делятся на три отдела: ...берсула, ...эсегел, ...булгар; ...по образу жизни все трое стоят на одной и той же ступени...».

*Ученый-энциклопедист
Абу Али ибн Руста,
конец IX – начало X века.*

Ушедшая на Среднюю Волгу часть болгар на несколько столетий выпала из поля зрения цивилизованных народов, обладавших письменностью, поэтому ход переселения и первые века ее жизни в письменных источниках не отражены и могут быть реконструированы только лишь благодаря данными археологических исследований.

Первые тюрки появлялись в Поволжье, Прикамье и Приуралье и ранее, до болгар, о чем уже много и доказательно писали советские археологи Владимир Генинг и Альфред Халиков. Уже в эпоху Великого переселения народов хунны/гунны осваивали этот регион в ходе эпизодических походов и перекочевок.

Но только массовое пришествие народов болгарского круга привело к преобладанию в Волго-Камском регионе тюркского населения.

С приходом болгар началась новая эпоха истории Среднего Поволжья и Прикамья, явившаяся прямым прологом современности. В отечественной историографической традиции ее принято именовать «болгарской», дабы отличать волжских болгар (булгар) от всех других болгар. Именно болгары/булгары создали в X веке первое государство на территории современного Татарстана, называемое в литературе «Волжско-Камской Булгарией», и стали одними из предков современных татар и чувашей, важным элементом этнического формирования соседних с ними иных современных тюркских и финно-угорских народов (башкир, марийцев, мордвы, удмуртов и т.д.).

Естественно, болгары пришли сюда не на пустое место. С древних времен Волго-Камье, несмотря на достаточно суровый и переменчивый климат привлекало людей богатой природой, равнинным ландшафтом, множеством чистых рек и озер с заливными лугами, девственными лесами, многообразием животного и растительного мира. Его расположение в центре Евразии на стыке двух континентов, на границе леса и степи, в месте слияния крупнейших рек Восточной Европы Камы и Волги, издревле определявших основные направления людских миграций, обусловило постоянное движение, переселение, смешение разных племен, сделав его полиэтничным.

Историки, археологи, антропологи, этнографы, этнологи, лингвисты, палеогенетики и другие специалисты сходятся во мнении, что коренное население Волго-Камья, начиная с периода мезолита, составляли восточные финские народы пермской подгруппы – дальние предки современных удмуртов и коми, говорившие на одном языке и относившиеся к смешенной европеоидно-монголоидной (уральской) расе. Они являлись частью огромной финно-угорской (уральской) языковой семьи – древнейшего населения Северной Евразии.

Этническая картина в крае резко изменилась около 3,5 тысячелетий назад, когда с юга – из причерноморских и прикаспийских степей – сюда хлынули волны скотоводческих племен.

Высокая мобильность, благодаря прирученным лошадям и совершенной конной упряжи, умение обрабатывать металл (бронзу) позволили им за несколько столетий потеснить местные племена и заселить огромные степные и лесостепные пространства Восточной Европы от Днепра на западе до Урала на востоке, сформировав цельную историко-культурную общность. Пришельцы были древними индоиранскими народами, от которых позднее, по всей видимости, произошла какая-то часть киммерийских, скифских и сарматских племен.

Археология выделяет некоторые общие, характерные для них особенности, а именно погребальный обряд. Для него характерны курганы с усыпальницей в виде сруба, поэтому культура этих племен получила название «срубной». С их приходом в крае начался бронзовый век. Судя по встречающимся на керамических сосудах резным пиктографическим знакам, носители срубной культуры владели примитивным письмом.

Уже с конца каменного века начала проявляться неравномерность хозяйственного и культурного развития регионов заселенной человеком ойкумены, их неравенство, исторически обусловленное природно-климатическими различиями условий жизни. Так, например, в Европе параллельно неолиту на юго-востоке, а затем и в Центральной Европе существует мезолит на севере и востоке Европы, а энеолиту на юго-востоке Европы – неолит на западе, севере и востоке. Ранний бронзовый век критско-эллинского Средиземноморья совпадает с поздним энеолитом в Подунавье и Центральной Европе, энеолитом юга Восточной Европы и поздним неолитом Северной и Северо-Восточной Европы. В медный и бронзовый века разница в жизни различных областей мира достигает бóльшего контраста. В это время на Древнем Востоке (в междуречье Тигра и Евфрата в Месопотамии, бассейнах рек Инд в Индии, Хуанхэ и Янцзы в Китае, Нила в Египте, а также в Греции и на Крите) возникли первые цивилизации с ирригационным земледелием, первые государственные формирования, многолюдные укрепленные города, культура и письменность. Здесь были возведены пирамиды фараонов и гигантские храмы, украшенные фресками и скульптурами, созданы законы царя Хаммурапи, сочинены поэ-

мы «Илиада» и «Одиссея», эпосы о Гильгамеше, «Махабхарата» и «Рамаяна». Одновременно в Восточной Европе, в том числе и в таком ее «медвежьем углу», как Волго-Камье, еще долгие столетия продолжал господствовать первобытнообщинный уклад жизни.

И при срубной культуре, и в более поздний период в Волго-Камье продолжало жить автохтонное финно-угорское население, также сформировавшее ряд оригинальных культур бронзового (балановская, абашевская, приказанская, черкаскульская и др.) и раннего железного (ананьинская, городецкая, пьяноборская, мазунинская, азелинская и др.) веков.

Следующая страница истории этих земель была перевернута около середины I тысячелетия новой эры. В IV веке Великое переселение народов привело в Волго-Камье племена, вопрос об этнической принадлежности которых до сих пор остается в науке дискуссионным. Речь идет о так называемых «именьковцах» и оставленной ими богатейшей археологической культуре. Современные ученые относят их и к германцам, и к балто-славянам, и к славянам, пришедшим с далекого запада, и к иранцам или тюркам, пришедшим с далеких юга и востока, и к финно-уграм местного происхождения, и т.д. и т.п.

«Именьковцы» стали «первопроходцами» во многих аспектах жизни Волго-Камского региона. Они первые по-настоящему оседлые обитатели региона. Мощный, богатый предметами археологический культурный слой глубиной до 40 сантиметров и наличие различных хозяйственных сооружений свидетельствуют о долговременном существовании постоянных населенных пунктов. «Именьковцы» возвели первые в Волго-Камье укрепленные поселения, защищенные стенами-частоколами и земляными военно-инженерными сооружениями – огромными насыпными валами шириной 12–17 метров у основания и до 7 метров высотой. Сложность и масштаб этих работ свидетельствует о высоком уровне организации общества, а также о наличии угрозы со стороны соседей.

Они первые земледельцы, распашавшие почву сохой, запряженной лошадью, под семена культурных растений. Для сохранения урожая, борясь с грызунами, впервые в крае одомашнили

кошек. Уровень черной и цветной металлургии у них был выше, чем у соседей, они первыми освоили изготовление орудий труда и войны из стали. При производстве керамики «именьковцы» стали применять поворотный столик – прообраз гончарного круга. Многочисленные керамические пряслица свидетельствуют о появлении домашнего текстильного производства – прядения и ткачества (обо всем этом можно прочитать в трудах археологов Галины Матвеевой, Петра Старостина, Константина Руденко и др.).

Погребальный обряд «именьковцев» схож с древнеславянским: умерших сжигали в полном одеянии, затем останки и иногда кости жертвенных животных ссыпали в небольшие ямки, туда же опускали сосуды с припасами и ритуальной пищей, украшения и др. Часто встречаются погребения с обрядом без сожжения, когда тело умершего располагалось в глубокой могиле головой на север. Такие погребения более богаты фрагментами орудий труда, оружия, конского снаряжения, глиняной посуды, одежды, украшений, черепов лошадей и др. Это демонстрирует либо сильное влияние на «именьковцев» кочевников евразийских степей (угров или тюрков), либо значительное количественное присутствие последних. Разные типы украшений отражают контакты и взаимовлияния различных культур. Погребальный обряд и изображения солярных знаков на изделиях «именьковцев» свидетельствуют о поклонении огню и солнцу, а миниатюрные изображения лошадей – о культе коня, что в той или иной степени было свойственно и степным кочевникам (культ коня), и древним балто-славянским племенам (солярные знаки).

Развитое сельское хозяйство, высокоэффективная система землепользования, организованная система обороны способствовали быстрому распространению «именьковцев». К началу VI века они заняли лесостепное Поволжье и Прикамье от правобережья Нижней Камы на севере до Самарского устья на юге, от среднего течения Суры на западе до среднего течения Белой на востоке, стали крупнейшим этнокультурным образованием в регионе и одним из крупнейших в Восточной Европе. В период наивысшего расцвета развития культуры «именьковцев» здесь

существовало около 500 поселений, защищенных системой из примерно 100 укрепленных крепостей-форпостов в долинах Суры, Свияги, а также на обоих берегах Волги и Нижней Камы.

Таким образом, по всем признакам «именьковцы» представляли собой высокоразвитый в экономическом и политическом отношении социум, большой союз племен, появившийся на рубеже разложения первобытнообщинного строя, формирования классового общества и государства.

Победить подобное мощное объединение, уже стоявшее на пороге создания своего государства, а также автохтонные восточные финно-угорские племена болгарам могла помочь консолидация с уже проживавшими здесь группами тюрков и постоянный приток с юго-востока других тюркских племен, знакомство с достижениями развитых цивилизаций и многовековой военной опыт, накопленный в боях с Византией, аварами, кок-тюрьками, хазарами, персами, прочные внутренние связи, обусловленные более развитой военно-государственной организацией и опытом собственной государственности в рамках Великой Болгарии. «Именьковцы» ушли с исторической арены, вероятно, частью погибнув в схватках с болгарами, частью – будучи вытеснены на запад или включены в новый болгарский союз племен, именуемый в историографии «волжско-камскими булгарами».

Регион, который со временем заселили болгары/булгары, во многом совпадает с территорией расселения «именьковских» племен. Болгары/булгары часто селились в захваченных поселениях «именьковцев», использовали их укрепленные объекты как готовые административные центры. Довольно быстрый в историческом масштабе переход кочевых болгар-скотоводов к оседлому земледельческо-пастушескому хозяйству вряд ли мог произойти без помощи и влияния местного, в том числе «именьковского», населения.

Переселение болгар из степей Юго-Восточной Европы в Среднее Поволжье происходило несколькими крупными волнами на протяжении череды столетий, что говорит о долгом сохранении непрерывных связей между волжскими болгарскими племенами и их причерноморско-приазовской родиной.

В научном сообществе не выработано единое мнение о времени начала переселения болгар в Среднее Поволжье. Некоторые ученые считают, что первая волна их миграций произошла в конце VII – первой половине VIII века, и прямо связывают ее с распадом Великой Болгарии хана Кубрата и его вторым сыном Котрагом. Переправившись на правый берег Дона, болгары Котрага позднее, видимо, ушли вдоль Волги дальше на север. Однако ныне известные письменные источники сведений об этом не сохранили. Первая волна болгар-переселенцев освоила зону Самарско-Ульяновского Поволжья, оставив здесь во второй половине VII – первой половине VIII столетия курганные и грунтовые Новинковские и однотипные им могильники. Ученые находят их сходство как с кладом из Малого Перецепина, так и с погребениями в Дунайской Болгарии. К настоящему времени выявлено более 30 приписываемых «ранним булгарам» памятников первой половины VIII века в Самарской Луке. При этом и в погребальном обряде, и в антропологии, и в материальной культуре исследователи отмечают явную полиэтничность и поликультурность пришедших на Волгу племен, оставивших «новинковские» могильники. Их культура вобрала в себя многие традиции кочевнических культур Евразии, но, в то же время, не похожа ни на одну из них. Два разных типа археологических материалов этих могильников четко указывают на две основные этнические группы, вопрос о происхождении которых остается проблемным.

С одной стороны, есть предметы, связанные с районами Подонья, Причерноморья и Северного Кавказа, где проживали как тюркоязычные кочевники, в том числе болгары и хазары, так и ираноязычные аланы. Это указывает на связи болгар со степной полосой от Северного Приазовья до Нижнего Поволжья (хазары), с Северным Кавказом и Подоньем (салтово-маяцкая культура – болгары, аланы, хазары и другие народы Хазарского каганата), Крымом, сармато-аланскими племенами Северного Предкавказья, донскими аланами и свидетельствует о нахождении вновь заселенной территории в орбите влияния Хазарского каганата (вполне возможно, в зоне северных откочетов и значительных перемещений этнических групп, входив-

ших в хазарскую политическую общность). Однако этот юго-западный компонент в материальной культуре «ранних булгар» Среднего Поволжья появляется в регионе не ранее VIII века и представлен не комплексом культуры в целом, а ее отдельными элементами. Это дает возможность предполагать, что районы Северного Кавказа и Причерноморья были зонами присутствия этнических групп, принявших участие в формировании волжских булгар. На базе культур этих же групп впоследствии сложилась салтово-маяцкая культура на Дону, аланская на Кавказе и культура Хазарского каганата в Прикаспии. Отмечены крайне эпизодические связи Среднего Поволжья с аварами.

В то же время, кроме связи с южными районами Восточной Европы, прослеживается, возможно, даже более явная связь населения, оставившего памятники «новинковского» типа, с азиатскими скотоводческими племенами. Его корни, по мнению археологов, уходят на Алтай, имеют довольно тесные аналогии с Сибирью, Тувой, Казахстаном и Средней Азией, что свидетельствует о приходе в Поволжье сибирско-алтайских тюрков или их потомков, связанных с Тюркским каганатом. Характерный для них обряд захоронения был широко распространен среди тюркоязычных скотоводов Западной Сибири и Казахстана. Не связаны ли они с эсегелями, одним из народов, населявшим Волжско-Камскую Булгарию в X веке и относимым к центрально-азиатским племенам, но в отличие от других не упоминаемым ранее как сосед болгар на юге Восточной Европы?

Кроме форм погребального обряда и предметов на 2 разные группы пришлых племен указывает также антропология – расовый полиморфизм в памятниках «новинковского» типа. Он наблюдается даже в пределах одного могильника, когда одновременно с европеоидными встречаются черепа с монголоидными признаками североазиатского типа.

Таким образом, население «новинковского» круга было антропологически смешанным, включало разноэтнические, морфологически разнородные группы. В раннем средневековье часто в военно-политические союзы объединялись и генетически не близкородственные этносы. Вероятно, и на Среднюю Волгу одновременно пришли разнородные тюркоязычные племена, на

что одними из первых указали самарские ученые Риза Багаудинов, Алексей Богачев и Сергей Зубов.

Но не все исследователи признают переселенцев на Среднюю Волгу конца VII – начала VIII столетий булгарами. Есть те (Евгений Казаков и др.), которые считают, что материал «новинковских» памятников, узко локализованных на Самарской Луке, отличен от салтовского и не имеет продолжения в позднейших древностях Волжско-Камской Булгарии. Они находят гораздо больше археологических различий между этой и следующими волнами переселенцев в Среднее Поволжье, а также дунайскими болгарами Аспаруха, чем единичных совпадений. Эти ученые приходят к выводу, что болгары Приазовья VII века и ранние болгары Поволжья VIII–IX столетий, с одной стороны, и кочевники Самарской Луки конца VII – начала VIII веков, с другой, – это абсолютно разные этнокультурные явления. Они начинают болгарскую эпоху в Поволжье и Прикамье только с середины VIII века. Но как бы то ни было, даже если «новинковцы» не являлись болгарами хана Котрага, они принадлежали к тюркским племенам и впоследствии влились в формирующийся волжско-булгарский народ. Этот вывод признан практическими всеми ведущими исследователями проблемы.

Следующая миграционная волна болгар (для одних ученых, соответственно, вторая, для других – первая) с берегов Дона и Кубани на берега Волги поднялась около середины VIII века и докатилась уже не только до современных Самарской и Ульяновской областей, но и зашла гораздо севернее в район слияния Волги и Камы – до территории современного Татарстана, оставив здесь ряд новых могильников, в том числе крупный Болышетарханский.

По всей видимости, подъем этой волны был вызван обострением хазаро-арабского противостояния. Войны между Арабским халифатом и Хазарским каганатом начались в начале 650-х годов, когда арабы в очередной раз заняли Дербент и затем вторглись в земли каганата, осадив его тогдашнюю столицу – город Беленджер. Но хазарам удалось разгромить нападавших. Потерпев под Беленджером сокрушительное поражение, арабы до 706 года не

совершали походы на Северный Кавказ. Воспользовавшись упадком Арабского халифата в 60–70-х годах VII столетия, хазары сами начали наступление на Закавказье. Дальнейшие боевые действия шли с переменным успехом: то арабы захватывали Дербент и вторгались в прикаспийские и северокавказские земли, но, получив отпор, уходили обратно, то хазары, как союзники Византии, уничтожив гарнизоны арабов, разоряли и обкладывали дагию Кавказскую Албанию и Армению.

Подчинение Закавказья халифату завершилось в 733–736 годах. В 733–734 годах в Дербенте арабы построили старейшую в современной России и на всем постсоветском пространстве Джума-мечеть. В 737 году 120-тысячная арабская армия под командованием Марвана ибн Мухаммада, будущего халифа, с отрядами армянских князей-нахараров и «царей гор» (видимо, горских племен), форсировала горные проходы через Дербент и перевал Дарьял, вышла на равнину и штурмом взяла крупнейший хазарский город Самандар. Затем она разгромила армию хазар, после чего прошла по внутренним областям страны, разорив всю Прикаспийскую Хазарию. Целью похода было окончательное решение «хазарской проблемы» в контексте борьбы Византии и Хазарского каганата, с одной стороны, и халифата, с другой, за Кавказ и Малую Азию. Поэтому, не довольствуясь захваченной в Самандаре добычей, армия Марвана направилась к ставке кагана – городу ал-Байда, осадила его и вынудила правителя хазар капитулировать на условиях выплаты контрибуции и принятия ислама. К кагану арабы направили факихов – знатоков богословия и исламского права, чтобы обучить его основам и обрядам мусульманской религии. Затем он вместе с семьей и некоторыми приближенными принял ислам. Наступивший между хазарами и арабами 30-летний период мира способствовал увеличению числа приверженцев ислама среди жителей каганата. В результате, в конце первой половины VIII столетия ислам активно распространяется в Хазарии среди хазар, болгар и иных местных народов. На бывшей территории Хазарского каганата известно около 10 крупных могильников второй половины VIII века и более позднего времени, определяемых археологом Эдуардом Кравченко как мусульманские.

Причем они сконцентрированы в основном вдоль рек Дон и Северский Донец, то есть как раз там, где археологи локализуют болгар, эмигрировавших позднее на Среднюю Волгу.

Более широкое продвижение ислама среди населения каганата началось позже – в середине IX века, о чем свидетельствует появление описаний мусульман и мечетей в хазарской столице городе Итиль. Теперь ислам распространялся в Хазарии уже не столько из Арабского халифата, сколько из Средней Азии – из Хорезма через посредничество купцов, воинов-наемников «ал-ларисия», составлявших гвардию кагана, и других категорий пришлого среднеазиатского населения.

Когда власть халифата при династии Аббасидов ослабла, хазары в 763–765 годах совершили 2 похода в Албанию и Грузию, нанеся ряд поражений арабам, с трудом сумевших оттеснить их. В итоге Закавказье осталось за Арабским халифатом, а его граница с Хазарским каганатом прошла в районе Дербента.

Под арабским натиском часть жителей Хазарии, большинство которых составляли болгары, желая более мирной жизни, были вынуждены уходить на север в сторону Среднего Поволжья. Вероятно, именно в период арабо-хазарских войн, особенно после катастрофического, разорительного поражения 737 года, часть родственных болгарам племен (савиры, баранджары и другие) также переселилась сюда из Предкавказья. Среди них уже могло быть некоторое количество мусульман.

Третья волна переселений болгар в приволжские земли с территории Хазарского каганата прошла во второй половине IX века. Она была связана с провозглашением каганом Обадией в начале IX столетия иудаизма в противовес исламу как официальной государственной религии. Это вызвало возмущение части хазарской знати (движение кабаров) и низов, вылившееся в длительную смуту и ожесточенную гражданскую войну партий ислама и иудаизма, в результате которых Обадия разгромил противников, но и сам погиб вместе с сыновьями. Центральным провинциям каганата был нанесен серьезный ущерб, разрушен ряд крепостей и городов.

В письменных источниках довольно много сведений об иудаизме в Хазарском каганате, в том числе, о принятии иудаизма не только приближенными и рабами кагана, но и князьями и наро-

дом. Однако четких археологических следов иудейской религии в стране, в отличие от ислама, пока не обнаружено. Поэтому можно полагать, что иудаизм исповедовали лишь каган и окружавшая его элита, тогда как ислам был достаточно широко распространен среди рядового населения. Позднее в хазарской столице Итиль сложились иудейская, мусульманская, христианская и языческая общины, каждая из которых располагала культовыми сооружениями – мечетями, синагогами, церквями и капищами.

Активное внедрение иудаизма в среду народов каганата, в том числе болгар, приведшее к религиозной войне, дало толчок новым миграциям на Среднюю Волгу во второй половине IX века. Среди памятников этой волны можно отметить ряд могильников, в том числе Танкеевский в Татарстане, по числу захоронений входящий в число крупнейших раннесредневековых некрополей Восточной Европы. В нем, наряду с языческими, обнаружены и первые в регионе мусульманские захоронения.

Четвертая, по-видимому, последняя, переселенческая волна болгар с Подонья на Среднюю Волгу и Нижнюю Каму случилась в конце IX – начале X столетия, ознаменовав собой завершение раннебулгарского периода. Причиной миграции стало наступление с востока новых тюркоязычных кочевников – печенегов, разгромивших большинство неукрепленных степных поселений и многие города Хазарского каганата, в том числе в Подонье. В результате начался массовый исход болгарского населения по уже проторенным маршрутам из степей Донского бассейна на Дунай, а также в лесостепь (до верхнего Дона) и далее на северо-восток – в Волго-Камье. Эта волна болгарских и родственных им этносов, вероятно, стала последней на территории Восточной Европы.

Существует и точка зрения, предполагающая, что к еще одной волне переселения болгар в последней трети X века привела гибель Хазарского каганата в результате походов древнерусского князя Святослава и вторжений кыпчаков/половцев. Некоторая миграция населения из Подонья и Приазовья в связи с окончательным распадом Хазарского каганата в 960–970-х годах вполне вероятно, о чем писали археологи Евгений Казаков, Петр Старостин, Константин Руденко и др.

Таким образом, в результате перечисленных переселенческих волн не позднее VIII столетия в Волго-Камском регионе появились болгары/булгары. Своей специфической культурой они были близки народам степей Юго-Восточной Европы и населению Хазарского каганата (салтово-маяцкая археологическая культура) – болгарами, аланами, савирами и другими племенами, что свидетельствует об их общих этнокультурных корнях. Большинство средневожских памятников по обряду захоронений и набору вещей идентичны памятникам юго-востока Европы.

Однако, согласно данным археологии, на формирование волжско-булгарского населения кроме переселенцев с юга огромное влияние оказали угорские мигранты с востока. Об этом свидетельствуют элементы погребальной обрядности булгарских некрополей, абсолютно не похожие на салтовскую культуру и чуждые традициям болгар/булгар (самые приметные из них – маски из ткани или кожи с нашитыми серебряными накладками на месте глаз), аналогичные некоторым древневенгерским памятникам на Дунае. Они указывают на соседние угорские (мадьярские/венгерские) племена, в рассматриваемое время кочевавшие в Нижнем Закамье. Памятники угров здесь, в восточной части будущей территории Волжско-Камской Булгарии, имеют истоки в зауральских и западносибирских областях и связаны с самодийскими, угорскими или конкретно мадьярскими этническими группами. К западу от Урала кочевые и полукочевые угры-мадьяры, предки современных венгров, появились из Западной Сибири со второй половины VI века. Нижнее Закамье до левобережья Волги стало западной периферией древневенгерской общности, проникнувшей сюда после «именьковцев» не ранее VII столетия. И не зря в степном Заволжье и на Южном Урале локализуют прародину нынешних венгров – «Magna Hungaria» / «Великую Венгрию», о которой, в частности, говорили и писали европейские монахи XIII столетия Отто, Юлиан и Плато Карпини.

Начиная с IX века угорское влияние на культуру ранних болгар усиливается, так как во второй половине IX – первой четверти X века на Нижнюю Каму и Среднюю Волгу массово про-

никают новые угры (либо угро-тюрки) из Среднего и Южного Урала, а также сопредельных районов Верхней Камы и бассейна реки Чепцы. Появление новых племен, вероятно, было вызвано тем, во второй трети IX столетия печенеги, разгромив мадьяр, стали нападать на урало-прикамское население, которое, в свою очередь, двинулось в Волго-Камье. Затем эти племена переселились в пределы Хазарии, но под давлением печенегов отступили еще дальше на запад к правобережью Днепра, откуда, в конце IX века перешли через Карпаты в Паннонию, заняв территорию современной Венгрии, о чем сообщает Константин Багрянородный. Часть угро-мадьярских племен не ушла с основной массой своих сородичей на запад, оставшись в Поволжье и Закамье войдя в состав населения будущей Волжско-Камской Булгарии. К этому периоду относятся могильники, близкие венгерским языческим захоронениям в Паннонии, расположенные в центральной части территории расселения волжских булгар, в частности, Больше-Тиганский.

Таким образом, заселение Волго-Камья булгарами происходило в тесном взаимодействии с угро-финским камско-уральским населением, которое начало проникать сюда еще в позднеменьковский период. Многие черты культуры обоих народов свидетельствуют о долгом совместном проживании угров-мадьяр с тюрками-булгарами. Они не только тесно контактировали, но и входили в одно этнополитическое объединение, внутри которого в конце VIII – начале X века начала складываться волжско-булгарская народность, шла метисизация тюрков-булгар с прикамским угорским населением. На это указывает Танкеевский могильник IX–X веков, где наряду с предметами салтово-маяцкой культуры, обнаружены типичные для угорского Приуралья предметы. В других крупных могильниках танкеевского типа (большинство таких памятников сконцентрировано на территории между Волгой, Камой и Шешмой, однако, они встречаются и в районах Самарской Луки, и на правом берегу Волги) этот пришлый прикамско-приуральский компонент не уступает и даже в некоторых элементах превосходит болгарский, что демонстрирует многочисленность его носителей. Материалы могильников говорят не только о культурном взаимодействии, но

и о взаимоассимиляции и метисизации. В результате в расово-антропологическом отношении основное население Волжской Булгарии стало относиться к сублапоноидному (субуральскому), то есть смешанному европеоидно-монголоидному типу, с доминированием европеоидности; при этом явно выделялась группа аристократии с четко выраженной монголоидностью.

2 этнокультурные группы, одна из которых восходит к вариантам хазарской культуры Подонья и Приазовья, другая к угорскому, значительно тюркизированному населению из Верхнего Прикамья, Среднего Зауралья и современного Северного Башкортостана, составляли базовую часть местной материальной культуры и в начале X века.

В результате завершающей переселенческой волны из Хазарского каганата рубежа IX–X столетий болгарский (салтовский) компонент в Среднем Поволжье увеличивается и к середине X века становится преобладающим в местных могильниках. Этнокультурная составляющая болгар/булгар на Средней Волге повышается и усиливается их политическое и культурное влияние на полиэтничное волго-камское население. Но, несмотря на доминирование булгар и булгаризацию мигрантов из Прикамья, население ранней Волжско-Камской Булгарии продолжало оставаться неоднородным, здесь проживал конгломерат различных племен.

О сложной этнополитической и социокультурной обстановке, сложившейся в Волго-Камье к рубежу IX–X веков, информируют письменные источники. Кроме собственно булгар («серебряных булгар») они отмечают здесь тюркоязычные племена билер, барсил (берсула), сувар (савир), эсегелей, баранджар (баланджар). Считается, в частности это отметил американский тюрколог Питер Голден, что баранджары и барсилы представляли алано-хазарский, сувары – тюрко-огурский, эсегели – центрально-азиатский компоненты местного населения.

Билеры (бияры, буляры) известны в X–XIV веках только на территории Волжской Булгарии, где они дали название городу и прилегающей области. Около 970 года билерские князья братья Билла (возможно, это эпоним, а билеры – значит «люди Бил-

лы») и Боксу, позднее – вождь Хетени, вместе с частью билер перешли на службу к венгерскому князю Такшоне (947–972), получив важные посты в государственном аппарате, и переселились на выделенную им землю по левому берегу Дуная. Здесь они основали крепость Пешт, позднее с городом Буда составившую столицу Венгрии Будапешт. Можно предположить, что билеры были частично тюркизированными уграми-мадьярами, а родовое подразделение «буляр» в составе современных башкир указывает на их уральские связи. Некоторые средневековые европейские путешественники XIII века, например Плано Карпини и Гильом де Рубрук, в своих описаниях называли «Билером» всю территорию Волжской Булгарии.

Барсил (барсула, берсула) – огузское племя, родственное или тесно связанное с хазарами и болгарами. Оно известно с V века на северо-восточном Кавказе, куда, предположительно, пришло в IV веке вместе с гуннами. Барсилы фиксируются также в VI столетии и в Тюркском каганате. Страну «Барсилию», упоминаемую разными письменными источниками, ученые локализуют в прикаспийских районах современного Северного Дагестана, где в середине VI века барсилы попали под власть Аварского, в конце VI века – Западно-Тюркского, в 30-е годы VII века – Хазарского каганатов. Основываясь на определении одним из источников Барсилиии как «страны алан», некоторые ученые считают барсил сарматами. В середине VII столетия барсилы отмечаются на Нижней Волге, куда они пришли, теснимые хазарами, что может отражать процесс их движения с Кавказа в Среднее Поволжье. Они одними из первых мигрантов заняли центральные земли будущей Волжской Булгарии, именно на их территории позднее возникнет ее столица. Подробно об этом пишет известный археолог Фаяз Хузин.

Огурское племя баранджар (беренджер, баланджар, банаджар, беленджер) также пришло на Северный Кавказ предположительно с гуннами в IV веке. Они упоминаются в арабских источниках, как народ вместе с аланами и абхазами нападавший на Армению, побежденный и завоеванный персами в VI веке. В 630-х годах, освободившись от власти Западно-Тюркского каганата, банаджары/баланджары основали одноименные го-

сударство и город на Терско-Сулакской низменности у побережья Каспийского моря, но практически сразу оказались под властью хазар. В 652/653 году у крепости Беленджер (первая столица Хазарии) произошло первое хазаро-арабское столкновение, закончившееся разгромом арабов. В 722, 732/733 и 737 годах арабы брали Беленджер штурмом и подвергали его разорению, сопровождавшемуся массовым исходом населения. После разгрома 737 года баланджары Северного Кавказа исчезают со страниц источников, объявившись примерно через 150 лет среди болгарских племен на Волге как «баранджары».

Сувары (савиры, сабиры) – один из древнейших народов, известный как сосед праболгар еще в период их жизни в Азии, вынудивший переселиться последних на запад в Европу, а затем в начале VI века и сам заселивший восточное каспийское Предкавказье. Здесь сувары как серьезная военно-политическая сила часто вовлекались Византией и персами (Сасанидский Иран) в борьбу за влияние в регионе. Они воевали с аварами, потом попали под власть Западно-Тюркского каганата и в сферу влияния Хазарского каганата. В прикаспийском Дагестане сувары создали государственное объединение с центрами Сувар, Хейдан и Джидан, которое, по всей видимости под натиском арабов, перенесли в первой половине IX века на Среднюю Волгу.

Происхождение племени эсегелей (аскел, искел) современные исследователи связывают с центрально-азиатским племенем чигилей (ишкилей), кочевавшим у озера Иссык-Куль. Сомнительно мнение об их угро-прикамском или аланском происхождении. На Средней Волге эсегели соседствовали с печенегами и мадьярами, имели схожий образ жизни с булгарами и барсилами.

Вышеупомянутые народы, кроме билер и эсегелей, были соседями болгар в дохазарский период и в составе Хазарского каганата. То, что они проживали рядом с булгарами на юге и одновременно переселялись на север, говорит о наличии между ними тесных этнополитических связей.

Можно предположить, что население Среднего Поволжья и Нижней Камы к концу IX века входило в состав крупных эт-

ноплеменных объединений, среди которых только одно было собственно болгарским, а другие – родственного и иного происхождения. Они часто воевали между собой, объединяясь только против общего врага, для обороны или нападения на соседей, например, буртасов. Это говорит о наличии неких устойчивых этносоциальных и политических связей между племенами. Скорее всего, эти объединения представляли собой надплеменные образования, схожие с древнерусскими «княжениями». В результате военно-политической борьбы во второй половине IX века выделились 3 наиболее сильные из племен – болгары, эсегели и берсула, между которыми развернулась борьба за гегемонию.

До волны переселений конца IX – начала X столетий болгары/ булгары не были доминирующим этнополитическим компонентом народонаселения Среднего Поволжья, который бы подчинить и объединить разрозненные племена в одно государство. Это объясняет тот «странный» факт, почему им, сумевшим в середине VII века создать Великую Болгарию в Северном Причерноморье и в конце VII века – Дунайскую Болгарию, смогли образовать государство в Волго-Камье только лишь через 2 с лишним столетия. Еще одна причина заключается в том, что, переселившись в Среднее Поволжье, болгарские/булгарские племена все еще оставались в политической зависимости от хазарских каганов, о чем прямо писали многие средневековые авторы. Перемещение на Волгу могло быть частью хазарской экспансии на север, а новые освоенные территории – субъектами Хазарского каганата. Прослеживающиеся в археологических памятниках тесные этнокультурные связи тюркского населения Среднего Поволжья и населения Хазарии, сходство их духовной и материальной культур, постоянные миграции позволяют предполагать, что хазаро-болгарское пространство от Кавказа до Камы вплоть до X века было достаточно единым. Власть хазарского кагана, пусть даже номинальная, могла простираться до Верхнего Прикамья. О походах хазар в Среднее Поволжье и Приуралье, в ходе которых они подчинили бы волжско-камских болгар и их соседей, не известно, а значит, эта подчиненность существовала изначально.

Перед тем, как перейти к завершающему разделу нашей книги, повествующему о превращении болгар в мусульманский народ, необходимо уделить внимание хозяйственно-общественной жизни болгарского населения. Климатические условия и ландшафт Среднего Поволжья, особенно холодные снежные зимы, были малопригодны для круглогодичного кочевания. Поэтому при переселении все дальше на север, из степи в лесостепь и зону широколиственных и хвойных лесов племенам приходилось менять уклад с кочевого и полукочевого скотоводства на земледелие, отгонное и пастушеское животноводство. Вероятно, переселенцы волны рубежа IX–X веков в большей степени, нежели предыдущие, относились к оседлому населению. В VIII–IX столетиях волжско-камские болгары сохраняли преимущественно полукочевой образ жизни, лишь зимой спасались от холода в деревянных домах, полуземлянках, а лето проводя на пастбищах в юртах (из-за чего археологи редко находят места их жительства). Но в конце IX века они становятся более оседлыми; появляются постоянные населенные пункты. Сообщения арабоязычных авторов конца IX – начала X века о болгарских селениях, развитии зернового земледелия, а также материалы огромного Танкеевского могильника (более чем 5 тысяч захоронений, совершенных на протяжении длительного времени, что не характерно для кочевников), позволяют считать, что переход болгар к оседлости в основном происходил именно в этот период. Существует также мнение, что появление поселений и городов, распространение пашенного земледелия у волжских болгар произошло только после окончательного распада Хазарского каганата во второй половине X столетия.

Земледелие в новых природно-климатических условиях требовало усовершенствования орудий обработки земли и сбора урожая, суровый климат – замены юртового жилья на срубное, развитие материальной культуры – модификации ремесленных технологий.

Огромную роль в развитии болгарского социума сыграла торговля, в том числе внешняя. Булгары заняли территорию, очень выгодную в геополитическом отношении: в районе слияния двух крупнейших рек Восточной Европы – Волги и Камы,

на самом активном участке Великого Волжского (Балтийско-Волжского, «из варяг в арабы») торгового пути. После того, как арабская экспансия VII–VIII веков затруднила европейцам доступ к Средиземному морю, нарушив их связи с Византией и Ближним Востоком, международной торговле пришлось искать другие пути. Известный с древности Волжский путь начал использоваться активнее, и, удлившись до Балтики, в последней четверти I тысячелетия стал основной магистралью, соединившей Европу и Азию.

Первыми проложили Балтийско-Волжский торговый путь русы – пассионарные воины и торговцы Северной Европы, состоявшие из германоязычных скандинавов и, возможно, славян, балтов и финнов. О широком присутствии русов в Поволжье, именовавших его в своих сагах «Вулгараландом», свидетельствуют и фольклор, и письменные источники, и множественные археологические находки. Это сближает раннюю историю Волжской Булгарии и Новгородско-Киевской Руси.

О торговле европейцев со Средней Азией, Ираном и другими мусульманскими странами говорят отдельные находки и множество кладов восточных серебряных дирхемов, до XI века служивших международной валютой Евразии. Топография их обнаружений, в основном вдоль рек, указывает на места и маршруты торговли, довольно четко очерчивая зону Балтийско-Волжского пути. Письменные источники так же подтверждают, что именно Волга была основным путем притока восточного серебра в Поволжье, Северную Русь, Прибалтику и Скандинавию.

Волга и Кама активно начали использоваться как транспортные пути в VII–VIII столетиях, в конце VIII – IX веках стали основными транспортными артериями, связавшими Европейский Север со Средней Азией, Византией и Ближним Востоком. Великий Волжский путь и сухопутный маршрут восточнее Волги из Хорезма в Булгар, караванный путь Булгар–Киев и Камский (пушной) путь к северным народам являлись своеобразными разветвлениями Великого Шелкового пути, чья огромная роль в системе международных связей Востока и Запада общеизвестна. Ответвлением Волжского торгового пути служил Камский

(Чулманский) торговый путь, простиравшийся вверх по Каме вплоть до бассейна Северной Двины и Печоры (в «страну Вису и Чулман»). Он также отмечен кладами сасанидских и византийских монет и упомянут многими средневековыми авторами, в частности арабами Ибн Фадланом, Абу Хамидом ал-Гарнати, Закарией ал-Казвини, греком Йакутом ар-Руми и другими путешественниками, географами, дипломатами. В IX веке Волжско-Камский торговый путь стал главной магистралью, по которой продукция ремесленников Европы и Азии попадала за Урал, а болгары стали основными торговыми партнерами в натуральном обмене с жителями Предуралья, «областью Ару», племенами вису (вепсы), йура (югра) и иным народами Северной Евразии.

Восточные купцы попадали к болгарам не только по волжской магистрали, но и по степным караванным путям от Хорезма через пустынное плато Устюрт и заволжские степи. О караванах, курсировавших между Булгарией и Хорезмом, свидетельствуют описания этих маршрутов и находки костей верблюдов. Севернее Волжско-Камской Булгарии арабские и среднеазиатские купцы не продвигались, удовлетворяясь богатым местным транзитным рынком, поэтому их торговля с Восточной и Северной Европой практически полностью оказалась под контролем болгар и русов.

Предметы собственно болгарского экспорта X века довольно подробно описаны в источниках, например – у Ибн Руста и ал-Мукаддаси. Среди ассортимента товаров (как транзитных, так и своих), вывозимых из Булгарии в восточные страны через Хазарский каганат, Хорезм и Хиву, упоминаются: кожа особой выделки «ал-булгари», юфть, беличий, бобровый, горностаевый, заячий, куний, лисий и соболиный мех, козьи шкуры, овцы и другой рогатый скот, охотничьи собаки, крупная рыба, белужий клей, «рыбий зуб» (моржовый клык), бобровая струя, воск, янтарь, мед, орехи, лес, оружие и доспехи, а также невольники. Импорт, по данным письменных источников, включал франкские и персидские клинки, византийскую парчу, ткани и ковры из Азербайджана, Армении и Византии, Джурджана и Табаристана в Иране, писчую бумагу из Самарканда. Археологи также

находят множество свидетельств торговли Волжско-Камской Булгарии со Средней Азией (Согдиана, Мерв, Самарканд и Ургенч; с ними велась наиболее активная торговля; проживали среди болгар и среднеазиатские ремесленники.), Ближним Востоком (Иран, Сирия, Йемен, Египет), Византией, Тавридой, Закавказьем, Индией: фаянсовая посуда с люстровой росписью и поливная, хрусталь, сфероконусы, стеклянные сосуды и бусы, украшения и изделия из цветного металла, полудрагоценные самоцветы и изделия из них (бусы, подвески, вставки), браслеты, йеменский сердолик, горный хрусталь, бирюза, лазурит, гранит, халцедон, раковины каури, лампы, каменные котлы и т.д. Остатки амфор и миниатюрных стеклянных флаконов говорят об импорте оливкового масла, вин, парфюмерии, ароматических веществ и лекарств. Большое количество подобных археологических находок демонстрирует масштаб оборота торговли. Торговля с Европой археологически представлена в гораздо меньшем объеме. Булгарский экспорт представлял собой в основном сырье, а импорт – готовые изделия.

Великий Волжский путь имел важное геополитическое и культурно-экономическое значение для многих народов раннесредневековой Центральной Евразии, активно способствовал их контактам, взаимообмену достижениями экономики и культуры, ускоряя социальные процессы. Это дало толчок глобализации и зарождению единого экономического пространства всей Евразии. Волга, притягивая переселенцев из представителей разных народов, стала стержнем, вокруг которого группировались тюркские, финно-угорские и славянские племена. Хорошо знали Волжский путь арабы, персы, евреи, кавказцы, балты, скандинавы, фризы, саксы, западные славяне. То, что они были представителями разных конфессий (язычниками, иудеями, христианами, мусульманами и т.д.), не мешало им тесно сотрудничать. Эти контакты с соседними народами, странами Востока и Запада сыграли огромную роль и в развитии культуры волжско-камских болгар.

Значимость Балтийско-Волжской магистрали в жизни народов Восточной Европы в IX и X столетиях вырисовывается особо отчетливо. Великий Волжский путь стал причиной возникновения международных рынков, новых селений и городов как

многофункциональных (военно-административных, торгово-ремесленных, религиозных) центров, прогрессивного развития синкретической материальной и духовной культуры. В конечном итоге это привело к возникновению двух новых восточно-европейских политических общностей (государств) – Древней Руси (со столицей в Старой Ладогe, затем в Новгороде, позднее в Киеве) и Волжско-Камской Булгарии (со столичными городами Булгар, Биляр, Сувар).

IX–X века характеризуются быстрым ростом населения на занятых булгарами территориях и освоением новых экологических ниш, удобных для ведения оседло-земледельческого хозяйства. Торговля, в том числе транзитная, стимулировала развитие земледелия и ремесла, а рост социальной дифференциации стал толчком для многих внутренних социально-политических процессов.

Великий Волжский путь и караванные маршруты в Хорезм стали источником обогащения булгарской аристократии. Выгода от международной торговли в виде торговых пошлин в размере одной десятой товаров, а также сбыт получаемых в натуральном виде налогов (шкурка соболя с дома и т.п.) и военной добычи от набегов на соседей становятся основным источником доходов булгарских правителей и их окружения, способствуя социальному расслоению общинно-племенной среды. Также внешняя торговля давала возможность знати приобретать необходимые предметы вооружения и роскоши.

Для поддержания стабильности и безопасности торговли была необходима устойчивая и комфортная политическая ситуация, территориально-политическое единство, дававшее контроль над как можно большими участками Волжского пути. Росла также потребность в расширении территорий, с которых можно было получать дань и товары. Эти процессы во многом были аналогичны созданию единого государства Рюриковичей вдоль торгового пути «из варяг в греки».

Усиление в начале X столетия центростремительных процессов среди булгарских и других племен Среднего Поволжья выдвинули на историческую авансцену Центральной Евразии фигуру эльтебера мусульманина Алмуша ибн Шилки (Алмаса ибн

Силки; исламское имя и титул – эмир Джафар ибн Абдаллах), которого можно сравнить по значимости с ханом Кубратом – основателем Великой Болгарии. Термин-соционим «эльтебер» (йылтывар) был присущ тюркским наместникам определенных территорий, не принадлежащим к правящим тюркским родам Ашина либо Дуло и находящимся в вассальной зависимости от каганов (в данном случае от хазарского). Однако выдающийся татарский ученый Шигабутдин Марджани причислял всех болгарских правителей к роду Дуло, а историк Альфред Халиков – к роду Ашина. Марджани также считал, что титул болгарского правителя следует читать как «белеквар», и он, якобы, обозначал «человека, обладающего знаниями».

В первые десятилетия X века Алмуш сумел собрать все население Среднего Поволжья в политическую конфедерацию, подчинив себе 4 «маликов»/«царей» – вождей местных племенных групп (вероятно, баранджар, берсил, сувар и эсегелей), хотя, по свидетельству араба Ибн Фадлана, это подчинение нельзя считать полным. Для сплочения племен по средневековой традиции Алмуш использовал матримониальные связи: был женат на дочери Этрека – вождя дружественных огузов, а дочь выдал замуж за князя подчинявшихся ему эсегелей. В 902/903–908/909 годах от своего имени он впервые начал чеканку болгарских серебряных монет, являвшихся подражаниями чекану дирхемов Саманидов (Самарканд, Чач), что еще раз убедительно подчеркивает тесные связи болгар со странами Центральной Азии. Хотя монеты не получили широкого распространения, так как основным средством расчетов оставались куньи шкурки, но они стали символом статуса и нового государства.

Волжская Булгария Алмуша была типичным раннефеодальным образованием, в котором родственная правителю знать, как единая корпорация, коллективно эксплуатировала зависимое население. Подобные раннесредневековые государства (как Русь Рюриковичей и другие), сплачивая разрозненные племена, устанавливая политические границы и организуя их защиту от внешних врагов, способствовали росту производительных сил региона, созданию единого хозяйственного пространства, расширению внешней экспансии.

Социальной и военной опорой господствующего класса формирующегося феодального государства стал выделившийся дружинный слой профессиональных воинов. Около 7,5% захоронений в могильниках танкеевского типа первой половины X века составляют наиболее богатые погребения вооруженных всадников (дружинников?). Возможно, именно они упоминаются в источниках как «асхабы» («друзья»). Наиболее знатные и влиятельные из них – «куввады» («сотоварищи») являлись представителями центральной власти на местах, возглавляли военные отряды, выполняли важные дипломатические поручения.

Наряду с достижением государственного единства и преодолением этнополитической разобщенности, второй политической задачей, которую стремился решить эльтебер Алмуш, было достижение независимости Булгарии от Хазарского каганата. Изначально Алмуш был одним из вассалов-данников хазарского кагана, признающих верховную власть сюзерена. Его дочь насильно была взята каганом в жены, а сын жил у него в заложниках. Булгары платили дань кагану по собольей шкурке «с дома», поставляли отряды в его войско. В 912/913 году булгары перебили русов, которые бежали от хазар вверх по Волге. Позднее Алмуш обозначил прямое стремление к независимости, отказавшись выдать замуж за хазарского кагана вторую дочь. Это привело к открытому конфликту молодого Булгарского государства с уже терявшим силу Хазарским. Отношения между Алмушем и хазарами перешли в острую стадию. В этой ситуации логичным стало его обращение за помощью и поддержкой (в большей степени моральной) к основному противнику хазар – арабам в лице Багдадского (Аббасидского) халифата. На халифа, как на могущественного союзника-покровителя в борьбе с хазарами, а не правителя Хорезма (хорезмшаха) или саманидского эмира в Бухаре, выбор Алмуша пал, поскольку последние поддерживали с Хазарией тесные партнерские отношения.

В 920 году Алмуш отправил ко двору багдадского халифа ал-Муктадира посольство, желая установить дипломатические отношения с арабами. Возглавлял это посольство болгарский бек Абдаллах ибн Башту ал-Хазар, который был мусульманином, бежавшим из Хазарского каганата. Также, по некоторым

сведениям, в посольство мог входить сын Алмуша ал-Хасан, после Багдада отправившийся в хадж в Мекку. Весной 921 года посольство прибыло в Багдад. Алмуш был хорошо осведомлен о ситуации при дворе халифа и имел здесь определенное лобби – большую помощь его послам оказал гулям (так называли гвардейцев-телохранителей халифа из бывших рабов) Тегин ат-Турки, о котором известно, что раньше он был кузнецом в Хорезме и даже какое-то время служил кузнецом у «царя болгар». При посредничестве последнего Ибн Башту получил аудиенцию у халифа и передал письмо Алмуша с просьбой о присылке мусульманских проповедников для наставления в вере, о помощи в строительстве мечети и установлении законов ислама во всех областях его государства, а также финансовой помощи для сооружения крепости, «чтобы укрепиться в ней от царей, своих противников» и защититься от «поработивших его иудеев».

Миссия увенчалась успехом – в 921 году в Болгарию отправилось ответное арабское посольство, сыгравшее огромную роль в дальнейшей истории болгарской государственности и духовной культуры. Подробнее об этом мы расскажем в следующем разделе.

Таким образом, переход к оседлости, развитие земледелия, ремесел, торговли, появление городов, стремление к единому государству и независимости стали основными тенденциями в болгарском социуме начала X века. В Волжско-Камской Болгарии, как и в других государствах аналогичного уровня, для окончательной консолидации народов, прекращения межплеменных войн, возникла потребность в цементирующей единство новой идеологии, унифицированной, единой надплеменной государственной религиозной системе, не имеющей местных корней.

В такой же обстановке хазарские каганы, например, попытались внедрить культ единого Бога Неба Тенгри. Схожим образом поступили правители других раннефеодальных государств: Дунайской Болгарии, где до хана Бориса I (в крещении – князь Михаил) был установлен культ Вождя-хана, Киевской Руси, в которой князь Владимир I (в крещении – князь Василий) сначала возвеличивал культ Небесного Бога-громовержца Перуна. Очень быстро подобные культы переставали соответствовать

общественным отношениям и на смену им приходили мировые религии. Так, высший слой аристократии Хазарии принял иудаизм (в середине VIII – начале IX века), Дунайская Болгария и Русь – христианство (в 864 и 988 годах соответственно). В Волжской же Булгарии такой консолидирующей, государствоформирующей религией стал ислам...

ОФИЦИАЛЬНОЕ ПРИНЯТИЕ ИСЛАМА ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИЕЙ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

«Воистину, Аллах могучий и великий даровал мне ислам и верховную власть повелителя правоверных, и я – раб Аллаха, и это – дело, которое он возложил на меня, и кто будет мне противиться, того я поражу мечом».

Булгарский эмир Алмуш, 922 год.

Религией ранних волжских булгар, их тюркских соседей и южных их балканских сородичей, было тенгрианство. С ним переплетались культы огня, солнца, воды, предков, коня и другие, со свойственными разным племенам особенностями. Также в раннюю религию булгар из языческой культуры народов Урала и Сибири глубоко проникли представления угро-мадьярского шаманизма. Множественные следы язычества содержатся в археологических, письменных, этнографических, фольклорных материалах. Широко известны святилища-капища древнебулгарского периода: у Билярска (Святой ключ и гора Бальнгуз), Елабуги (у Чертова городища), у деревень Бальмер (Татарстан) и Тигашево (Чувашия). Среди археологических находок встречаются чело-

векоподобные амулеты, идолы, многоликие фигурки. Тенгри почитался как Бог Неба, Солнца, молний и огня, поэтому его культу у болгар характерны лазуритовые (небесно-голубого цвета) подвески, отражающие небесную сущность божества, предметы с солярными и огненными символами (свастиками, ромбами, перекрестиями), изображения «древа жизни», почитание молний и т.д. Булгарский культ воды проявлялся в поклонении родникам, культ мертвых – в поклонении могилам предков; вере в загробный мир, когда погребения, преимущественно мужские, сопровождалась оружием, орудиями труда, одеждой, пищей, частями туши коня, конской сбруей, жертвенными животными; поминальных обрядах и трапезах. Существовал общетюркский культ великана-богатыря Альпа и многие другие. Практиковалось почитание тотемных животных – первопредков и покровителей: наряду с общим для тюрков культом волка (статуэтки всадника на волке, клыки-амулеты), получил распространение культ барса (замки в виде барсов, фигурки барсов с всадниками, печати с их изображениями), имеющий центральноазиатские и кавказские корни (различные виды барсов обитают на Северном Кавказе и в горах Центральной Азии). По одной из версий, барс первоначально был тотемом племени барсил, в дальнейшем став общепулгарским символом-гербом. Нужно отметить, что культ Тенгри относился к так называемому «языческому монотеизму», что облегчило переход его последователей к новой религии.

До переселения на Волгу часть раннебулгарской знати могла быть знакома и с христианством. Его символы – кресты – обнаружены на монетах и вставке из горного хрусталя в одном из курганов новинковского типа в селе Шиловка Ульяновской области. Христианство активно распространялось в Хазарском каганате. В 682 году христианские миссионеры обратили в свою веру алп-эльтебера савир. В начале X века его приняли аланы. Христианские храмы того времени (одни из древнейших на территории Российской Федерации) сохранились на землях потомков болгар – карачаевцев и балкарцев.

Однако гораздо ближе ранние болгары были знакомы с исламом. Как описано выше, некоторые переселенцы из Хазарии на Среднюю Волгу могли исповедовать мусульманскую религию

начиная с середины VIII столетия, либо раньше – со времени первой переселенческой волны конца VII – начала VIII веков. Впоследствии ислам укоренялся в Поволжье через тесные торгово-экономические и культурные связи с мусульманской Средней Азией, посредством приезжавших и живших среди болгар купцов, ремесленников, а также, вероятно, проповедников-факихов.

Булгары исповедовали ислам суннитского толка. О пришествии ислама из Средней Азии (Хорезм, Мавераннахр) свидетельствует то, что булгары следовали распространенному там во времена Саманидов богословскому учению Абу Ханифы (?–767) (ханафитский мазхаб), отличному от мазхабов аш-Шафии и Ханбали (шафиитов и ханбалитов), утвердившихся в Багдаде. Об этом ярко свидетельствует, например, то, что болгарский поэт XIII века Кул Гали во введении поэмы «Кысса-и Йусуф» после Аллаха, Мухаммада и 4 первых «праведных» халифов возносит хвалу именно Абу Ханифе. Отличительными чертами обрядности были: двойное провозглашение икамы (второго после азана призыва к молитве), неупоминание имени халифа в хутбе (пятничном или торжественном богослужении) и др. Менее ортодоксальный, более мягкий, толерантный и лояльный ханафитский мазхаб признавал доисламские обычаи (гореф-гадат), не противоречащие исламу, и проповедовал уважительное отношение к традициям соседних народов. Представляя собой более гибкую и либеральную школу, он, в отличие от шафиитского мазбаха с его жесткими правовыми нормами и меньшей толерантностью к инокультурным мирам, оказался наиболее приемлем для Волжско-Камской Булгарии. Новое вероучение постепенно проникало в общественное сознание, сочетая восприятие шариатской правовой и обрядовой практик с некоторыми старинными традициями и нормами. Достаточно продолжительный период исламизации «снизу», предшествовавший государственному утверждению религии, позволил пройти этому процессу вполне мирно.

Среднеазиатское влияние четко отражено в историческом предании, зафиксированном Йакубом ибн Нугманом в «Истории Булгарии» не позднее начала XII века. Мы узнаем о нем со слов арабского путешественника Абу Хамида ал-Гарнати, который рассказывает о некоем бухарском купце, являвшимся факихом,

владевшим медицинскими знаниями и вылечившим «царя болгар» и его жену от тяжелой болезни с условием перехода в ислам. Исполнив обещанное, царь также смог победить хазар и заключить с ними мир. Предание возникло в близкий к принятию булгарами ислама период и отражает исторические реалии (присутствие купцов из Бухары, конфликт с хазарами).

Гораздо позднее, в XVIII веке, была записана еще одна легенда, согласно которой распространение ислама в Волжско-Камской Булгарии началось с трех человек из числа асхабов (сахабов), то есть ближайших помощников пророка Мухаммада, пришедших к легендарному болгарскому хану Айдару (каких-либо достоверных свидетельств его существования не имеется) в 631 году. Один из асхабов – Абдуррахман ибн Зубейр – вылечил дочь хана от болезни, женился на ней и основал мусульманскую династию болгарских царей. С этой легендой народ и исследователи связывают «родник Габдрахмана» в северо-восточной части Болгарского городища. Появление такой легенды, очевидно, было вызвано желанием удревнить факт приобщения к исламу посредством демонстрации родства со сподвижником пророка. Аналогичным образом христиане ряда стран Восточной Европы считают, что приняли свою религию уже в I веке нашей эры через пришедшего к ним апостола Андрея (Первозванного).

Относительно времени принятия ислама высказывались и иные предположения. Например, татарский историк XIX столетия Шигабутдин Марджани, опираясь на сочинение боснийского ученого XVII века Али Деде, писавшего о принятии волжскими булгарами ислама при халифах-Аббасидах в первой половине IX века, доказывал, что это произошло в результате похода в страну болгар будущего халифа ал-Мамуна из Ургенча в 805 году. Однако какими-либо иными источниками факт такого похода пока не подтверждается.

Первыми археологическими следами проникновения ислама в волжско-булгарскую среду (не позднее второй половины IX столетия) можно считать перстни с арабскими надписями в языческих захоронениях Танкеевского могильника. Погребения в нем в канонической мусульманской позе, ориентированные на запад или северо-запад, говорят о начале активного распространения

ислама среди болгар не позднее конца IX века. Также с этого времени арабские источники отмечают, что эльтебер Алмуш (он сам говорил, что являлся новообращенным, а его отец был неверным) и большинство болгар являлись мусульманами, носили исламскую одежду, имели в селениях мечети и начальные училища, мусульманские кладбища, муэдзинов и имамов. Сохранявшие же язычество должны были повергаться ниц перед мусульманами. Этим источники подтверждают, что ислам сначала распространился среди знати. Уже в начале X века – в 903–908 годах – Алмуш чеканил монеты со своим мусульманским именем Джагфар ибн Абдаллах, с именами халифа ал-Муктафи и саманидского эмира Исмаила ибн Ахмета. Мусульманами были дети Алмуша, и нежелание отдавать своих дочерей за хазарского кагана он мотивировал, в том числе, тем, что тот являлся иудеем.

Таким образом, до прибытия дипломатической миссии багдадского халифа ислам уже успел укорениться среди болгар и народов болгарского круга в Среднем Поволжье. К моменту появления посольства в ставку Алмуша велись регулярные службы (читалась хутба с минбара, провозглашался азан), были хатибы, муэдзины, люди, следившие за правильностью мусульманского погребального обряда. Мусульманами было племя баранджар, возможно, принявшее ислам уже до переселения с Северного Кавказа на Волгу. Но еще не являлись мусульманами эсегели и сувары.

В то же время побывавшим в Волжско-Камской Булгарии арабам (Ибн Фадлан и другие) резко бросались в глаза пережитки языческого мировоззрения, черты первобытного образа жизни, не соответствующие шариату. Алмуш пил хмельной напиток из меда, одновременно произнося хвалу именем Аллаха. Булгары были подвержены различным суевериям, женщины и мужчины совершали совместные купания, мальчики воспитывались дедом, а не отцом, имущество умершего прежде сыновей наследовали его братья, элементы погребального обряда и поминовений имели языческие черты, использовались обрядовые формы придания смерти за преступления и т.д....

Расскажем подробнее об ответном посольстве багдадского халифа ал-Муктадира (о посольстве Алмуша к багдадскому халифу в 920 году смотрите в предыдущем разделе). Оно было

направлено для заключения союза с «великим северным государством булгар и сакалиба» против Хазарского каганата, а также укрепления авторитета халифа и дальнейшего распространения ислама, включения Волжско-Камской Булгарии в орбиту политического и религиозного влияния Багдадского (Аббасидского) халифата. Посольство должно было доставить людей, обучающих основам ислама, и строителей – специалистов в возведении мечетей. Миссию номинально возглавил высокопоставленный чиновник канцелярии халифа Сусан ар-Расси, функцию секретаря исполнял Ахмед ибн Фадлан ибн ал-Аббас ибн Рашид ибн Хаммад. Его развернутый и подробный отчет о посольстве (известен в источниках как «Рисале» («Записка»/«Послание») или «Книга» Ибн Фадлана) был и остается ценнейшим источником по истории булгар и соседних с ними народов Поволжья того периода. Функции Ибн Фадлана были гораздо шире ведения путевых записей: он фактически возглавил посольство, осуществлял переговоры, должен был доставить послание и подарки (одежды, жемчуга, благовония, лекарственные снадобья) халифа Алмушу, его жене, сыновьям, братьям, представителям высшей знати; толковал вопросы исламского вероучения. Посольство сопровождали уже упоминавшийся Текин ат-Тюрки и еще один гулям – Барыс ал-Саклаби (возможно, родом из булгар или барсил), возвращавшийся домой посол Алмуша Абдаллах ибн Башту ал-Хазар, охрана, слуги, а также факихи и муаллимы – знатоки и учителя мусульманского права и основ вероучения.

Посольство выехало из Багдада 21 июня 921 года. Примкнув к купеческим караванам со многими опасностями и перипетиями в обход Хазарского каганата через Северный Иран и Туркменистан (Рей, Табаристан, Нишапур, Нихраван, Хулван, Хамадан, Дамган, Сарахс, Мерв, Байканд) оно прибыло в государство Саманидов и его столицу Бухару. Здесь оно должно было получить у эмира Наср ибн Ахмеда «Удачливого» за выморочное поместье халифа солидную сумму в 4 тысячи золотых динаров (для Алмуша и выплаты жалования членам посольства. Но эмир не дал денег, поставив осуществление дипломатического мероприятия под угрозу: большинство арабов, включая всех вероучителей, богословов и правоведов отказалось продолжить путь. Только

Ибн Фадлан, фактически ставший главой делегации, поддерживавшие его Текин ат-Тюрки и Барс ал-Саклаби твердо стремились довести миссию до конца. Осенью 921 года поредевший состав посольства, проплыв вниз по Амударье, достигло Хорезма. Хорезмшах Мухаммад ибн Ирак в своей столице Кысе приветливо принял путешественников, но попытался не пропустить их дальше на север, поскольку был недоволен обращением правителя болгар к халифу, а не эмиру Хорасана (Восточного Ирана и Средней Азии). По его мнению, именно этому эмиру гораздо разумнее было бы взять на себя распространение ислама среди северных народов, как более близких к нему, чем к резиденции халифа в Багдаде.

Перезимовав в городе Гургандж (Джурджания, Старый Ургенч), в начале марта 922 года багдадское посольство вместе с купеческим караваном из нескольких тысяч человек двинулось дальше на север степным караванным путем от Хорезма через Южное Приаралье, через пустынное плато Устюрт между Аральским и Каспийским морями, заволжские степи, по которому велась основная торговля с Поволжьем. В ходе трудного путешествия оно побывало в землях разных тюркских племен, с вождями которых Ибн Фадлан пытался установить дипломатические связи и распространить среди них ислам. На пути посольства были реки Урал, Самара, Кинель, Сок, Кундурча, Большой Черемшан. Наконец, через 70 дней после выезда из Гурганджа в воскресенье 12 мая 922 года (12 мухаррама 301 года по хиджре) оно прибыло в ставку Алмуша. Торжественная церемония встречи сначала четырьмя маликами («царями»), подвластными Алмушу, его братьями, сыновьями, а затем и самим эльтебером подчеркивала важное значение, придаваемое миссии багдадского халифа.

Через несколько дней состоялось событие, которое принято считать ознаменованием утверждения ислама в качестве официальной религии Волжской Булгарии. В своей ставке, находившейся в 5 километрах от Волги у 3-х озер в месте под названием Хеллече (предположительно это район современного села Три Озера Спасского района Татарстана, «хеллече» можно перевести как «зимовье», то есть в данном случае – место пребывания Алмуша в холодное время года), для проведения официального ме-

роприятия принятия ислама Алмуш собрал большой курултай. После прибытия багдадского посольства сюда стала съезжаться знать Волжско-Камской Булгарии: «цари» (малики), предводители и представители разных племен. Ставка Алмуша превратилась в огромный лагерь из множества юрт.

В назначенный день (в 2010 году законом Республики Татарстан как государственная памятная дата «День официально принятого ислама Волжской Булгарией» было установлено 21 мая) после восхода солнца послы халифа развернули торжественные стяги, оседлали коня присланным в подарок Алмушу драгоценным седлом (символ власти), облачили его самого в специальное торжественное черное одеяние аббасидских вельмож «савад» и тюрбан. Процедурой руководил посол Сусан ар-Расси. Затем Алмуш и все присутствующие стоя заслушали зачитанное Ибн Фадланом пространное послание халифа ал-Муктадира (дословно было переведено толмачом), после чего раздался возглас «Аллах велик!», настолько многоголосый и громкий, что от него «содрогнулась земля». Были зачитаны 2 приветственных письма от других высших сановников халифата. Приближенные осыпали Алмуша множеством серебряных дирхемов. Ему и его супруге были вручены подарки халифа. День завершился по болгарским традициям пиром во «вмещающей тысячу людей» юрте Алмуша (сидевшем на троне, покрытом византийской парчой), с участием послов, «царей» и сыновей эльтебера. После этого Алмуш/Джафар признал над собою «верховную власть повелителя правоверных» и стал официально именовать себя «рабом Аллаха, повелителем болгар, клиентом повелителя правоверных».

В последующие дни Ибн Фадлан вел активную религиозно-просветительскую деятельность: наставлял Алмуша в вопросах веры, хатиба – как правильно читать хутбу. Он указал на необходимость замены двойной икамы на одну, обсуждал проблему совпадения ночного и рассветного азанов из-за очень короткой летней ночи, обратил в ислам семью язычников и тому подобное.

Примерно в конце июня – начале июля 922 года произошел эпизод, который часто трактуют как завершение официальной исламизации болгарских племен. Алмуш на 2 месяца перенес свою ставку с Хеллече севернее – на реку Джашуир (скорее все-

го, современный Малый Черемшан). Он потребовал, чтобы сюда же перекочевали сувары и эсегели, предположительно, для всенародного оглашения принятия ислама. При этом в источнике не упоминаются баранджары, поскольку они уже были мусульманами, и барсилы, вероятно, добровольно согласившиеся на перекочевку.

Сувары не подчинились приказу Алмуша (не исключено, что их выступление было инспирировано хазарами). Но после угрозы «карой мечом» они раскололись: одна часть покорилась и вместе с эсегелями прибыла к эльтеберу, другая во главе с вождем Вырыгом отказалась. В дальнейшем, вероятно, последние могли переселиться на правый берег Волги (кстати, именно на правом и левом берегах реки друг напротив друга поместил сувар и болгар на своей карте Махмуд Кашгари, тюркский ученый XI века), где сохранили язычество, а оставшиеся составили основу мусульманского Суварского эмирата и со временем полностью слились с булгарами. Последнее обстоятельство может свидетельствовать о том, что сувары не хотели принимать ислам именно по велению Алмуша, чтобы сделать это самостоятельно.

Таким образом, значительная часть болгарского населения, в основном знати, уже была мусульманами к 922 году. Большая часть приняла ислам добровольно в 922 году, остальные – под угрозой применения силы. Небольшая отказавшаяся сменить религию часть населения переселилась на запад. Таков был основной итог связанной с посольством Ибн Фадлана религиозной реформы Алмуша. Особо отметим, что 922 год стал не началом, а завершением принятия ислама в Волжско-Камской Булгарии, придания ему статуса официальной, государственной религии, поскольку к этому времени ислам уже пустил глубокие корни в среде местного населения, а большая часть элиты была заинтересована в новой религии, как объединяющем факторе.

Не все задуманное посольству Ибн Фадлана удалось осуществить. Отсутствие денежной помощи, неприезд специалистов для строительства крепости и мечети, учителей религии вызвали противоречия между Алмушем и багдадским посольством. Алмуш на словах выказывал почитание халифа, но союз с халифатом не получил наполнения содержанием. Главным камнем

преткновения стал вопрос о 4 тысячах динаров: их отсутствие вызвало гнев Алмуша, обвинившего послов в обмане и его, и самого халифа. В результате конфликта он приказал вновь удвоить икаму, тем самым отказавшись принять официальные шафиитский или ханбалитский мазхабы Багдадского халифата, оставшись сторонником ханафизма (этот шаг был продиктован и мнением населения Волжской Булгарии, в среде которого уже укоренилась среднеазиатская ханафитская форма ислама).

Также прибытие багдадского посольства в Волжско-Камскую Булгарию существенно обострило болгаро-хазарские отношения. Недовольный каган стал угрожать Алмушу войной, возможно, даже мог предпринять военную экспедицию. Как раз во время нахождения посольства Ибн Фадлана в Булгарии он приказал разрушить минарет и казнить муэдзинов в своей столице, мотивируя это ответом на якобы разрушение синагоги где-то в Иране. Вряд ли это было случайностью. Алмуш же, не получив материальной поддержки от багдадского халифа, уже не стремился к обострению противостояния с Хазарским каганатом. Поэтому, проведя несколько месяцев при ставке Алмуша, осенью 922 года посольство покинуло Волжскую Булгарию и весной следующего года вернулось в Багдад.

Несмотря на частичный провал миссии под руководством Ибн Фадлана, ее значение было огромно. Главным результатом явилось окончательное признание в Волжско-Камской Булгарии ислама, как доминирующей государственной религии, что дало мощный импульс его дальнейшему распространению. Анализ местных некрополей приводит к выводу, что мусульманская погребальная обрядность в центре страны полностью побеждает в первой половине X века, а в отдаленных регионах – во второй половине X – начале XI века. Исламизация болгар продолжалась несколько поколений (фактически более полувека), о чем свидетельствуют смешанные семейные захоронения с языческим и мусульманским обрядами на Танкеевском и других могильниках.

Как установила Елена Халикова, в XI столетии среди болгар повсеместно утвердился погребальный обряд по мусульманским канонам: в прямоугольных могилах, в деревянном гробу, с положением тела на спине головой по направлению к Каабе, без како-

го-либо сопровождающего инвентаря. К этому времени прекращают функционировать языческие некрополи. На территории Волжской Булгарии не известно ни одного языческого могильника XI и последующих веков при множестве мусульманских городских и сельских кладбищ. Другим доказательством всеобщей исламизации булгар является практически полное отсутствие в археологическом остеологическом материале поселений костей запретной для мусульман свиньи.

Таким образом, Волжско-Камская Булгария стала мусульманским государством. Однако официальное принятие ислама не привело к полному исчезновению языческих традиций. Наложившись на местные религиозные представления, ислам полностью не вытеснил доисламские представления полностью из массового сознания, в котором осталось место разнообразным сверхъестественным существам, духам, колдунам и т.д. Это породило выраженную мистическую сущность поволжского ислама, сохранявшуюся, несмотря на борьбу с ним официального духовенства. Элементы языческих тюркских культов ушли в сферу народных суеверий. А Тэнре (Тенгри) стал одной из форм обращения к Богу и синонимом слова Аллах и использовался в этом значении в болгарских надгробных эпитафиях XIII–XIV веков, а также в поэме Кул Гали «Кысса-и Йусуф» 1233 года.

Доисламские традиции долго и отчетливо проявлялись и в декоративно-прикладном искусстве, где преобладал «звериный стиль», не соответствующий мусульманским канонам: зооморфная и антропоморфная микропластика, изображения крылатых барсов, грифонов, львов, чудовищ, сосуды, украшенные носиками и ручками в виде голов коня, барана, собаки, лося, медведя, утки и прочего.

В вопросе о сохранении элементов язычества у булгар в научной среде продолжают дискуссии. Они связаны и с вопросом о религии сувар – предков чувашей, до Нового времени остававшихся язычниками, а также народов финно-угорской периферии Волжской Булгарии. В качестве примера исследователи приводят, в частности, могильник Кожаевского археологического комплекса в 40 км к северо-востоку от города Булгар, датируемый XI–XIV столетиями, при раскопках которого были обнаружены

амулеты и свыше 170 захоронений по мусульманскому обряду, но с языческими элементами (жертвенные ямы, поминальные костры над могилами и т.д.). На наш взгляд мнение некоторых ученых о «двоеверии» и «полуязычестве» в Булгарии является явным преувеличением. Тем более не имеет под собой какой-либо реальной основы отнесение массовой исламизации булгар ко времени Золотой Орды либо даже Казанского ханства.

Наряду с религиозными официальное принятие ислама вызвало серьезные внутри- и внешнеполитические последствия. Алмуш использовал религию для дальнейшего упрочения своей власти, признанной самим могущественным халифом, потомком родственников пророка Мухаммада, что давало ему божественное право на нее, в глазах подданных ставило выше племенных вождей: «Воистину, Аллах могучий и великий даровал мне ислам и верховную власть повелителя правоверных, и я – раб Аллаха, и это – дело, которое он возложил на меня, и кто будет мне противиться, того я поражу мечом». Отныне тюркский титул эльтебер, означавший зависимого от кагана правителя, был заменен арабским «эмир» – то есть повелитель, стоящий на следующей ступени после халифа.

В 930–940-е годы, после смерти сына и наследника Алмуша Микаила ибн Джафара, Волжская Булгария распалась на 2 государственных образования с чеканкой собственных монет и своей административной структурой: Булгарский и Суварский эмираты. Согласно данным нумизматики выделяется суварская (948–976 годов) династия Ахмедидов – сыновей Ахмеда ибн Джафара и внуков Алмуша: Талиб ибн Ахмад, Мумин ибн Ахмад, возможно – Наср ибн Ахмад. Арабские источники середины X века упоминают 2 крупных города – Булгар и Сувар, особо подчеркивая, что в обоих есть мечети и живут «воители за веру»; примечательно, что в нижневолжском городе Саксине выходцы из Булгара и Суvara имели собственных эмиров и отдельные махалли с мечетями.

Принятие ислама способствовало достижению независимости от Хазарского каганата. С ростом экономического и политического влияния эмираты постепенно добились самостоятельности. Они формально оставались под властью хазарских

каганов, но перестали платить дань, запретили хазарским купцам беспощинную торговлю на болгарских рынках. С остатками номинальной зависимости было покончено после того, как в 965 году войска древнерусского князя Святослава Игоревича разгромили хазар, что в итоге привело к краху Хазарского каганата.

Вскоре была ликвидирована самостоятельность Суварского эмирата. Эмир Мумин ибн Хасан с 976 года стал чеканить монеты исключительно в Булгаре, а значит Булгарский и Суварский эмираты объединились. Сувар, вероятно, остался вилайетом – административно-территориальной единицей. Завершение объединения страны также ознаменовалось эмиграцией в Венгрию части билярской знати, о чем мы писали выше. В итоге в последней четверти X столетия Волжско-Камская Булгария окончательно превратилась в единое и независимое государство.

Официальное принятие ислама укрепило центральную власть и общегосударственные институты, помогло окончательно преодолеть разобщенность племен и завершить политическую консолидацию. Созданная эффективная военно-административная система позволила болгарам выдержать напор укрепляющегося Древнерусского государства, подтвердить свой авторитет на международной арене равноправным договором о мире с киевским князем Владимиром Святославичем в 985 году, противостоять русским походам XII–XIII веков. Борясь за сферы влияния в Среднем Поволжье, Поочье, Верхнем Прикамье и Вятке, болгары в XI–XIII столетиях сами совершали нападения на русские города Муром, Суздаль, Ярославль, Устюг. В XI–XII веках они отразили ряд набегов кочевых кыпчаков и йемеков из южно-уральских и заволжских степей.

Живя в окружении языческих и немусульманских народов, болгары стали воспринимать себя форпостом исламского мира, потомками легендарного Искандера Зу-л-Карнайна (коранический аналог Александра Македонского, болгарский историк Йакуб ибн Нугман приписывал ему основание Булгара) и защитниками его «стены», ограждающей мусульманский мир от страшных варварских народов Йаджудж и Маджудж на границе

«Моря Мраков». Булгарское миссионерство проявилось, например, в отправке проповедников к князю Владимиру, выбиравшему религию для Руси в 988 году, в том, что под влиянием болгар в 1043 году часть кыпчаков приняла ислам.

Усилившееся Булгарское государство стало вести внешнюю экспансию, войны и походы на соседей под лозунгом борьбы за ислам, обосновывая их как джихад/священную войну с неверными, о чем сообщает путешественник ал-Гарнати. Примерно в конце X века болгары побеждают и подчиняют буртас в Посурье, в ходе войн и походов обращают в вассалов и данников древнемарийские, мордовские и пермские племена, далекие северные финно-угорские народы вису (весь, вепсы) и йура (югра, угра). В результате Волжская Булгария расширила свою территорию и превратилась в одно из крупнейших средневековых государств Восточной Европы. Согласно письменным источникам и археологического картографирования около 180 городищ, 800 селищ, сотен местонахождений и могильников, оно охватывало Среднее Поволжье и Приуралье в пределах современной Республики Татарстан, восточной и юго-восточной части Чувашской Республики, Пензенской, Ульяновской и Самарской областей: от реки Казанка на севере до Самарской Луки на юге, от реки Сура на западе до низовий рек Белая и Урал на востоке. Наибольшая плотность жителей была в Закамье, а юго-восточная периферия вплоть до реки Урал использовалась как сезонные отгонные пастбища полуседлой части. Поселения-фактории со значительным (в том числе преобладающим) болгарским материалом обнаружены на финно-угорских землях в Мордовии и Пермском крае. В конце XI – XII веке в бассейне реки Сура отдельные основанные мордвой селения превратились в болгарские. Мордва-эрзя, скорее всего, были союзниками болгар, в то время как мордва-мокша – их противниками, тяготевая к Руси.

Восточные и русские письменные источники вкупе с археологическими данными зафиксировали существование колоний выходцев из Булгара и Суvara в городах Итиль и Саксин, локализуя большой анклав болгарского населения на Нижней Волге (современная Астраханская область). Также в Волго-Камье проникали и ассимилировались булгарами группы соседнего угорского и тюркского населения.

Обмен посольствами между Булгарией и Багдадским халифатом в 920–922 годах способствовал международному признанию молодого мусульманского государства. Восточные дипломаты, купцы, путешественники, географы стали пристальнее наблюдать за процессами в Северо-Восточной Европе, где на Средней Волге и Нижней Каме появилось самое северное ответвление исламской ойкумены. Волжско-Камская Булгария окончательно закрепилась на политической карте Евразии. После падения Хазарского каганата современное Каспийское море стало вместо «Хазарского» именоваться «Булгарским». Ни один географический источник больше не обходился без упоминания болгар. Данные о них дополнялись по мере превращения Булгарии в крупное государство средневековья.

О прочном вхождении волжских болгар в семью мусульманских народов свидетельствует то, что в 1024/1025 году болгарский эмир Абу Исхак Ибрагим ибн Мухаммад отправил деньги и драгоценные подарки правителю Хорасана (Восточный Иран) на строительство мечетей в городах Себзевар и Хосровджерд. Со временем болгары отошли от традиции не произносить имя халифа в хутбе.

Пожалуй, самое большое значение официального принятия ислама заключается в появлении в Волжской Булгарии материальной и духовной культур в современном их понимании. В материальной культуре наиболее ярким проявлением стало возникновение городов и развитие традиций восточного градостроительства и монументальной архитектуры.

Первый, согласно археологическим исследованиям, в Волжской Булгарии город Биляр (Булгар, Великий город) с мощными укреплениями возник не позднее первой четверти X столетия. Он был заложен на реке Малый Черемшан, возможно в том самом месте, где Алмуш собирал свои племена летом 922 года. По сути, город возник вокруг Соборной мечети, сохранившиеся остатки которой огромной площадью около 2,5 тысяч квадратных метров поражают воображение и сегодня. Сначала после 922 года здесь была построена деревянная мечеть размером примерно 45 на 30 метров с архитектурно-пространственной структурой по образцу арабских многоколонных мечетей. В середине X столетия

к ней пристроили каменную длиной 40 и шириной 30 метров с 24 внутренними колоннами и отдельным высоким сужающимся к верху башнеобразным минаретом на кубовидном основании. Во втором здании были использованы формы и конструктивные приемы ближневосточных и среднеазиатских каменных сооружений. Эта мечеть – первое монументальное каменное мусульманское культовое сооружение и самое раннее известное каменное строение в Волго-Камье. Не позже 930-х годов, по сведениям восточных авторов, возник город Сувар, и его центром также была Соборная мечеть.

Основы болгарского монументального зодчества складывались в X–XI столетиях под сильным влиянием традиций Ближнего Востока и Средней Азии, при непосредственном участии приезжавших оттуда мастеров. Об этом говорят типичные для мусульманской городской архитектуры черты и высокий для того времени технический уровень строительства: распространение каменных и кирпичных общественных зданий восточного типа (мечети, мавзолеи-тюрбе, караван-сарай, общественные бани-хаммамы); лаконичные, практически лишенные декора фасады и интерьеры; элементы благоустройства, водоснабжения, водоотведения и отопления подпольной системой керамических труб; крупномерный кирпич, применение глиняных, известковых и алебастровых растворов и др.

Биляр и Сувар стали первыми городами Волжской Булгарии. Всего же в домонгольский период возникло до 35 городских поселений. Булгария превратилась в «страну городов» с высокоразвитой городской культурой, множеством ремесел, декоративно-прикладным изобразительным искусством, которые также перенимались от специалистов из Средней Азии и других мусульманских стран. В городах выработалось наддиалектное койне (на основе различных местных племенных диалектов языка кыпчако-огузского типа) – прообраз общеполгарского языка, на основе которого под влиянием среднеазиатских (карханидских) традиций зародился болгарский литературный язык.

Мощный толчок развитию духовной культуры Волжско-Камской Булгарии дал переход на письменность на основе арабского

алфавита (известно, что до него и даже параллельно с ним вплоть до XII века болгары знали и использовали древнетюркские руны, обнаруженные на оружии, серебряной и глиняной посуде, каменных плитках, пряслицах). На базе арабской письменности складывается система просвещения, включая низшие школы, где учили писать и читать. Образование распространилось среди широких масс болгар: ремесленники писали на своих изделиях имена, пожелания, религиозные изречения, суры из Корана. В медресе крупных городов готовили мударрисов, имамов, шариатских судей-кади, кроме религии преподавали и светские дисциплины: математику, географию, историю, астрономию. Изучение арабского языка и фарси – международных языков средневековой культуры – дало возможность болгарам познакомиться с достижениями арабской, персидской, тюркской литературы и науки, благодаря чему в Волжской Булгарии получили широкое распространение научно-философские и литературно-художественные идеи Востока.

Принятие ислама ввело Волжскую Булгарию в круг сплошного исламского цивилизационного пространства, где происходило свободное перемещение ученых и деятелей культуры. Это позволило уроженцам Булгарии получать высшее образование в Самарканде, Бухаре, Нишапуре, Балхе, Мерве, Газне, Мосуле, Багдаде. Со временем медресе в самой столице Волжской Булгарии превратилось в один из научно-образовательных центров; известно о выходце из Ирака, после обучения в Булгаре жившем и трудившимся в Анатолии и Сирии. Универсальность средневековых восточных ученых стала характерна и для ученых Булгарии, которые писали научные труды по образцу сочинений своих учителей, составляли комментарии к ним, распространяли их научные идеи. Начиная со второй половины X века, мыслители болгарского происхождения сами создали ряд трудов на арабском языке по богословию, логике, философии, медицине, фармакологии, юриспруденции, истории, ставших широко известными в мусульманских странах, прославив тем самым свои имена с нисбами ал-Булгари и ас-Суvari. Назовем основных из них, ставших известными во многом благодаря работам Гамирзяна Давлетшина.

Живший на территории современного Афганистана во второй половине X – начале XI веков Ходжа Ахмад ал-Булгари был знаменит как шейх, факих, знаток канонов шариата, лекарь, автор сочинений по мусульманскому праву «ал-Джамиг» («Всеобъемлющий»), «Фаваид ал-Джаварих» («Полезные сущности»), «Тарика Быргырия» («Булгарский путь»). Он обучал Махмуда Газневи – падишаха государства Газневидов, включавшего земли Афганистана, части Ирана, Индии и Средней Азии. Об Ходже Ахмад ал-Булгари слагались легенды, его цитировали многие богословы, воспевали поэты.

Йакуб ибн Нугман (вторая половина XI – первая половина XII веков) был учеником и последователем известного мусульманского богослова-шафия ал-Джувейни, преподававшего в медресе «Низамия» города Нишапур в Хорасане, стал кади (шариатским судьей) Булгара, суфием, автором либо переписчиком сочинения «Таварих-и Булгария» («История Булгарии»).

Кади Булгара Абу-л-Аля Хамид ибн Идрис ал-Булгари (современник Йакуба ибн Нугмана) также получил образование у ученых в Нишапуре, Бухаре и Насафе, преподавал хадисы в их интерпретации. Он придерживался центральноазиатского суфийского тариката Ахмада Ясави, считался «шейхом имамов», написал ряд религиозно-дидактических и философских работ. Его перу принадлежат труды по медицине, в которых содержатся представления об основах эмбриологии. Этому ученому наградили такими эпитетами, как «солнце шариата», «покоритель ереси», «оживляющий душу», «украшение прославляющих бога», «венец толкователей Корана», «помощь народу».

Один из учеников Абу-л-Аля Хамида ибн Идриса ал-Булгари шейх – Сулейман ибн Дауд ас-Саксини ас-Сувари – подробно изложил взгляды учителя и свои в дидактическо-художественных произведениях «Бахджат ал-анвар мин хакикат ал-асрар» («Блеск лучей от истины тайн»), «Нузхат ал-кулуб ал-мираз» («Отрада страждущих сердец»), «Зухрат ар-рийаз ва нузхат ал-кулуб ал-мираз» («Цветы сада, отрада страждущих сердец»), цитировавшихся многими учеными и богословами вплоть до XX столетия.

В XII веке в Булгаре жил ученый-энциклопедист, богослов, ритор и медик шейх Бурхан ад-дин Ибрагим ибн Йусуф ал-Бул-

гари, написавший трактаты «Рисалеи Борханихе» («Записки Бурхан ад-дина»), «О простых лекарствах», комментарии «Хашийяте «Адаб» ал-моназарет» («Пояснение к спорам о сочинении «Адаб») к произведению Шамс ад-дина Мухаммада ибн Ашрафа ал-Хасани «Рисалете фи Адаб ал-бехес», «Фосул ен-Несефи фи гыйльмил жедел» («Достижения ан-Насафи в науке диалектике»), ставшие популярными во многих мусульманских странах.

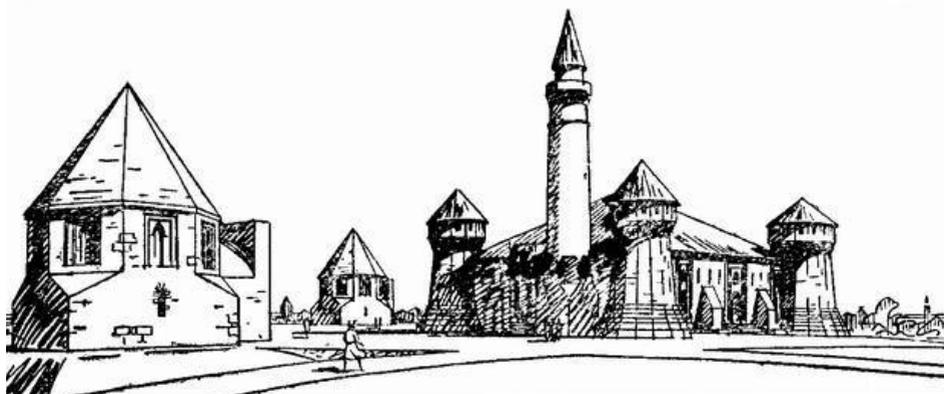
В начале XIII века в городе Мосул (современный Ирак) жили братья Тадж ад-дин и Хасан ибн Йунус ал-Булгари. Тадж ад-дин был врачом и специалистом в фармакогнозии. В своем трактате «Ат-тирйак ал-кабир» («Большой тирйак» или «Большое противоядие») он изложил рецепт приготовления универсального сложносоставного лекарства «тирйак» и рекомендации к его применению. Этот трактат по просьбе известного врача Бадр ад-дина Махмуда ибн Усмана ат-Тифлиси в 1200–1221 годах в Мосуле переписал брат Тадж ад-дина Хасан. Рекомендации Тадж ад-дина ал-Булгари использовались и в более поздние времена. Другой его труд «Фи-л-ад-вийател-мэфридат» («Исцеляющие возможности лекарственных трав – простых лекарств») также вызвал большой интерес у специалистов того времени, причем одни подвергли его критике, а другие выступили в защиту. Третий труд Тадж ад-дина «Мухтасар фи марифат ал-адвийа» также был посвящен простым лекарствам. Тадж ад-дина называли «любимцем царей и султанов», что намекает на его принадлежность к элитарному кругу врачей при дворе халифов. Сегодня труды ученого хранятся в библиотеке Иранского меджлиса вместе с трудами Абу Али ибн Сины и других выдающихся медиков, а также в городе Манис в Турции.

Своеобразным итогом развития мусульманской культуры в эпоху Волжской Булгарии можно считать гениальную поэму «Кысса-и Йусуф» («Сказание о Йусуфе») Кул Гали, законченную в 1223 году. Она была создана по классическому сюжету из Ветхого Завета и Корана. Это одно из первых сочинений на тюркском языке и первое поэтическое произведение тюрков Восточной Европы, великий памятник средневековой тюркской литературы, ставший высочайшим достижением письменности Волжской

Булгарии. Автор удачно соединил здесь древнетюркское фольклорно-эпическое наследие и богатую литературную традицию великих арабско-персидских поэтов и богословов. В дальнейшем поэма «Кысса-и Йусуф» получила широкое распространение в рукописных списках (их известно около 300, переписывались до середины XX века), многочисленных подражаниях, устных пересказах, став частью фольклора. Она сыграла огромную роль в формировании татарского литературного языка и татарской литературы, а также чувашской, башкирской, казахской, узбекской, туркменской литератур, формировании духовно-этических основ тюркских народов...

Как известно, цивилизацию от варварства отличают наличие государства, городов, как центров экономической и культурной жизни, классового общества, развитие земледелия и ремесел, торговли и денежного обращения, письменности, разделение умственного и физического труда. Эти признаки в полной мере относятся к Волжско-Камской Булгарии. Она обладала огромной территорией, развитым государственным аппаратом, военной мощью, широким международным признанием, многоукладной экономикой, богатой культурой. Высокий уровень развития единого комплекса уникальных политических, хозяйственных, культурных и социальных институтов позволяет говорить о зарождении и продолжительном существовании особой «Булгарской цивилизации» как локальной и устойчивой целостной общественной системы. Волжско-Камская Булгария сыграла огромную цивилизующую роль для всех вошедших в нее племен и народов.

Таким образом, принятие булгарами ислама привело к возникновению Булгарской цивилизации как неотъемлемой части средневековой мусульманской цивилизации, с одной стороны, и зарождающегося евразийской, с другой. Волжско-Камская Булгария стала своеобразным «мостом» между ними.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многовековой, наполненный грандиозными событиями исторический путь привел болгар на Среднюю Волгу, где к началу X века они создали новое государство (Волжско-Камскую Булгарию) и в 922 году приняли ислам как государственную религию. Заменяя собой племенные варианты тенгрианства, ислам духовно сплотил людей, соединил разнородные элементы в более монолитную этнополитическую общность. Под влиянием единой религии произошла политическая консолидация племен, сформировались общий язык, общая и во многом уникальная культура. В итоге уже к концу X столетия местные племенные названия исчезают и перестают упоминаться в источниках (как когда-то и в Великой Болгарии), растворяясь в объединяющем всех этнополитониме «болгары/булгары».

Ислам изменил культурный код общественной и частной жизни населения Волжской Булгарии, привнеся многие свои атрибуты в политическую, экономическую, социальную системы, а также в образ жизни булгар. В соответствии с предписаниями Корана и шариата изменились хозяйственные принципы, феодальные отношения, система власти, судебно-правовая система, титулы и имена, ритуалы, семья, быт и повседневность, нормы морали.

Принятие ислама трансформировало воззрения людей на окружающий мир, на взаимоотношения с властью, приобщило Волжскую Булгарию к достижениям не только мусульманской, но и античной и восточной цивилизаций, сделало ее северной границей мира мусульманской уммы. Но при этом надо признать, что не все ортодоксальные исламские принципы теократической политической системы, экономического перераспределения общественного продукта и другого получили здесь распространение.

Переход к той или иной монотеистической религии всегда носит рациональный, исторически обусловленный характер. Выбор ислама волжскими булгарами был связан с политическими и культурно-экономическими причинами. Основную роль в этом сыграли тесные торговые и культурные связи с тюркскими народами и государствами Средней Азии, уже давно исповедовавшими ислам. К концу IX века, благодаря транзитной торговле со Средней Азией, булгары достаточно близко познакомились с исламом, осознали его пользу для всех сфер жизни общества, в первую очередь как консолидирующего фактора. Немаловажной была возможность приобрести могущественного союзника в лице Багдадского халифата. Также большую роль сыграла борьба за независимость от Хазарского каганата, зная которого приняла иудаизм. Другой геополитический партнер и одновременно соперник в борьбе за влияние в Поволжье – молодое Древнерусское государство – исповедовало язычество, но склонялось к византийскому христианству. В этой связи еще раз отметить, что в истории Древнерусского и Булгарского государств было много общего: оба складывались вокруг оси речных торговых путей, в борьбе за независимость от Хазарского каганата, через возвышение и объединение двух основных политических центров (Новгород и Киев; Булгар и Сувар), через провозглашение государственной монотеистической религии и принятие различными родственными и соседними племенами общего этнонима – «русь» и «булгар».

Мусульманская Волжская Булгария одна из первых в истории объединила тюркские и финно-угорские (а также, возможно, некоторые восточнославянские) племена, чьи потомки впоследствии вошли в состав России, тем самым дав им первый опыт

совместного проживания, сближения и взаимообогащения культур, зародив черты схожести жизненного уклада и менталитета. Булгария продемонстрировала одну из первых моделей межцивилизационного взаимодействия, диалога народов. Ее успешный опыт государственности стал одним из ключевых этапов формирования единого Российского государства. С уверенностью можно говорить об исторической преемственности Хазарского каганата, Волжской Булгарии, Киевской Руси, Золотой Орды, Московского царства, Российской империи, СССР, Российской Федерации, последовательно передававших друг другу миссию объединения земель и народов Центральной Евразии.

Провозглашение ислама официальной государственной религией Волжской Булгарии способствовало дальнейшей интеграции местных тюркоязычных народов, став этапом этно- и культурогенеза татар, чувашей, отчасти, башкир. Также и мордовский, марийский, удмуртский и другие финно-угорские народы тесно связаны с волжско-булгарской «этнической колыбелью».

Волжская Булгария, как мусульманское государство, оставила глубокий исторический след и громадное наследие, оказала многовекторное влияние на политическую, экономическую и культурную историю Восточной Европы и Центральной Евразии в целом. Поэтому история принятия ислама Булгарией важна не только для татар, тюрков, мусульман России, без ее глубокого изучения невозможно понять историю современной Российской Федерации.

Народы Поволжья, Прикамья и Приуралья, в первую очередь татары, рассматривают болгарское время как период своего становления, поскольку среди важнейших элементов болгарского наследия выделяются широкое распространение ислама, болгарский литературный язык, ставший основой при формировании татарского и других современных литературных тюркских языков региона, литература, предопределившая развитие татарской и других литератур, искусство, новый уровень развития государственности и многое, многое другое.

Принятие ислама предками татарского народа как государственной религии стало эпохальным событием в его истории, сыграло ключевую роль в его судьбе. В результате синтеза ислама

и тюркских традиций зародилась уникальная татарско-мусульманская цивилизация, было обеспечено внутреннее единство татарской нации. Ислам стал эффективным инструментом сохранения национальной идентичности в сложных исторических реалиях, а также не только сохранения, но и мощного поступательного развития и обогащения национальной духовной культуры и общественной мысли, в том числе создания модернизаторских богословско-философских, общественных движений, таких как джадидизм и исламский социализм.

Мусульмане проживают на территории России уже около 1400 лет и являются вторыми по численности среди верующих. 1100 лет назад в Волжской Булгарии ислам впервые в истории страны получил статус государственной религии, став одной из традиционных для ее народов конфессий. Исповедуемый в традиционных для Поволжья и России формах ислам повышает социальную стабильность, укрепляет семейные, общечеловеческие морально-этические ценности. Это, безусловно, помогает поступательному развитию как татарского, мусульманского, так и всего российского общества. Мусульмане-татары и представители других исламских народов на протяжении веков играют важную созидательную роль в жизни России. Среди них есть известные всему миру представители культуры, науки, искусства, предприниматели, спортсмены, общественные и политические деятели.

На основании вышеизложенного значение принятия ислама Волжско-Камской Булгарией выходит далеко за пределы ее хронологических и географических рамок, представляя собой поистине грандиозное событие, значимость которого для истории и современности невозможно переоценить...

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафий Миринеийский. О царствовании Юстиниана. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – 221 с.
2. Айдаров С.С., Надырова Х.Г. Развитие архитектуры Волжско-Камской Булгарии X – начала XIII веков // Известия КазГАСУ. – 2008. – № 2(10). – С. 10–14.
3. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – 317 с.
4. Алексеева Е.П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. – М.: Бриз, 1993. – 85 с.
5. Ангелов Д. Образуване на българската народност. – София: Наука и изкуство, 1971. – 415 с.
6. Артамонов М.И. История хазар. – СПб.: Лань, 2001. – 688 с.
7. Ахтямов К.Ш. О некоторых проблемах становления ислама в Поволжье // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 5(141). – С. 135–141.
8. Ахунов А.М. Исламизация Волжско-Камского региона (VII–X вв.): на материале арабских и старотатарских источников. – Казань: Отечество, 2003. – 216 с.
9. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков татар Волго-Камья. – Самара: Полдень XXII век, 1998. – 286 с.
10. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – Киев: Наукова думка, 1990. – 165 с.
11. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – М.: Высшая школа, 1969. – 383 с.
12. Божилов И., Гюзелев В. История на България: в 3 т. Т. 1. История на средновековна България VII–XIV в. – София: Анубис, 2006. – 704 с.
13. Bulgatica. Время и пространство Болгарской цивилизации: атлас. – М., Казань: Феория, 2012. – 471 с.
14. Ваклинов С. Формиране на старобългарската култура (VI–XI вв.). – София: Наука и искусство, 1977. – 461 с.
15. Валеев Р.М. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII веков. – Казань: Фест, 1995. – 157 с.

16. Валеева Д.К. Искусство волжских булгар (X – нач. XIII вв.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. – 132 с.
17. Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. – Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ, 1996. – 445 с.
18. Гагин И.А. Волжская Булгария – северный форпост исламского мира (к вопросу о путях проникновения ислама на Волгу) // Исламоведение. – 2017. – Т. 8. – № 3. – С. 46–60.
19. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа, IV–X вв. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – 216 с.
20. Галкина Е.С. К вопросу о роли Великой Булгарии в этнополитической истории Восточной Европы // Петербургские славянские и балканские исследования. – 2011. – № 1(9). – С. 5–32.
21. Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. – М.: Наука, 1964. – 201 с.
22. Георгиев П. Фанагурис, Томитуракан и «Великая Болгария» // Античная древность и средние века. – 2005. – Вып. 36. – С. 34–50.
23. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы. – М., Иерусалим: Гешарим, 1997. – 239 с.
24. Голден П.Б. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – С. 223–226.
25. Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1992. – 483 p.
26. Golden P.B. Central Asia in World History. – New York: Oxford University Press, 2011. – 192 p.
27. Golden P.B. Khazar studies. An historic-philological inquiry into the origins of the Khazars. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980. – V. 1–2.
28. Golden P.B. Türk Halkları Tarihine Giriş / Çeviren: O. Karatay. – Ankara–İstanbul: Ötüken Neşriyat A.Ş., 2012. – 496 p.
29. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. – М.: Айрис-пресс, 2008. – С. 165.
30. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. – СПб.: Кристалл; М.: ОНИКС, 2003. – 447 с.

31. Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура (Домонгольский период X – начало XIII вв.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. – 190 с.
32. Давлетшин Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2004. – 431 с.
33. Давлетшин Г.М., Хузин Ф.Ш. Булгарская цивилизация на Волге. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2019. – 112 с.
34. Джафаров Ю. Гунны и Азербайджан. – Баку: Азеншир, 1993. – 107 с.
35. Димитров Д. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. – Варна: Георги Бакалов, 1987. – 303 с.
36. Ефимова С.Г., Кондукторова Т.С. Население салтово-маяцкой культуры Восточной Европы по данным краниологии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 1994. – Вып. IV. – С. 562–583.
37. Западный Тюркский каганат. Атлас. – Астана: Service Press, 2013. – 848 с.
38. Звездов С. Първата българска държава и Аварският каганат (края на VII – началото на IX век) // Минало. – 2021. – № 2–3. – С. 18–30.
39. Златарски В.Н. История на българската държава през средните векове. Т. I. История на Първото българско царство. Ч. I. Епоха на хуно-българското надмощие (679–852). – София: Изд-во Г. Стоянова, 2007. – 486 с.
40. Зубов С.Э. Заселение кочевниками-болгарами Среднего Поволжья в VII–VIII вв.: к вопросу об этно-культурной компоненте: дис... канд. ист. наук. – Казань, 2006. – 320 с.
41. Ибн-Даста. Известия о хозарах, бургасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1869. – 214 с.
42. Измайлов И. Ислам в Волжской Булгарии: распространение и региональные особенности // История и современность. – 2011. – № 2. – С. 34–51.
43. Измайлов И.Л. Археология и ислам в Среднем Поволжье в X – первой трети XIII в.: опыт комплексного анализа // Поволжская археология. – 2016. – № 2(16). – С. 68–92.
44. Измайлов И.Л. Булгары: от племени к средневековому государству // Филология и культура. Philology and culture. – 2012. – № 1(27). – С. 178–185.

45. Измайлов И.Л. Волжская Булгария в IX – первой трети XIII в.: становление социальной, религиозной и этнополитической структуры общества: дис... доктора ист. наук. – Казань, 2013. – 688 с.
46. Измайлов И.Л., Хамидуллин Б.Л. Ашина и Дуло: дилемма тюркских правящих родов в Восточной Европе (к 85-летию С.Г. Кляшторного) // Научный Татарстан. – 2013. – № 4. – С. 35–43.
47. Измайлов И.Л., Хамидуллин Б.Л. Ислам в Золотой Орде. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – 61 с.
48. Иоанн Малала. Хронография. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2014. – 200 с.
49. Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). – СПб.: Алетейя, 2001. – 505 с.
50. История Востока: в 6 т. Т. 2. Восток в средние века. – М.: Вост. лит., 2002. – 716 с.
51. История искусства зарубежных стран: Средние века и Возрождение. – М.: Изобр. искусство, 1982. – 664 с.
52. История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 1, 2. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2002, 2006.
53. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). – Казань: Школа, 2007. – 356 с.
54. Казаков Е.П. Знаки и письмо ранней Волжской Болгарии по археологическим данным // Советская археология. – 1985. – № 4. – С. 178–182.
55. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этап этнокультурной истории). – М.: Наука, 1992 – 332 с.
56. Казаков Е.П. О ранней дате столичных городов домонгольской Волжской Болгарии // Finno-Ugrica. – 2008. – № 10. – С. 34–39.
57. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей: от древности к новому времени. Изд. 3-е, испр. и доп. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. – 432 с.
58. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. – Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1956. – 347 с.
59. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. – Л.: Изд-во АН СССР, 1932. – 134 с.
60. Комар А.В. Климатический фактор в истории кочевников Северного Причерноморья конца V – VII вв. н.э. // «Наследие Л.Н. Гумилева и современная евразийская интеграция»: Труды IX Евразийского научного форума, посвященного 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева. – С. 807–811.

61. Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время. – Донецк: ДНУ, 2006. – С. 7–244.
62. Кравченко Э.Е. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время. – Донецк: ДНУ, 2005. – С. 153–186.
63. Луценко В. Тюркский фактор в истории и этногенезе украинцев и их предков. – Киев: Річник, 2011. – 192 с.
64. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.–Л.: Ленинград: Изд-во АН СССР, 1951. – 452 с.
65. Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. – Самара, 1997. – 226 с.
66. Матвеева Г.И., Богачев А.В. Памятники раннеболгарского времени // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. – М.: Наука, 2000. – С. 155–188.
67. Менандр Протектор // Свод древнейших письменных известий о славянах. – М.: Восточная литература, 1994. – Т. 1. – С. 311–356.
68. Мерперт М.Я. Древнейшие болгарские племена в Причерноморье // Очерки по истории народов СССР. – М., 1958. – С. 604–615.
69. Мерперт М.Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. – Казань: Гос. музей ТАССР, 1957. – 37 с.
70. Мингазов Ш.Р. Великая Болгария и роль тюркоязычных болгарских племен в истории Европы: дис... канд. ист. наук. – Казань, 2013. – 298 с.
71. Мингазов Ш.Р. Исторические хроники об участии тюркоязычных болгар (булгар) в карфагенском походе Велизария (533–534 гг.) // Вестник Военного университета. – 2011. – № 4 (28). – С. 125–129.
72. Мингазов Ш.Р. Кубрат – правитель Великой Болгарии и Кетрадес – персонаж Иоанна Никиусского. – Казань: Изд-во «ЯЗ», 2012. – 40 с.
73. Мингазов Ш.Р. Наследники Великой Булгарии в Западной Европе // Филология и культура. – 2012. – № 1(27). – С. 201–207.
74. Мухамадеев А.Р., Хамидуллин Б.Л. Обычай и право Волжской Булгарии. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. – 54 с.
75. Мухамадеев А.Р., Хамидуллин Б.Л. Почему сувары не приняли ислам: победа хазарской дипломатии? // История государства и права. – 2013. – № 17. – С. 7–12.

76. Мухаметшин Р.М. Ислам в Татарстане. – М.: Логос, 2007. – 99 с.
77. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М.: Наука, 1990. – 264 с.
78. Павел Диакон. История лангобардов. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 316 с.
79. Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 172 с.
80. Пилипчук Я.В. Волжская Булгария: первое мусульманское государство в Восточной Европе // *Novogardia*. – 2020. – № 2. – С. 57–85.
81. Пилипчук Я.В. Миграции огурских племен (V–VII вв.) // Тюркологические исследования. – 2019. – Т. 2. – № 4. – С. 63–85.
82. Плетнева С.А. Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. – 1997. – № 1. – С. 32–49.
83. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. – М.; Иерусалим: Гешарим, 2000. – 240 с.
84. Плетнева С.А. Хазары. – М.: Наука, 1986. – 89 с.
85. Pritsak O. The origin of Rus'. Vol. 1: Old Scandanavian Sources Other than the Sagas. – Cambridge–Massachusetts: Harvard Ukrainian Research Institute, 1981. – 850 p.
86. Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. – М.: Арктос–Вика-пресс, 1996. – Ч. 1, 2.
87. Ранние болгары в Восточной Европе: Сб. ст. – Казань: ИЯЛИ, 1989. – 133 с.
88. Рашев Р. О возможности выделения самых ранних памятников праболгар в степях Восточной Европы // Татарская археология. – 1998. – № 2. – С. 65–72.
89. Рашев Р. Прабългарите през V–VII век. – Велико Търново: Фабер, 2007. – 366 с.
90. Руденко К.А. Волжская Булгария в XI – начале XIII вв.: поселения и материальная культура. – Казань: Школа, 2007. – 244 с.
91. Руденко К.А. Волжские болгары в этнокультурном пространстве Волго-Камья в IX – начале XI вв. // Евразийское межкультурное пространство в исторической ретроспективе: Сб. статей. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2013. – С. 238–268.

92. Руденко К.А. Этнокультурное взаимодействие народов Волго-Камья в конце X – XIV вв. По археологическим данным. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. – 682 с.
93. Сабанчиев Х.-М.А. Держава хана Кубрата и ее наследие // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 2016. – № 2. – С. 19–32.
94. Семькин Ю.А. Археологические данные о контактах раннеболгарских и именьковских племен на территории Среднего Поволжья // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. – Ижевск, 2006. – С. 233–245.
95. Сиротенко В.Т. Письменные свидетельства о булгарах IV–VII вв. в свете современных им исторических событий // Славяно-балканские исследования: историография и источниковедение. – М.: Наука, 1972. – С. 195–218.
96. Ситдииков А.Г., Баранов В.С., Бугров Д.Г. Музей Болгарской цивилизации. Т. 2. История тюрко-болгарской цивилизации. – Казань: Главлит, 2016. – 254 с.
97. Смирнов А.П. Волжские булгары. – М.: Гос. истор. музей, 1951. – 277 с.
98. Татарская энциклопедия: в 6 т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2002–2014.
99. Тихомиров М.Н. Именник болгарских князей // Вестник древней истории. – 1946. – № 3. – С. 81–90.
100. Тортика А.А. «Черная Булгария» трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» и «Черные болгары» «Повести временных лет»: проблемы локализации // Дриновський збірник. – Харків, 2012. – Т. 5. – С. 23–31.
101. Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. – Харьков: ХГАК, 2006. – 553 с.
102. Фахрутдинов Р.Г. Об имени и титуле правителя Волжской Булгарии // Советская тюркология. – 1979. – № 2. – С. 63–71.
103. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. – М.: Наука, 1984. – 216 с.
104. Феофилакт Симокатта. История. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 224 с.
105. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1969. – 396 с.
106. Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. – 220 с.

107. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. – Казань: Изд-во КГУ, 1986. – 159 с.
108. Хамидуллин Б.Л. Рах Chazarica: основные письменные источники и научная литература. – Казань: Фэн, 2013. – 63 с.
109. Хамидуллин Б.Л. Из глубины столетий. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2000. – 271 с.
110. Хамидуллин Б.Л. История «скифов» глазами современников. – Казань: Магариф, 2001. – 175 с.
111. Хамидуллин Б.Л. Хазары и их вассалы глазами современников. – Казань: Слово, 2014. – 279 с.
112. Хроника Псевдо-Захарии. IV, 1–2 // Классическая и византийская традиция. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2016. – С. 195–199.
113. Хузин Ф.Ш. Болгарская цивилизация Восточной Европы и некоторые проблемы ее изучения // Научный Татарстан. – 2011. – № 3. – С. 92–104.
114. Хузин Ф.Ш. Ранние булгары и Волжская Булгария (VIII – начало XIII в.). – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. – 583 с.
115. Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г. Археологическое изучение памятников архитектуры Волжской Болгарии и Казанского ханства (итоги и перспективы) // Региональные и национальные аспекты в архитектуре: наследие и перспективы. – Казань, 2003. – С. 56–58.
116. Хузин Ф.Ш., Хамидуллин Б.Л. Еще раз о соотношении язычества и ислама в домонгольской культуре Волжской Булгарии // Филология и культура. Philology and culture. – 2013. – № 1(31). – С. 214–221.
117. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феодана, «Бревиарий» Никифора: Тексты, пер., коммент. – М.: Наука, 1980. – 215 с.
118. Янина С.А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1962. – № 111 (Гр. Куйбышев. археол. эксп. Т. IV). – С. 179–204.

Сведения об авторах:

Белов Сергей Геннадьевич – историк, старший научный сотрудник лаборатории комплексного гуманитарного анализа и когнитивной филологии ФИЦ «Казанский научный центр Российской академии наук», старший научный сотрудник центра регионоведения и социокультурных исследований Института Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, дипломант премии «Книга года – 2017» Министерства культуры Республики Татарстан, специалист по широкому спектру проблем истории Республики Татарстан.

Хамидуллин Булат Лиронович – кандидат исторических наук, заведующий центра изучения татарской диаспоры Института Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, член Союза писателей Республики Татарстан, лауреат Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники, международной премии им. Кул Гали, заслуженный работник культуры Республики Татарстан, автор нескольких научных монографий, учебных пособий и научно-популярных книг по истории Республики Татарстан и татарского народа.

Научно-популярное издание

С.Г. Белов, Б.Л. Хамидуллин

ВОЛЖСКИЕ БУЛГАРЫ. ПУТЬ К ИСЛАМУ:

этнополитическая и культурно-конфессиональная история праболгар
с древнейших времен до официального принятия булгарами ислама

Редактор: Г.Э.Рафикова

Дизайн и верстка: Ф.А.Ибрагимова

ISBN 978-5-902375-62-3

9 785902 375630

Подписано в печать 14.02.2022.

Бумага офсетная. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 7,9. Тираж 500 экз. Заказ 14/2.

Обособленное структурное подразделение
«Институт Татарской энциклопедии и регионоведения
Академии наук Республики Татарстан»
420015, г. Казань, ул. Пушкина, 56.

Издательство Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20

Отпечатано с готового оригинал-макет в ООО «Фолиант»
420111, г. Казань, ул. Профсоюзная, 17В